

НОО "ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА"

ОБЩЕСТВО, ПОЗНАНИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ: НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МОНОГРАФИЯ

МАПЕЛЬМАН В.М., НЕУСТРОЕВ А.Н., НЕУСТРОЕВ Н.Д.,
ПОНОМАРЕВ М.В., САВВИН А.С., ШУБИНА П.В.,
ШУБИНА Т.Ф.,

WWW.SCIPRO.RU |

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

Общество, познание и современность:
научные исследования

Монография

www.scipro.ru
Нижний Новгород, 2019

УДК 31
ББК 60.5
О-28

Главный редактор: Бородай Владимир Александрович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства», Донской государственный технический университет (ДГТУ). Государственный советник Ростовской области 3 класса, г. Ростов-на-Дону

Технический редактор: Канаева Ю.О.

Рецензент: Дудкина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент. Донской государственный технический университет (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Факультет «Сервис и туризм», кафедра «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства»

Авторы:

Мапельман В.М., Неустроев А.Н., Неустроев Н.Д., Пономарев М.В.,
Саввин А.С., Шубина П.В., Шубина Т.Ф.

Общество, познание и современность: научные исследования [Электронный ресурс]: монография. – Эл. изд. - Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf: 126 с.). - Нижний Новгород: НОО "Профессиональная наука", 2019. – Режим доступа: <http://scipro.ru/conf/monographsociety.pdf>. Сист. требования: Adobe Reader; экран 10".

ISBN 978-5-907072-64-0

Монография посвящена вопросам в области информатизации, глобализации, новых тенденций образования, воспитания и социального развития.

Материалы монографии будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам предприятий, финансовых организаций, а также студентам, магистрантам и аспирантам.

При верстке электронной книги использованы материалы с ресурсов: Designed by Freepik, Canva.

ISBN 978-5-907072-64-0

© Авторский коллектив, 2019 г.

© Издательство НОО Профессиональная наука, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
Глава 1. «Современность» и «постсовременность» как модели общества.....	8
Глава 2. Глобализация и социальная напряженность в современном обществе	23
Глава 3. Виртуализация общества как проблема современной социальной философии: гражданское общество в информационную эпоху	59
Глава 4. Воспитание подрастающего поколения в аспекте истории и современности	95
<i>Заключение</i>	114
<i>Библиографический список</i>	115
<i>Сведения об авторах</i>	124

Введение

В социально-философской литературе уже традиционно общество рассматривается как система. При этом, все в большей степени оно представляется как целостная система во взаимосвязи, взаимообусловленности составных внутренних частей и структурных преобразований.

Материальная база высоких технологий, на которой сформировано современное общество. Возникают новые неизученные аспекты традиционных философских проблем, в частности, информационные технологии не только сохраняют свободу как проблему, но и подвергают ее определенным трансформациям

Интеграционные процессы в экономической, политической и духовной деятельности, нарастающие явления глобализации, тесная взаимосвязь и информированность людей разных стран друг о друге стали настолько значительными, что современное общество все в большей степени превращается в глобальную систему и предстает как единый целостный организм, жизненное пространство которого охватывает все страны и континенты.

Монография состоит из 4-х глав.

В первой главе ««Современность» и «постсовременность» как модели общества» автор рассматривает основные концептуальные подходы к анализу «современности» как особой исторической эпохи и модели общественного развития, сложившиеся в XX – начале XXI вв., выявляет социально-исторический контекст их формирования и определяет степень актуальности для современной науки. Особое значение придается теориям, отражающим специфику поздних стадий модернизационного процесса как «постсовременности» (концепции «нового индустриального общества», «постиндустриального общества», «информационного общества»).

Во второй главе «Глобализация и социальная напряженность в современном обществе» рассматриваются источники и особенности процесса глобализации, выделяются её признаки, этапы развития, предлагаются критерии классификации глобальных проблем современности. Особое внимание уделено социальным противоречиям, порожденным глобализацией, и специфике их проявлений в различных областях жизни и деятельности людей.

В третьей главе «Виртуализация общества как проблема современной социальной философии: гражданское общество в информационную» авторы рассматривают вопрос особенностей формирования и развития

гражданского общества, рассматриваются виртуальные инструменты организации гражданского общества в мировой и российской практике.

Для изучения процесса формирования и развития гражданского общества в эпоху информационной цивилизации важно рассмотреть историю формирования и спектр значений понятия «гражданское общество» в современной социально-философской мысли, сформировать представление об условиях существования гражданского общества, а также изучить как уже разработанные и внедренные в мировую практику, так и пока находящиеся на стадии апробации виртуальные инструменты организации деятельности сообщества, а также выявить примеры использования этих инструментов в реалиях современной России.

В четвертой главе рассматривается вопрос воспитания подрастающего поколения, в аспекте истории и современности. В условиях перехода нашей страны к новым общественно-политическим и социально-экономическим отношениям происходят соответствующие преобразования и в области образования. В историческом плане отмечается, что в 90-ые годы XX в. была разрушена советская система воспитания без адекватной ее замены. Утверждение, что российское образование должно быть деидеологизировано, оказалось неверным. Благодаря приоритетной образовательной политике в эти трудные годы в Якутии, удалось сохранить стабильное развитие образования: развитие новых типов и видов образовательно-воспитательных организаций, каждая сельская малокомплектная школа становится центром духовного преобразования села, воспитание подрастающего поколения на прогрессивных традициях народного воспитания. В настоящее время разработана воспитательная программа «Эркээйи-2» в духе современных жизненных реалий, этнопедагогической теории и практики. Речь идет о новом методологическом концептуальном подходе к учебно-воспитательному процессу, где учитель выступает в роли наставника, организатора, консультанта, а учащиеся сами занимаются по выбору, согласно программе индивидуальной траектории развития.

Авторский коллектив:

Пономарев М.В. (Глава 1. «Современность» и «постсовременность» как модели общества)

Мапельман В.М. (Глава 2. Глобализация и социальная напряженность в современном обществе)

Шубина П.В., Шубина Т.Ф. (Глава 3. Виртуализация общества как проблема современной социальной философии: гражданское общество в информационную эпоху)

Неустроев Н.Д., Саввин А.С., Неустроев А.Н. (Глава 4. Воспитание подрастающего поколения в аспекте истории и современности)

Глава 1. «Современность» и «постсовременность» как модели общества

Понятие «*современность*» является одним из наиболее неоднозначных в категориальном аппарате современной социально-гуманитарной науки. С точки зрения обыденной логики современность воспринимается как «наше время», очерченное привычной повседневной культурой, преемственным социальным опытом, устойчивой и непротиворечивой картиной мира. Потребность же в осмыслении «современности» как особой эпохи и, тем более, модели общественного развития возникает в условиях резкого ускорения исторического времени, когда происходит деформация институционального, ценностного, коммуникативного пространства, и ощущение «разрыва времен» способствует активизации социальной рефлексии.

Напряженный интерес к «современности» стал характерной чертой новоевропейской интеллектуальной культуры, сформировавшейся в логике дихотомии с «до-современными» формами социальности. Интерпретации «современности» как *Нового времени* в противовес *Старому порядку* варьировались от метафизических концепций, отражающих идеалы Просвещения и Прогресса, до разнообразных утилитарных теорий. Но в полной мере интерес к «современности» как особому состоянию общества возник только в XX в., когда стала очевидной исчерпанность идеалов новоевропейского прогрессизма, а динамика общественной жизни наглядно показывала, что уже достигнутая «современность» является лишь эпизодом во все более стремительном историческом движении. Использование понятия «*moderne*» позволяет выстроить логичную модель такого развития: процесс *модернизации*, то есть, перехода от «до-современных» форм социальности к «современным», достигает качественного рубежа в начале XX в. и сменяется затем «*постмодернизацией*». Характерно, что термин «постмодернизм» был введен в научный оборот именно в это время – в книге Рудольфа Панвица «Кризис европейской культуры» (1917). Впрочем, префикс «пост-» в подобных смысловых конструкциях закрепился значительно позднее, а выход за пределы социальной парадигмы *модерна* первоначально соотносился с понятием *модернизма*¹.

¹ Термин «*moderne*», который обычно переводится как «современный», с эпистемологической точки зрения ближе к понятию «*новейший*», в отличие от схожего термина «*contemporain*» («современный»). Соответственно, в качестве историософской категории «*moderne*» обозначает не столько «современное состояние», сколько процесс и результат «движения к современности». Для

Парадигма модернизма стала первой попыткой осмыслить феномен «постсовременности». Она емко отразила специфику исторической социальности общества первой половины XX в., зеркалом которой стали и господство различных типов реформаторской и революционной идеологии, и драмы мировых конфликтов в сочетании с все более очевидными контурами глобального политико-правового порядка, и эклектика новейших культурных движений, и бурная экспансия неклассической научной методологии. Все эти тенденции закрепляли образ «движущейся», «рефлексивной», «мятежной», современности, который явно диссонировал с метафизическими традициями новоевропейского прогрессизма. Сущность такой «постсовременности» емко определил Ю. Хабермас: «Это новый мир, который открывает себя будущему, когда в каждом моменте современности заново повторяется процесс зарождения новой эпохи... Поэтому историческое сознание включает в себя отграничение “новейшего времени” от нового. Современность, которая понимает себя из горизонта нового времени как актуализацию новейшего времени, должна реализовывать, осуществлять в виде непрерывного обновления разрыв нового времени с прошлым»². В схожей логике понятие «*новейшая история*» закрепилось в марксистско-ленинской историософии³. Однако уязвимость такого подхода заключается в переносе акцента на априорную незавершенность модерна и революционный характер новейшей (актуальной) «современности». И если в условиях жесткой ломки социальных структур дискурс такой «мятежной» современности вполне аутентичен состоянию общества, то для осмысления преемственного, системного развития он оказывается не столь эффективным.

В середине XX в. в интеллектуальном пространстве западного общества оформился совершенно иной парадигмальный подход к восприятию «современности». Методологически он был связан с опытом системного социального моделирования в русле институционализма, социальной антропологии, разнообразных теорий модернизации и неклассических цивилизационных теорий. При всем разнообразии этих разработок их общей чертой стало стремление к описанию базовых характеристик «современного общества», возникших в процессе модернизации и сформировавших на зрелой стадии своего развития устойчивую и максимально эффективную

концептуальной репрезентации более поздних стадий такого движения и служит понятийный ряд «модерн – модернизм – постмодерн».

² Хабермас Ю. Философский дискурс о современности. М.: Весь мир, 2003. С. 12.

³ См.: Пономарев М.В. История стран Европы и Америки в Новейшее время. М.: Проспект, 2008. С. 8-9.

общественную систему техногенного типа. Отсюда и ставшая впоследствии широко известной дихотомия «аграрное (традиционное) общество» – «индустриальное (современное) общество»⁴.

Политологические, социологические, экономические, юридические исследования 1950-х – 1960-х гг. закрепили достаточно целостное представление об индустриальном обществе как универсальной социальной модели, которая является институциональным итогом процесса модернизации и становится своего рода «пропуском» в грядущую эпоху «постсовременности». Причем, признание реального многообразия обществ индустриального типа (от советской модели модернизации до «Новых индустриальных стран» Латинской Америки и Юго-Восточной Азии) сочеталось с восприятием западного общества как наиболее зрелого, эталонного варианта такого развития. По понятным причинам эта точка зрения была особенно востребована на Западе в условиях «холодной войны» и неоколониализма, но и до сих пор системные характеристики индустриального общества воспринимаются как институциональная «норма» обществ «современного типа». В первую очередь, речь идет о техногенном характере общества как функциональной системы, основанной на сочетании естественных факторов человеческого поведения с искусственными социальными конструктами, способствующими устойчивому и эффективному развитию. Роль опорной подсистемы играет рыночная экономика, обеспечивающая расширенное воспроизводство и технико-технологический прогресс. Проекция рыночных экономических отношений собственности, труда и потребления на сферу социализации личности и социальной стратификации общества формирует классовую структуру, которая, с одной стороны, отличается пирамидальной формой (пространство, ранжированное между полюсами «богатства» и «бедности»), а с другой, опирается на базовые социальные категории «собственников» и «трудящихся». К системным характеристикам социального пространства индустриального общества относятся также широкая урбанизация и превращение наций в базовую форму коллективной идентичности. Отсюда и специфика политико-правовой подсистемы индустриального общества: естественно-правовой суверенитет человеческой личности как основа договорных правоотношений и права гражданского сообщества выступать в качестве учредительной власти, демократический и правовой характер

⁴ Подробный анализ концептуальных подходов к изучению процесса модернизации в контексте дихотомии «аграрное (традиционное) общество» – «индустриальное (современное) общество» приведен в монографии И.В. Побережникова «Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации» (М.: РОССПЭН, 2006).

государства как его фундаментальные конституционные характеристики, защищенные от политической конъюнктуры, открытый, состязательный политический процесс в сочетании с устойчивым партийно-политическим спектром и строгой институционализацией всей политической сферы. Культурная подсистема индустриального общества опирается на преобладание рациональных форм общественного сознания, научную картину мира, массовое образование, прогрессистское историческое мышление, дифференциацию элитарных и массовых форм искусства, ценностный и эстетический плюрализм.

В качестве модели «современности» индустриальное общество представляет собой результат не только исторического процесса модернизации, но и, прежде всего, высокого уровня социальной эмансипации человека (что, теоретически, снимает проблему разнообразия сценариев модернизации – подразумевается, что на «финише» этого процесса высокий уровень личностной эмансипации минимизирует национальные и цивилизационные отличия и закрепляет универсальные формы социальности). Зрелое индустриальное общество представляется открытой системой, основанной на экономическом, гражданском, социетальном активизме рационально мотивированных индивидов и, как следствие, состязательном, договорном образе жизни в сочетании с высоким уровнем мировоззренческого и поведенческого плюрализма. Это обеспечивает высокий уровень социальной динамики и эффективности, но в сочетании с рисками конфликтности, скрытого партикуляризма и даже маргинализации. Блокировать такие риски призваны, с одной стороны, конституционное государство и гражданские институты, а с другой, целостная система воспроизводства гражданской идентичности, плюралистических ценностных ориентиров, универсальных поведенческих паттернов, которая опирается на и на массовое образование, и на медиактивизм СМИ, и на электоральные коммуникации.

Итак, системные характеристики индустриального общества показывают завершенность процесса модернизации на самом глубинном уровне социального пространства. Но в связи с этим неизбежно возникает вопрос об исторической перспективе этой модели – какое будущее имеет уже достигнутая «современность», и в чем заключается переход к «постсовременности»? В рамках парадигмы индустриального общества этот вопрос решается в технократическом ключе: повышение эффективности институциональной структуры обеспечивает снижение социальной конфликтности и рост устойчивости всей общественной системы, что и открывает новые перспективы развития. Еще в 1941 г. Джеймс Бернхем сформулировал на этой

основе идею «менеджерияльного общества»⁵. После Второй мировой войны в трудах неоинституционалистов М. Ориу, Г. Мюрдаля, Дж. Бьюкенена, Дж. Гэлбрейта, У. Ростоу, Р. Хейлбронера, Дж.М. Кларка, была подробно обоснована концепция «общества всеобщего благоденствия», способного перейти от спонтанного циклического развития к устойчивому и упорядоченному прогрессу. Основой такого перехода считалось широкое применение управленческих технологий во всех сферах общественной жизни, развертывание научно-технической революции, укрепление «плюралистической демократии», обеспечение баланса между защищенностью индивидуальных прав и солидарной социальной активностью на всех уровнях организации общества. Идеи институционалистов были созвучны популярным в то время неокейнсианским экономическим теориям, обосновывавшим необходимость создания социально ориентированной «смешанной экономики» с многообразием форм собственности, стратегическим государственным планированием, оптимизацией производственного управления и потребления.

Джон Гэлбрейт емко назвал такую социальную модель «*новым индустриальным обществом*», подчеркивая, что общественное развитие в «современную» эпоху происходит на основе прежней институциональной структуры, но с существенным обновлением экономических, политических, образовательных технологий⁶. Характерным дополнением этой концепции можно считать знаменитую «пирамиду потребностей» Абрахама Маслоу, которая позволяла очень четко соотнести уровневую мотивационную матрицу человеческого поведения с институциональным пространством «нового индустриального общества» и новейшими технологиями социального управления: повышение эффективности институциональной структуры позволяет шаг за шагом гарантировать всеобщее удовлетворение потребностей на нижних ступенях мотивационной «пирамиды», а «менеджмент человеческих отношений»⁷ призван сконцентрировать социальный активизм на ее верхних ступенях.

Концепция «современности» как «нового индустриального общества» тесно связана со спецификой интеллектуального дискурса и социально-

⁵ На русском языке концептуальная книга Бернхейма была издана под названием «Революция директоров» (Бернхэм Дж. Революция директоров. Пер. с англ. Е. Шугаева. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954).

⁶ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Транзиткнига, 2004. С. 14-15.

⁷ «Менеджмент человеческих отношений» – это неклассическое направление исследований в области технологий социального управления, основанное на восприятии психологических, гендерных, поведенческих, мировоззренческих особенностей человека как ресурса активизации производственной и иной деятельности.

исторического контекста 1960-х гг. Но она не утратила актуальности и в наши дни – многие ее постулаты и принципы оказались не только воплощены на практике, но и сохраняют роль ориентиров общественного развития. В качестве примеров можно привести широкую технологизацию социальных практик (от образовательных и избирательных технологий до проектных алгоритмов научного творчества и «дорожных карт» развития любого уровня), установку на обеспечение гарантийного уровня благосостояния как ключевого фактора решения проблем социальной конфликтности и способа переориентации социального активизма на прорывные направления развития, лидирующую роль организаций корпоративного типа, способных не только аккумулировать мощную ресурсную базу, но и создавать целостное внутреннее пространство с собственными социальными лифтами и атрибутами коллективной идентичности. Не утратили актуальности и классические институты конституционной государственности, установка на безусловную значимость политического плюрализма в сочетании с системной институционализацией политического пространства. Неизменным, по сути, остался ценностный компонент такой политико-правовой системы, получивший к тому же мощные гарантии в рамках современного международного права. Все это позволяет говорить о прямой преемственности общественного развития второй половины XX и начала XXI вв. Однако еще с 1970-х гг. началось становление и иной парадигмальной концепции «современности», ключевую роль в рамках которой играл концепт «постиндустриализма».

Понятие «*постиндустриальное общество*» еще в 1959 г. ввел в научный оборот профессор Колумбийского университета Дэниел Белл. Но его первоначальная версия касалась лишь одного из признаков этой модели – превращения сектора услуг в ведущую производительную силу. Характеристика постиндустриального общества как «сервисного» вызывала немало сомнений, но в 1973 г. Белл опубликовал парадигмальную работу под названием «Грядущее постиндустриальное общество», в которой представил свою концепцию в иной плоскости. Он предложил рассматривать триаду социальных моделей «*доиндустриальное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество*» в набирающей популярность модальности «социальной игры». Доиндустриальные общества Белл характеризовал как «естественный мир», то есть «игру» с природой, определяющую и специфику общественного производства («аграрное общество»), и структуры повседневности, и особенности демографических процессов. «Индустриальное общество», с этой точки зрения, представляет собой «технический мир», то есть «игру» с искусственной природой (производственная культура,

рационализация, мир иерархической и бюрократической организации), а «постиндустриальное общество» – это «социальный мир», основой которого является «игра» между людьми (сервисная культура, интенсивные коммуникации, коммунальное общество, в котором люди нуждаются в познании друг друга)⁸.

Д. Белл изначально рассматривал концепцию постиндустриального общества как «попытку охарактеризовать и объяснить коренные изменения в социальной структуре», а не «законченную картину социального устройства», а также подчеркивал, что «"постсовременность", будь она историческим периодом или типом общества, является скорее не определением, а лишь постановкой вопроса»⁹. Но уже спустя полтора – два десятилетия понятие «постиндустриализм» прочно вошло и в категориальный аппарат социально-гуманитарной науки, и в повседневный язык¹⁰. Причем, постиндустриальное развитие ассоциировалось, прежде всего, с принципиально новым уровнем открытости и динамичности современного общества. Такая оценка была сопряжена с целым рядом важнейших тенденций последней четверти XX в. Период «неоконсервативной революции» в странах Запада дал толчок для формирования более гибкой институциональной структуры общества и качественного усиления социальной мобильности (Э. Тоффлер в своей теории «третьей волны» определил суть этих новаций как «демассификацию» и «дестандартизацию», результатом чего становится переход к принципиально новому типу общественной организации – «адхократии», то есть «ситуативному управлению», которое опирается на «власть меньшинств, полупрямую демократию и разделение решений»¹¹). Развертывание процесса глобализации привело не только к оформлению наднационального экономического пространства, но и резко расширило возможности для межкультурных коммуникаций, активизировало миграционные потоки, способствовало синтезу структур повседневности, имеющих разные цивилизационные корни. «Информационная революция» обеспечила прочные технологические основы для всех этих процессов, а также привела к

⁸ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1995. С. 663.

⁹ Там же. С. 68, 161.

¹⁰ Помимо базового понятия «постиндустриальное общество» получили распространение смежные понятия «постиндустриальный капитализм» (Р. Хейльбронер), «постбуржуазное общество» (Дж. Лихтхайм), «пост-капиталистическое общество» (Р. Дарендорф, П. Дракер), «постпотребительское общество» (Д. Рисман), «пострыночное общество» (Дж. Рифкин). См. подробнее: Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-44.

¹¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999. С. 695.

формированию «цифровой экономики» с инновационной моделью роста. Стремительная экспансия «всемирной паутины» Интернета создала общепланетарное информационное пространство не только с беспрецедентным уровнем открытости, но и синергетическим эффектом саморазвития.

Масштаб и потенциал всех этих новаций конца XX в. оказался настолько велик, что парадигма «постиндустриализма» начала утрачивать свое методологическое значение. По сути, был признан тот факт, что облик актуальной «современности» связан не с трансформацией индустриализма, а с информатизацией и глобализацией как совершенно самостоятельными социально-историческими явлениями. Отсюда и востребованность нового парадигмального понятия «*информационное общество*», которое подчеркивало базисную роль распространения информационных технологий и информационно-коммуникативных практик во всех сферах современной общественной жизни. Начали широко использоваться и два смежных понятия: «*общество знаний*» (подчеркивается роль информации как ключевого ресурса общественного развития и основного «социального капитала» современной эпохи) и «*сетевое общество*» (открытое информационно-коммуникативное пространство как основа социальной организации, лишенной иерархического характера и множественной, вариативной по своей структуре)¹².

В начале XXI в. понятия «информационного общества», «общества знаний», «сетевого общества» стали общепризнанными концептами, характеризующими «новейшую» (актуальную) «современность». Причем, по сравнению с парадигмой постиндустриализма речь идет о «современности», которая уже непосредственно не сопряжена с наследием модернизационных процессов, а является самостоятельной эпохой, радикально меняющей историческую социальность общества в глобальном масштабе. Ключевое значение придается формированию мультикультурного социального пространства с принципиально новым уровнем открытости и изменчивости, множественной, нелинейной структурой, инновационными формами активизма, что и является основным результатом глобализации и информатизации.

Такой подход в значительной мере справедлив, однако события последнего десятилетия вновь остро поставили вопрос о его корректности. Проблема заключается в том, что эффект процессов глобализации и

¹² См. подробнее: Бутенко Е.В. Эволюция теорий информационного общества. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Томск, 2004; Ишмаев Г.Ш. Концепции «информационного общества» и «общества знаний»: опыт сравнительного анализа. Дис. ... канд. филос.: 09.00.11. Челябинск, 2010; Трубицын О.К. Формирование теории сетевого общества // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2011 № 2. С. 45-52.

информатизации оказался гораздо более неоднозначным, чем это представлялось ранее. Более того, парадигма глобализма превратилась в объект жесткой критики из-за тех противоречий и рисков, которые провоцирует ее полномасштабная реализация. Не случайно, что в последние годы популярность набирает альтернативная концепция *глокализма*. Роланд Робертсон, впервые предложивший этот термин, подчеркивал, что нельзя отрицать растущее влияние универсальных культурных стандартов, но наиболее эффективно эти стандарты реализуются именно через локальные ситуации, практики и действия, в том числе связанные с национальной и цивилизационной спецификой¹³. Эта гипотеза всецело подтверждается абсолютным доминированием в современном мире социал-консервативного политического тренда, связанного не только с усилением роли национального суверенного государства как актора мировой политики, но и возрождением представлений о нации как органическом сообществе, основанном на единстве своего исторического прошлого, настоящего и будущего, объединенного национальной языковой культурой, ментальными особенностями и ценностными установками, традициями семейного уклада и уникальными структурами повседневности. Примерами такого тренда являются и стратегия «китайской мечты» руководителя КНР Си Цзиньпина, и концепт «духовных скреп», столь значимый для нынешнего российского политического дискурса, и «политика национализма», объявленная президентом США Д. Трампом, и острая дискуссия о европейской идентичности и историческом будущем европейских наций. Важно подчеркнуть, что современная «политика идентичности» в равной степени предполагает и «трансформацию старых, традиционных сообществ в формы, соответствующие современности», и «формирование новых сообществ, обладающих инновационными характеристиками»¹⁴. Но эпицентром процесса становится именно национальная идентичность, защищаемая от «вызовов современности».

Что касается процесса информатизации, то его роль в меньшей степени подвержена критике, хотя и значимость уже не переоценивается. Показательна точка зрения немецкого экономиста Клауса Шваба, высказанная в 2016 г. в рамках заседаний Всемирного экономического форума в Давосе: «Третья промышленная революция, которая обычно называют компьютерной или цифровой революцией, началась еще в 1960-х гг. И цифровые технологии, основанные на аппаратном и программном обеспечении и сетях, не

¹³ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. P. 8-9.

¹⁴ Жаде З.А. Политика конструирования идентичности // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 5. С. 181.

являются новшеством, хотя с каждым годом уходят все дальше, становятся более усовершенствованными и интегрированными»¹⁵. Перспективы и сущность четвертой промышленной революции, вопрос о которой ставит К. Шваб, остаются весьма спорными, однако совершенно очевидно, что сама по себе цифровизация, как технологический процесс, уже не может рассматриваться в качестве «движущей силы» перехода к «постсовременности». Более того, наращивание масштаба и темпов информатизации создает немалые проблемы. Уникальная доступность поиска, хранения и оперативной переработки огромных информационных массивов, их кумулятивное расширение в рамках «всемирной паутины», возможность сетевой репрезентации любой частной информации, предельная насыщенность медийного поля приводят к своего рода «информационной инфляции»: «Нам становится доступно большее количество знания, чем вообще возможно знать, и это знание для того, чтобы стать знанием, должно быть, прежде всего, превращено в информацию»¹⁶. Риски этой ситуации афористично характеризует Фрэнк Уэбстер: «Современная культура более информативна, чем любая предшествующая. Но именно этот информационный взрыв заставил говорить о смерти знака. Мы атакованы знаками со всех сторон, мы сами себя создаем из знаков, мы не имеем возможности скрыться от них – и все это в результате приводит к коллапсу смысла. Информации становится все больше, а смысла – все меньше»¹⁷.

Противоречия процессов глобализации и информатизации в сочетании с кризисными тенденциями последних лет сформировали в массовом сознании впечатление едва ли не хаоса. Да и авторитетные аналитики все чаще используют для характеристики современности такие драматичные эпитеты как «общество риска», «текущая современность», «смерть знака», «утрата смыслов», «эра мгновенности», подчеркивающие ощущение культурного разлома, деформации привычных социальных ролей и этических норм. «Наступление мгновенности вводит человеческую культуру и этику на еще не нанесенную на карту и неизведанную территорию, где большинство приобретенных навыков решения жизненных проблем утратило полезность и смысл», – рассуждает Зигмунд Бауман. – Мы можем сказать, что самым многообещающим видом единства будет тот, что достигается ежедневно

¹⁵ Шваб К. Четвертая промышленная революция «Эксмо», 2016. С. 8-9.

¹⁶ Луман Н. Решения в «информационном обществе» [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/594232/> (дата обращения: 10.01.2019).

¹⁷ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 29.

заново»¹⁸. Ту же мысль развивает Ульрих Бек: «Сегодня широкий конвейер обретения опыта в социальной среде во многих местах разорван, и отдельный человек, предоставленный самому себе, вынужден открывать элементы “судьбы” в своей собственной жизни»¹⁹. При этом Бек подчеркивает, что начавшийся в информационном обществе «процесс индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни подтачивает иерархическую модель социальных классов и слоев и ставит под сомнение ее реальное содержание, ... заодно теряет привлекательность идея социальной мобильности в смысле движения индивидов из одной большой группы населения в другую, идея, которая вплоть до нашего времени играла большую роль в формировании идентичности»²⁰. Этот всеобщий кризис идентичности все чаще называется едва ли не ключевой характеристикой «современности», порожденной глобализацией и информатизацией.

Помимо пессимистических оценок «текущей современности» уязвимость классических концепций «информационного общества» связана и с методологическими вопросами. Презентация этой модели общественного развития в категориях институциональной «открытости» («адхократии», по терминологии Э. Тоффлера), усиления роли интеллектуальной элиты (как основного «человеческого капитала» в «обществе знаний»), инновационной технологизации и мультикультурного плюрализма имеет под собой объективные основания, но такой подход концептуально мало отличается от парадигмы «нового индустриального общества». Не случайно, что один из ведущих аналитиков в этой области Э. Тоффлер отказывался от термина «постиндустриальное общество», говоря о процессе «*супериндустриализации*». Если же актуальную «современность» рассматривать именно как особую эпоху и модель общественного развития, то искать ответ на вопрос о ее сущности следует в совершенно иной плоскости – формирования новой *социальности общества*, а не развития технологий и институтов.

Вопреки распространенным представлениям, формирование уникальной социальности информационного общества не является прямым результатом самой «информационной революции» («компьютерной революции»). Этот процесс начался существенно раньше – на зрелой стадии развития индустриального общества, и был связан с распадом классовой социальной структуры с характерным для нее противостоянием «собственников» и «трудящихся». «Исчезновение классов», в свою очередь, являлось

¹⁸ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 140, 191.

¹⁹ Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 118.

²⁰ Там же. С. 145.

результатом долговременных тенденций, отражавших трансформацию отношений собственности и труда – базовых для классовой структуры индустриального общества. Социальная роль института частной собственности изменилась под влиянием целого ряда факторов: распространения акционерного и ассоциированного капитала, применения неклассических моделей менеджмента (система «участия», менеджмент «человеческих отношений»), формирования государственного сектора рыночной экономики и конституционного института социального государства. Как следствие, уже к 1950-м гг. в западном обществе фактически исчез «класс буржуазии» – в тех или иных формах обладание собственностью или, по крайней мере, прямое или косвенное получение доходов от прибыли (в том числе, благодаря государственной системе перераспределения общественного дохода) стало атрибутом абсолютного большинства социальных групп. Еще более радикально изменился социальный статус «труда»: под влиянием «революции менеджеров», повышения общего «образовательного ценза» для наемного труда, конституционного закрепления права на труд и сопряженных с ним гарантий, последствий «гендерной революции», усиления мобильности трудовых ресурсов, в том числе широкого привлечения труда гастарбайтеров, система трудовых отношений не только приобрела предельно дифференцированный характер, но и охватила практически все общество. В итоге отношения собственности и труда сохранили ключевое значение для функционирования социально-экономической системы и обеспечения уровня благосостояния, но социальное ранжирование, статусные отношения, действие «социальных лифтов» все в большей степени определялись отношениями потребления. Отсюда и характеристика зрелого индустриального общества как «общества потребления».

Сама по себе социальная организация «общества потребления» была чрезвычайно уязвимой и даже паразитарной. Но именно в ее рамках начали формироваться элементы совершенно новой модели социализации личности. Пока эта модель опиралась на искусственные в своей основе категории престижности, связанные с потребительскими стандартами. Но ее ключевой особенностью стало растущее значение имиджевого поведения человека. Начало складываться социальное пространство, в котором представители разных страт и сообществ отличаются друг от друга не столько по уровню или качеству, сколько по стилю жизни. И такая *имиджевая модель социализации* подразумевала готовность человека не просто подстраиваться под те или иные признаки своей страты, а воспринимать их как своего рода социальную игру, перформанс, исполняемый перед некой конкретной

«аудиторией» в конкретной ситуации. На этой основе уже в 1970-х гг. возникла перспективная концепция «социальной драматургии», автор которой И. Гофман доказывал, что в современном обществе ролевой принцип становится основой не только любых социальных практик, но и личностного развития: «Поскольку маска отражает понятие, которое мы составили о себе, и представляет ту роль, которую мы стараемся оправдать своей жизнью, то эта маска и есть наше истинное “Я”... В конце концов, наше понятие о нашей роли становится второй натурой и составной частью нашей личности»²¹. Тем самым, начинается складываться особый социальный типаж – «*Homo ludens*» («человек играющий»), ключевой особенностью которого является способность к свободному моделированию идентичности, гибкой смене исполняемых ролей, ситуативной адаптации к особенностям того или иного «перформанса» и, главное, креативному конструированию собственной картины мира. В методологическом плане этот феномен был раскрыт в целом комплексе исследований социально-конструктивистской направленности, получивших огромную популярность в 1970-х – 1980-х гг.²²

В рамках «общества потребления» происходило лишь зарождение имиджевой модели социализации. Не случайно, что наиболее ярким проявлением этого процесса стал молодежный бунт против самого «общества потребления», воплощенный в разнообразных протестных практиках «контркультуры». Но за фасадом гротескного протеста скрывалась очень перспективная тенденция. Как справедливо отмечал Э. Тоффлер, «бунт молодежи, феномен хиппи, движение защитников окружающей среды, растущий интерес к оккультизму, нежелание многих молодых людей поступать на работу, единственным вознаграждением за которую служат деньги – все это свидетельствует о мощной тенденции перехода от системы материальных ценностей индустриализма к тому, что может быть названо “постэкономической” системой ценностей»²³. Ту же тенденцию выделял и Рональд Ингледарт, называя ее становлением «*постматериалистической*» социальной культуры, сопряженной с вытеснением технократизма и нормативизма индустриального общества²⁴. В свете этой тенденции ключевые факторы

²¹ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 52.

²² См. подробнее: Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С.35-45.

²³ Тоффлер О. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 456.

²⁴ Ингледарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 252.

постиндустриального развития – нарастающая открытость, динамичность, плюрализм, множественность социального пространства, оказывались соотнесены уже не с институциональными реформами или технологическими новациями, а с обновлением жизненного мира человека, закреплении новых форм личностной мотивации, рефлексии и репрезентации. И «старая» мысль Д. Белла о постиндустриальном обществе как пространстве «социальной игры» оказывалась, по сути, пророческой.

В условиях «информационной революции» имиджевая модель социализации личности и игровая модель социального активизма получили мощный толчок для своего развития. Причем, ключевую роль сыграл наиболее неоднозначный аспект воздействия на общество перенасыщенного информационного поля. Современный человек оказывается погружен в настоящий поток разнонаправленных информационных единиц («клипов»). Это становится огромным риском: «Быстрый темп жизни, сменяющие друг друга лица на улице, множество исполняемых в обществе социальных ролей, событий переключают внимание с одной картинки на другую, бесконечная смена лиц, знакомых, звонков, новостей вперемешку с рекламой оказываются в одном несовместимом по значимости и смыслу ряду, что приводит к обесцениванию того, о чем сообщается»²⁵. Но одновременно такая «клиповая реальность» является неисчерпаемым источником впечатлений, уникальным пространством для личностной рефлексии, самоидентификации и репрезентации. Проблема заключается в том, что, погружаясь в эту реальность, человек должен опираться на образное восприятие и ситуативное мышление, считывать информационное поле на знаково-символическом уровне, комбинировать разнородные информационные единицы и выстраивать на их основе собственный непротиворечивый образ реальности. Иными словами, сталкиваясь с клиповым информационным пространством, человек вынужден «не отражать, а симулировать действительность»²⁶.

Все это радикально меняет процесс мировосприятия. Его основой становится *виртуальное пространство* – «своего рода буферная реальность, зависящая, с одной стороны, от “реальных” событий и процессов, и производная, с другой стороны, от свободной интерпретации, толкования, коннотации, от выстраивания человеком собственных “смысловых систем”, свободного выбора координат для считывания и понимания окружающего

²⁵ Штайн О.А. Маска как форма идентичности. Введение в философию образа. СПб.: РХГА, 2012. С. 58.

²⁶ Корсунцев И.Г. Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность: Философские и психологические аспекты. М., Ин-т человека РАН, 1997. С. 50.

мира»²⁷. И если первоначально виртуальное пространство воспринималось как некий иллюзорный мир, куда благодаря компьютерным технологиям «уходит» человек, то в современных условиях виртуализация превратилась в фактор, интегрирующий все социальное пространство информационного общества. Именно виртуальная реальность является живительной почвой для инновационной активности, развития всех форм «человеческого капитала», реализации парадигмы компетентностного образования, интенсивного межкультурного диалога, укрепления сетевых форм социальной организации и распространения проектного типа социальных практик. Виртуализация стала мощным фактором накопления капитала в экономике и рефреном современного политического процесса, причем как на национальном, так и на мировом уровне. Естественно, что виртуализация не вытесняет «материальные» формы социального взаимодействия и не может заменить институциональную инфраструктуру общества. Под ее влиянием возникает сложное сочетание индустриальных и постиндустриальных форм общественного развития. Более того, происходит парадоксальное сближение антагонистических черт «традиционного» и «современного» общества, когда различные элементы традиции выступают как ресурс постмодернизации (яркий пример – тенденции ремифологизации и постсекуляризации массового сознания в современном обществе). Тем самым, формируется «интегральный образ времени, включающий прошлое, настоящее и будущее»²⁸, достигается сочетание мировоззренческих ценностей и инструментальных компетенций, а сама виртуализация все в большей степени выступает как явление знаково-символического порядка, а не эффект применения цифровых технологий. Все эти разнообразные факторы и складываются в калейдоскопическую картину исторической социальности информационного общества.

²⁷ Пономарев М.В. «Человек играющий» в социокультурном пространстве «общества спектакля» // Clio-Science: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов / Отв. ред. С.Ю. Рафалюк. М.: МПГУ, 2014. С. 11.

²⁸ Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 18.

Глава 2. Глобализация и социальная напряженность в современном обществе

«Глобализация» и как термин и как явление в настоящее время, бесспорно, принята и признана научным сообществом. Она включена в теоретическое знание, учтена в учебной литературе средней и высшей школы. Глобализацию обыкновенно описывают как объективный неизбежный и закономерный процесс развития современного мира. При этом диапазон её определений довольно широк. Это и «слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции...» (А.И. Уткин), и «интенсивная интеграция как рынков товаров и услуг, так и капитала» (Международный валютный фонд), и «процесс становления единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга протекционистскими барьерами и границами» (М.Г. Делягин), и «общественный процесс, в ходе которого уменьшается зависимость социального и культурного развития от географического фактора» (М. Уотерс), и «то, что принадлежит всем, не требуя ни от кого отказа от своей индивидуальности и своеобразия» (В.И. Толстых)²⁹.

В приведенных трактовках отчётливо просматривается общая отличительная, признаваемая всеми, особенность глобализации – ориентация на приоритетность развития максимально эффективно функционирующей единой всемирной экономики (прежде всего банковской её составляющей), поддерживаемая всеми средствами социального регулирования (политическими, правовыми, научно-теоретическими, общекультурными, моральными, религиозными и даже художественными). Сам по себе данный процесс логичен и вполне естественен, если его рассматривать изолированно от других социальных процессов, происходящих в настоящее время и происходивших ранее в истории мировой цивилизации. Однако в реальном мире достижения глобализации связывают, и с результатами субъективно настраиваемых влияний иных сфер жизнедеятельности социума. Идеалы «свободы, равенства, братства и счастья всех народов», провозглашённые на заре становления господства буржуазных частнособственнических отношений (XVI-XVII вв.), так и остались всеблагими, идеальными ориентирами,

²⁹ Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – С. 181, 183, 186, 187.

законсервированными в наборе юридических документов. Главные критерии экономических решений и социального поведения в рамках данной системы были и остаются прежними – это получение максимальной прибыли владельцами частной собственности, увеличение их капитала и влияния.

В связи с этим, необходимо напомнить ставший очевидным уже к началу XX века факт: развитие капитализма осуществляется, сопровождаясь рядом особенностей. Основные из них – это перерождение конкуренции в монополию; слияние банковского капитала с промышленным и образование финансового капитала (финансовой олигархии); преобладание вывоза капитала над вывозом товаров; раздел мира между монополистическими союзами капиталистов; борьба между «великими державами» за передел уже поделённого мира³⁰. Разрешить накопившиеся социальные проблемы в ходе двух мировых войн не удалось, но ускорению процесса глобализации они, несомненно, способствовали, являясь её частным изъятием.

Вообще социальные отношения начали принимать глобальные очертания примерно с середины XIX века и причины этого, действительно, были связаны с соответствующей стадией развития социально-экономических буржуазных связей, прежде всего с рыночными отношениями. На первый взгляд они, в самом деле, выглядят как свободный равноправный обмен товарами и услугами. Однако экономисты, в частности американские специалисты в области экономики труда К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю, совершенно откровенно связывают рыночную экономику не с компромиссным согласованием интересов собственников, поставщиков и руководством конкретных частных фирм, а с конкурентной борьбой между ними за распределение ресурсов³¹. В этой борьбе потребитель изначально остаётся на периферии рыночных отношений, а его интересы являются для борющихся сторон второстепенными.

В идеале рынок, учитывая спрос и предложение, оборот денежных масс, должен обеспечивать свободу и справедливость договора в отношении товарообмена и товарораспределения. Сами принципы подобных отношений перспективны и многообещающи: свобода предпринимательства, конкуренция, многообразие форм собственности, гибкая система выбора поставщиков сырья и покупателей (так называемая «экономическая

³⁰ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк). – М.: Госполитиздат, 1951. – 120 с.

³¹ Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. – М.: Республика, 1992. Т. 2. – С. 396.

демократия»), максимальная независимость от государственного вмешательства. Однако, как показывает практика, рынок при этом самостоятельно не приспособлен справляться с порождаемыми им социальными проблемами или компенсировать побочные негативные эффекты своего функционирования. Для него безразлично соблюдение социальных гарантий, следование моральным требованиям и даже принципу равенства всех перед законом. Он, в частности, заинтересован в сохранении безработицы («резервной армии труда») и сориентирован, прежде всего, на тех, кто владеет значимым финансово-материальным богатством и влиянием (прежде всего политическим). При этом современная экономика не в состоянии функционировать, полностью игнорируя национальные государственно-правовые системы и вводимые ими нормативы, ограничения, налоги, штрафы и тому подобное.

Для того чтобы избежать (миновать, переступить, безнаказанно проигнорировать) негативные эффекты функционирования рыночных отношений, влиятельным финансово-промышленным (прежде всего банковским) структурам мировой экономики потребовалась консолидация всех сил. Таким образом, магистральная объективная тенденция в развитии мировых экономических процессов совпала с субъективными интересами господствующих финансовых группировок. Глобализация оказалась довольно результативным способом выхода из-под контроля, влияния и зависимости, как от политики конкретных государств, так и от ответственности перед их гражданами.

Практически все теоретики, сторонники глобализации и идеи приоритетности процессов и явлений экономического характера, признают неизбежность сопутствующих им негативных проявлений. При этом основной пафос их объяснений в этих случаях сосредоточен на том, чтобы представить все без исключения элементы процесса глобализации максимально объективными, неизбежными и безальтернативными. Откровенное игнорирование его субъективных составляющих они даже не скрывают. Понимая зыбкость своей позиции, глобалисты стремятся особо сосредотачивать внимание на позитивных последствиях данного процесса, сопровождая их демонстрацией стремления (нередко вполне искреннего) к преодолению её неблагоприятных эффектов.

В связи с этим глобалистика, претендующая на междисциплинарность своих подходов, оказалась сосредоточением, в основном, оригинальных, обоснованных и вполне научных исследований, прежде всего, экономического характера. А они, в свою очередь, были дополнены теоретическими,

обслуживающими субъективными построениями, насыщенными благими призывами и радужными обещаниями, адресованными всему человечеству. Ведь осуществлять исследования подобного рода узким специалистам (а это в основном финансисты, экономисты, политики, экологи естественнонаучной ориентации, и присоединившиеся к ним в последнее время социологи) удаётся с большим трудом.

Усилиями глобалистики был обеспечен вторым дыханием космополитизм в качестве идеологии мирового гражданства, где каждый член социума отдаёт предпочтение интересам всего человечества перед интересами отдельной нации, государства и конкретной личности. Космополит вновь был провозглашён свободным гражданином планеты. Однако защитники подобной позиции откровенно лукавят. Во-первых, свобода, освобождённая от ответственности, энергично сближается с оправданным произволом одних по отношению к другим. Во-вторых, современный космополитизм трактуется в духе Дж.Р. Сола (от греч. – мир, вселенная и гражданин мира) как мировоззрение и культурная установка, направленные на осмысление единства мира, универсализма³². Но в переводе с древнегреческого термины «космос» – это «универсальная гармония», а не мир и вселенная, «политика» – государственная деятельность, а гражданин мира – это все-таки «гражданин» (политический субъект), а не просто человек. Таким образом, космополит – это человек, склонный к нарушению, отторжению, игнорированию всего, что не совпадает с его мировосприятием, будь то законы конкретных государств, приверженность к проявлениям национальной или культурной уникальности, неприятие идеалов космополитизма.

Если посмотреть на глобализм как на теоретическое построение (глобалистика), то с экономической точки зрения он, несомненно, перспективен, так как в его рамках обосновываются мероприятия, способствующие созданию универсальной сбалансированной системы хозяйственного развития, учитывающей возможности природных, сырьевых, предпринимательских, финансовых, инвестиционных, научно-технических, трудовых ресурсов нашей планеты. А вот с позиции культуры, не способной существовать вне развивающегося многообразия, глобализм ущербен, так как ничего, кроме модернизма не склонен поддерживать и стимулировать. Социально-политический ракурс высвечивает его авантюренность, ибо он не может предложить эффективную систему управления (власти), способную учитывать права и обязанности, меру свобод и ответственности, механизмы удовлетворения

³² Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М.: АСТ, 2007. – С. 844-845.

интересов и потребностей всего населения планеты, основываясь на его многокачественной разнообразной структуре.

Для глобалистики как теоретической системы характерны все признаки утопизма и по её целям, и в связи с вариантами описываемых ею перспектив развития общества, и в отношении характеристик рекомендуемых ею приёмов внедрения предлагаемых методик, и с учётом пересечений (взаимоподменной) культурных и религиозных претензий. «Утопическая мысль XX века апокалиптична: настоящее воспринимается как абсурд, тупик, катастрофа – и отмечена резким волюнтаризмом; катастрофа понимается как искусственный плод злой воли и неразумности. По существу, не будущее, а это катастрофическое настоящее становится предметом утопических спекуляций, настоящее сквозь призму того субъективного образа будущего, которое грезится автору утопии, меняющей таким образом свою жанровую природу и становящейся скорее специфическим типом... социальной критики. ...Утопизм есть симптом мировоззренческого кризиса и вместе с тем объективная характеристика состояния общества»³³. Возможно именно поэтому авторы и сторонники данной теоретической системы прилагают титанические усилия к немедленному воплощению её идей в жизнь, прикрываясь рассуждениями о приоритетности разума и знаний. Хотя по существу они сосредоточены на ускоренном обновлении технологий, их внедрении и распространении, вплоть до приёмов манипулирования сознанием масс. Кстати, в социальной истории это характерно для всех утопических проектов на всём протяжении существования подобного вида интеллектуального творчества.

И все-таки необходимо определиться в отношении проблем, претендующих на квалификацию глобальных. Вообще любая проблема – это сложный теоретический вопрос или практическая ситуация, нуждающиеся в изучении и требующие своего разрешения. Проблемы могут касаться различных сфер жизни и деятельности людей, типичных и исключительных обстоятельств, проявляться на абстрактном и прикладном уровнях, быть связанными с особенностями их решения. На этом фоне глобальные проблемы занимают особое место. Они имеют свои отличительные черты, которые не свойственны никаким другим процессам, явлениям и феноменам.

Прежде всего, *глобальные коллизии имеют отношение ко всему населению нашей планеты*, так как затрагивают жизненные интересы каждого.

³³ Чаликова В.А. Утопия и свобода. Эссе разных лет. – М.: Весть, 1994. – С. 119-120.

При этом их проблемность и потенциальная катастрофичность может осознаваться или быть неосознанной, настораживать жителей всей планеты (либо отдельных её регионов) или оставлять их безразличными, подвергаться изучению или не вызывать никакого интереса со стороны научного сообщества. Среди землян не может быть никого, кто был бы способен избежать влияния (хотя бы косвенного) развивающихся проблем этого уровня. Их воздействие касается, или рано или поздно коснётся, как жителей наиболее развитых регионов и представителей самых благополучных и защищенных слоёв населения, так и наиболее отсталых территорий и народов, которые до сих пор категорически избегают общения с представителями цивилизованного мира.

Во-вторых, *глобальные проблемы нельзя изучить локально*. Причины их формирования и тенденции развития могут быть поняты лишь с учётом полноты рассмотрения специфики территориально-природного разнообразия, культурной многоликости, консолидации результатов научных исследований во всем их широчайшем диапазоне. Для такого рода исследований малопродуктивными являются подходы, в рамках которых либо превалирует стремление выделить основной элемент и сосредоточиться, прежде всего, на нём, либо отчётливо проявляется желание квалифицировать в качестве второстепенных некоторые составляющие жизнедеятельности социума. Первый вариант является наиболее распространенным. В качестве такого основного элемента чаще всего выделяются экономика³⁴ и информационные технологии³⁵. Вторым вариантом встречается реже³⁶. Его главный пафос состоит в обосновании незначительности, побочности в будущем того или иного фрагмента среды обитания человека, без которого в настоящее время он не в состоянии существовать. И в том и в другом случае исследовательский процесс реализуется, но его результаты в малой степени сказываются на познании проблем глобального характера, так как они всегда ограничены рамками исходно принятых условий и не могут быть экстраполированы на процессы глобального диапазона.

³⁴ Одними из первых это сделали представители Римского клуба. См. например: Печчеи А. Человеческие качества. История моей жизни. Удивительные новые явления. Изменившееся положение человека в мире. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.

³⁵ См., например: Карпов В.Э., Карпова И.П., Кулинич А.А. Социальные сообщества роботов. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.

³⁶ См., например: Уотерс М. Глобализация // Глобализация: контуры XXI века. Рефер. сб. Ч. 1. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 64-65.

В-третьих, *глобальные проблемы нельзя локально решить*, так как данные процессы являются всеохватными и по территориям, и по масштабам распространения, и по количеству вовлеченных в них людей. Они характеризуются взаимодействием и взаимовлиянием абсолютно всех элементов, составляющих единую систему. Для их решения нужны согласованные действия мирового сообщества. С этим необходимо считаться. И даже если сосредоточиться на определенных регионах, процессы глобального характера всё равно не будут происходить так, как кому-то этого захотелось.

С подобными обстоятельствами в существующих социально-политических условиях не желают смириться не только наиболее инициативные проводники глобализации, но и самые уравновешенные сторонники происходящего процесса. Ведь никто из них не желает становиться «как все», не планирует обеспечивать интересы каждого жителя планеты (даже если они и совпадают с их собственными). Идеология «социального неравенства как особая форма справедливости»³⁷ для них гораздо ближе и понятнее. Справедливость в этом случае сосредотачивается ни столько на различиях естественного характера (возраст, пол, раса) или на культурных особенностях (род, народность, национальность, нация), сколько, в основном, на классовых различиях, несмотря на то, что данный термин глобалистам «режет слух».

Глобальные проблемы, связанные с социальными процессами и, как правило, являясь их порождением, обладают характерной спецификой; в ходе своего развития проходят конкретные стадии; могут быть систематизированы по определенным признакам.

К важнейшим особенностям процессов глобального уровня необходимо отнести то, что по своей сути их нельзя квалифицировать однозначно как субъектно-объектные, но и считать их субъектно-субъектными (чрезвычайно распространенная в настоящее время точка зрения) тоже невозможно. Действительно субъект (источник активности) представлен в подобных отношениях обеими сторонами, но из этого не следует, что объект отношений (то, на что направлена активность субъекта) отсутствует. В глобальных взаимоотношениях обе стороны одновременно представляют собой и субъект, активно воздействующий на другую сторону, и объект, представляющий собой адресата такого воздействия. Значительное число опаснейших социальных потрясений было спровоцировано тем, что одни

³⁷ Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010. – 536 с.

участники социальных взаимоотношений были глубоко уверены в том, что другие их участники представляют собой аморфную массу объекта их влияния.

В своем развитии любая глобальная проблема проходит те же этапы, что и любое социальное явление: тождество, различие, противоположность, конфликт, разрешение. Для начальной тождественной стадии развития процесса характерно состояние теоретического соответствия и согласования целей, намерений, устремлений. В этот период ещё рано говорить о практических результатах, ещё нет оснований для оценок оправданности привлекаемых методов и приемов, ещё неведомы прямые и побочные последствия обновлений, реорганизаций и реформирований.

На стадии различия все эти эффекты не только становятся явными, но и начинают демонстрировать свои болевые точки. Они могут быть связаны с ошибками в планировании процессов, с недооценкой их структурно-функциональной сложности, с просчётами в технологии реализации замыслов, с несовершенством научного освоения, с преднамеренными или неумышленными действиями в управлении ими. Именно на этой стадии можно исправлять ошибки, корректировать цели и ориентиры, ускорять или тормозить темпы, проводить дополнительные исследования, осуществлять необходимые реорганизации и реформы, обновлять исполнителей и руководителей.

Стадия противоположностей наступает либо при приближении состояния истощенности (истощения) потенциальных возможностей для дальнейшего развития данного процесса или явления, либо в результате ошибок и просчётов (преднамеренных или непреднамеренных) в ходе вмешательства в их протекание. На этом этапе наиболее отчетливо можно наблюдать расхождения между поставленными целями и полученными результатами, между методами реализации задач и социальными последствиями ценностного характера, между планируемыми итогами и реально достижимыми рубежами.

Специфическое место в этом ряду занимает стадия конфликта. По сути дела, это тот этап развития процесса, когда время вмешательства в него упущено, когда невозможно не только его замедлить, ускорить, перенаправить, но даже к нему подготовиться. Существуют процессы, прежде всего естественного характера, для которых данный этап является неизбежным. В социальных же явлениях его вполне можно миновать. Таким образом, этап конфликта (кризиса, катаклизма, катастрофы) не является обязательным.

Разрешение социальных коллизий осуществляется двумя способами: путем снятия и путем воспроизводства. Снятие – представляет собой процесс уничтожения (изживания) причин функционирования того или иного явления, без которого общество вполне может продолжать существовать и развиваться. Подобное преодоление не нарушает непрерывность всего процесса жизнедеятельности социума. Воспроизводство – это возобновление и повторение взаимоотношений и взаимодействий, без которых общество существовать не может, но они должны быть приспособлены к новым условиям и изменившимся обстоятельствам.

Однако необходимо заметить, что сам целостный процесс глобализации имеет и собственную периодизацию. Как было сказано выше, он представляет собой формирование единой системы мировой экономики (путем слияния и поглощения), базирующейся на быстром перемещении капитала, сопровождаемое радикальными информационными, научными и технологическими трансформациями. При этом четко прослеживается тенденция к внедрению универсальных стандартов, созданию наднациональных управляющих структур, формированию единого киберпространства и сетевого общества. Периодизацию процесса глобализации обычно осуществляют либо с учетом его начальных стадий³⁸, либо игнорируя их³⁹.

В первом случае обычно выделяют четыре этапа. Исходный этап связывают с эпохой «Великих географических открытий» (XV-XVII вв.), развитием заморской торговли, способствующей формированию представления о странах-лидерах, народы которых имеют больше прав и меньше обязанностей, а также о справедливости неэквивалентного обмена. Именно в это время начинается крайне болезненный процесс массовой принудительной (рабство) и добровольной миграции из ведомых стран в страны ведущие, который сохранился до наших дней, так и не сформировав в практическом плане «граждан мира».

Второй этап (с конца XVIII в.) начался с энергичного развития фабричного производства в Великобритании, стимулировавшего потребности в свободной торговле и в ограничении прав государства по контролю за частным предпринимательством. Его сопровождал процесс, который можно было наблюдать и на первом этапе, интенсивного технико-технологического обновления, который воплотился в наши дни в деятельность по созданию

³⁸ Румянцев А.Г. Современное государство и вызовы постиндустриального общества. – 2001. – С. 10-16. – <http://www.law.net.ru>

³⁹ Уткин А.И. Глобализация // Глобалистика: Энциклопедия. – М.: Радуга, 2003. – С. 181-182.

сетевого общества, претендующего на тотальный контроль жизни людей, вплоть до её духовной составляющей.

Третий этап (со второй половины XIX в.) был связан с формированием мировой колониальной (а затем и неоколониальной) системы. Для него характерно установление прямого политического господства над подчинёнными территориями и оправдание всё более изощрённого неэквивалентного обмена, доведённого до откровенного грабежа, нередко насильственными методами.

Четвертый этап (со второй половины XX в.) можно определить как установление «информационного измерения человечества». Обладая всё возрастающей ценностью, информация, стала привлекательной для потребителей, благодаря своей доступности и трудовой необременительности, а идеалы стран-потребителей начали насаждаться как ценностные идеалы всемирного диапазона. При этом не афишируется тот факт, что «...установление режима рыночной социально-ориентированной демократии с уровнем потребления присущим Западной Европе и США (а иначе и стараться не стоит) возможно лишь в стране-глобализаторе и только за счёт других стран»⁴⁰.

Второй вариант периодизации процесса глобализации обычно ограничивается двумя или тремя этапами и касается довольно компактного периода времени: от начала XX века до наших дней.

Первый из них связывают с попытками воплощения в жизнь идеи чрезвычайно энергичного экономического роста при условии установления свободы торговли и инвестиционных операций во всемирном масштабе, что в полной мере было обеспечено технически. Этот экономический рывок, должен был, в свою очередь, гарантировать всеобщее процветание народов, препятствуя формированию возможных социальных конфликтов. Вдохновителем данного процесса выступала Великобритания. Проверка «всеобъемлющей благотворности» глобализации воплотилась в две мировые войны, подтверждавшие её экономические цели, но разрушающие социальные иллюзии и связанные с ними надежды.

В рамках второго этапа глобализации (иногда его представляют как вторую часть первого этапа) не происходит заметного усовершенствования экономических целей, принципов и идеалов, но кардинально обновляются технические и организационные способы их реализации. Это связано с

⁴⁰ Румянцев А.Г. Современное государство и вызовы постиндустриального общества. – 2001. – С. 22. – <http://www.law.net.ru>

революционными достижениями в областях компьютерной техники, телекоммуникаций и дигитализации. Обеспечиваемые ими технические возможности позволяют не только резко увеличить доходы мировой финансовой элиты, но и изъять (или радикально ограничить) с помощью цифровизации целые пласты культуры, угрожающие даже минимальному их сокращению.

Чрезвычайно влиятельными становятся транснациональные компании (корпорации), осуществляющие международный бизнес, зарубежные активы которых составляют не менее трети их общего объёма. В целом ТНК сейчас обеспечивают около 50% мирового промышленного производства и 70% мировой торговли. Однако более половины торговых операций осуществляется не по рыночным ценам, а по ценам, устанавливаемым самими корпорациями. Из 100 крупнейших экономик мира половина – это транснациональные компании, имеющие обширные финансовые средства и влиятельное политическое лобби в отдельных странах⁴¹.

Третий (или второй) этап глобализации, реализуемый с начала XXI века, связан с энергичной институализацией данного процесса. Его защитником и локомотивом теперь уже выступают Соединенные Штаты Америки. Создаются международные организации, заключаются соглашения, формируются объединения и союзы, складываются блоки, ведутся переговоры. Официально всё это направленно на либерализацию экономических, и иных обеспечивающих их, отношений. При этом суть процесса либерализации крайне далека от этимологического значения самого термина (от *лат.* – свобода). Ведь современный процесс либерализации, провозглашая права и свободы каждого человека высшей ценностью, по сути дела направлен, прежде всего, на обеспечение стабильного функционирования единого мирового частнособственнического хозяйственного организма, действующего на основе принципа его независимости от интересов отдельных государств. Наиболее энергично, как в теории, так и на практике, современные либералы занимаются оправданием вмешательства одних людей (коллективов и организаций) в деятельность других людей. По сути дела главная их забота в рамках современной глобалистической политики – это не столько борьба за свободу других людей, сколько защита своих особых прав и собственной безграничной безответственности.

⁴¹ Потоцкая Т.И. Изучение транснациональной деятельности компаний как элемент отраслевого анализа (на примере алмазно-бриллиантового комплекса) // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 6. – С. 39.

Количество проблем, квалифицируемых в настоящее время как глобальные, чрезвычайно велико – от нескольких десятков до нескольких сотен (например, Прогностический центр конгресса США назвал 286 подобных проблем). Ещё в 1976 году в «Ежегоднике мировых проблем и человеческого потенциала» было выделено вообще 2,5 тысячи проблем глобального диапазона. В связи с этим попытки их систематизации являются вполне оправданными и необходимыми. В последней трети XX века швейцарские ученые А. Габю и Э. Фонтела одними из первых не только предложили свой список из 28 бесспорно глобальных проблем, но и подразделили их на 14 групп. Вообще вариантов классификации глобальных проблем немало⁴². Объединяет их два обстоятельства: первое – сосредоточение основного внимания на проблематике политико-правовой и экологической; второе – отсутствие единого критерия, который бы позволял осуществлять действительно классификацию глобальных проблем. Бессистемность подобных подходов сопровождается искажениями в предлагаемых структурных элементах. По сути дела они представляют собой перечисление наиболее острых обстоятельств глобального масштаба, подвергшихся первичной группировке и сохраняющих тенденцию к пополнению посредством ссылок типа и т.д., и т.п., и др.

Например, одним из довольно популярных вариантов классификации глобальных проблем является подразделение их на три группы: связанные с противоречиями между различными государствами; возникшие в процессе взаимодействия человека и природы; сложившиеся в рамках системы «человек-общество»⁴³. В этом случае не понятно выделение в особый подраздел первой группы и фактически неоправданной является квалификация третьей группы, так как в нее можно включить все фрагменты из двух предшествующих подразделений.

Согласно другой распространенной классификации глобальных проблем, их можно подразделить на пять групп: экономические, экологические, политические, социальные и духовные глобальные проблемы⁴⁴. И в этом случае практически невозможно выделить для данной градации

⁴² См., например: Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – С. 442-445; Ришар Ж.-Ф. На переломе. Двадцать глобальных проблем - двадцать лет на их решение. – М.: Ладомир, 2006. – 240 с.; Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А. Практика глобализации. Игры и правила новой эпохи. – М.: Инфра-М, 2000. – 344 с.

⁴³ Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. – М.: Международные отношения, 1981. – 238 с.

⁴⁴ Подробнее: <http://fb.ru/article/326860/klassifikatsiya-globalnyih-problem-sovremennoy-tsivilizatsii-i-ih-harakteristika>

соответствующий сквозной критерий. Кроме того, все предлагаемые модификации могут быть включены в состав социальных.

Авторитетный специалист в области глобалистики А.Н. Чумаков в статье, посвященной классификации глобальных проблем, к двум фактически «дежурным» системным группам «человек-общество» и «общество-природа» добавляет группу «интерсоциальных» глобальных проблем⁴⁵. По мнению автора, они «характеризуются наибольшей общностью и актуальностью и... проистекают из отношений между различными государствами». Однако не стоит забывать, что все глобальные проблемы интерсоциальны, то есть, связаны с отношениями между основными социальными общностями человечества, а значит сформулировать специфическую особенность данной группы глобальных проблем, по сравнению с двумя другими, едва ли кому удастся.

В качестве критерия для классификации глобальных проблем современности можно предложить следующий параметр – *по сферам зарождения, развития и реализации* проблем. При таком подходе можно сформировать три группы проблем глобального диапазона: социополитические, социоприродные и социокультурные. Обусловлено это рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что природа в своём развитии не порождает в отношении себя никаких проблем никакого уровня. Во-вторых, все глобальные проблемы на нашей планете спровоцированы жизнью и деятельностью человеческого сообщества. В-третьих, среда обитания людей представляет собой конгломерат синтетически встроенного в естественный мир человечества, активно существующих материальных объектов и процессов, созданных в результате трудовой деятельности людей, и своеобразно функционирующих социальных связей и зависимостей.

1. К глобальным проблемам *социополитического* характера необходимо, прежде всего, отнести коллизии, связанные с различными модификациями институционального управления и регулирования в обществе (политическими, правовыми, экономическими). С их помощью поддерживают, стимулируют или ограничивают разнообразные варианты социальных отношений. При этом не надо забывать, что политика как специфический социальный регулятор сложилась в истории человечества в связи с возникновением частной собственности и до настоящего времени концентрированно сосредоточена на регламентировании отношений между классами,

⁴⁵ Чумаков А.Н. Классификация глобальных проблем // Глобалистика: Энциклопедия. – М.: Радуга, 2003. – С. 443, 444.

государствами и нациями. Она опирается на право (оформленную в качестве закона волю экономически господствующего класса, гарантированную государством).

1.1. К глобальным проблемам этого рода необходимо отнести искусственное поддержание экономического неравенства в мире. При этом важно помнить, что магистральная тенденция развития мировой экономики предполагает в идеале установление нового экономического порядка, предусматривающего взаимовыгодное и равноправное сотрудничество, рост товарооборота, ограничение вмешательства государства, ускорение развития сферы услуг.

Однако при этом наиболее богатые ресурсами и дешевыми рабочими руками регионы, в основном, продолжают оставаться и наиболее отстающими. На их плечи ложится, прежде всего, убыточная и крайне трудоемкая часть производственного цикла. Окончательную, а после переработки значительно подорожавшую продукцию, созданную на базе их сырья, им приходится приобретать по мировым, нередко, завышенным ценам. До создания собственных современных перерабатывающих производств их допускают крайне неохотно, вводя жесткий внешний контроль.

Надежда организаторов современных мировых экономических процессов на то, что «рынок все отрегулирует сам», является откровенным лукавством, так как в этой фразе заключено стремление отсечь все возможные вмешательства, способные нарушить цели глобалистов. Рынок не может справиться с экстерналиями. Более того, все, что не способствует росту доходов «основных игроков» безжалостно подавляется. По мере увеличения общественного богатства ситуация с социальной справедливостью становится все более острой и конфликтной. Разрешать подобные коллизии, прежде всего, вынуждено государство, а не рынок, спровоцировавший их.

Рынок вообще функционирует в системе «финансово-властные личности – всё остальное человечество». По данным ООН за последние пятьдесят лет разрыв в средних доходах между самыми богатыми и самыми бедными странами вырос почти в три раза (от 30:1 до 83:1). Россия старательно идет этим же курсом: соотношение между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных составляет, по официальным данным, немногим более 15:1, а по неофициальным – 45:1. Наиболее обеспеченные жители нашей планеты потребляют почти 86% всей мировой продукции и услуг. Доля потребления самых бедных не достигает даже 2% от общественного богатства.

Именно рыночные отношения стимулируют и развивают не только идею «лишних людей», но и «лишних предпринимателей», которые не могут получать даже полную и достоверную информацию, касающуюся реального состояния рынка (она стоит больших денег). Именно рынок способствует созданию и расширению «порочного круга бедности» («порочного круга нищеты»), который втягивает в свою орбиту не только отдельные личности, но и конкретные государства, целые регионы планеты.

Основные положения «вашингтонского консенсуса» (теоретической основы глобальной экономики) и правила соответствующего ему «золотого корсета» для развивающихся государств демонстрируют откровенную ориентацию мировой экономики на интересы и тенденции развития максимально выгодные для одной страны (в настоящее время это Соединенные Штаты Америки). Не случайно американский журналист Томас Фридман довольно точно назвал параметры «золотого корсета» аксессуаром, обладающим «одним размером для всех».

Рассматриваемая глобальная проблема чревата высокой степенью вероятности перехода в стадию глобальной катастрофы, так как сложившееся положение не может быть разрешено в пользу всех жителей планеты при условии господства частнособственнических отношений. Их охрана и защита осуществляется международным законодательством.

Решение данной глобальной проблемы возможно лишь путем ее снятия.

1.2. Угроза перерождения основных режимов политического управления обществом в олигархию (и даже в плутократию). Косвенным подтверждением данной тенденции является усиливающаяся, шумная забота о демократии в мире: её установлении, защите, расширении, распространении, укреплении. При этом не надо забывать о том, что демократия, как особый режим правления, никогда не распространялась на всё население и неплохо сочеталась со всеми формами правления.

Даже если исходить из этимологии самого термина, то это «политическая власть демоса». А понятие «народ» (демос) в Древней Греции никогда не совпадал с понятием «население». Вначале демос составляли только простые свободные люди (преимущественно из числа сельских жителей), обладавшие гражданскими правами, а позднее – просто бедная часть граждан. Не случайно ещё Платон аргументировано критиковал демократию как один из самых несправедливых и пристрастных режимов правления. Ведь любая демократия всегда для кого-то диктатура, а любая диктатура всегда для

кого-то демократия. Непосредственная же взаимосвязь демократии и свободы вообще довольно спорна.

Притягательность этого термина в наши дни связывают с рядом параметров, которые считаются характерными для демократии: приход к власти лидеров в результате выборов свободных состязаний; развитие самоуправления, предполагающего ориентацию на общее благо; объявление народа единственным источником власти. Для убедительности этих привлекательных идеальных ориентиров, разрабатывается значительное число комплектов прав, закреплённых законодательно. Однако не соотнесённые с обязанностями для тех же самых субъектов, защищённые безответственностью (под рубрикой «свободы»), нежелательные в своей практической реализации для транснациональных корпораций они образуют обширное поле для политических манипуляций и имитации бурной деятельности в защиту демократии.

Особенно показательно данные проявления выглядят на фоне широко пропагандируемых «общечеловеческих ценностей». Современные глобалисты связывают с ними требования, которые касаются, по их мнению, каждого человека и которыми он должен руководствоваться в своем поведении. В качестве общечеловеческих ценностей предлагаются ориентиры, которые действительно принимаются безоговорочно всеми. Однако совершенно не афишируется тот факт, что представителями различных социальных групп они и определяются по-разному, и реализуются по-разному.

Взгляд же на «общечеловеческие ценности» в аксиологии несколько иной. Не случайно глобалисты не ссылаются на представителей данной науки в качестве единомышленников. Ведь потребность в любом требовании (политическом, моральном, правовом и т.п.) существует, лишь при наличии условий для его нарушения. Если таких условий нет или они изжиты, то потребность в требовании отсутствует. Из этого следует, что «общечеловеческие ценности» – это то, что может быть нарушено любым человеком, независимо от его статуса, образования, естественно-культурных особенностей, степени богатства, уровня благосостояния. Проще говоря, общечеловеческие ценности это «болевые точки» человечества глобального масштаба.

Политическая глобализация проявляется в возрастании властного влияния международных организаций, уменьшении роли государства, как внутри, так и за пределами ее рубежей. При этом обостряется и выходит на международный уровень проблема обеспечения международной безопасности, спровоцированная внутригосударственными конфликтами.

Ослабление государственной власти не компенсируется претензиями ТНК и влиянием стран-глобализаторов. Возникает угроза безвластия и деформации демократии (в том варианте, как ее понимают глобалисты). Жители нашей планеты, целенаправленно сосредотачиваемые на потребительские модели поведения, утрачивают гражданские навыки, добровольно передоверяют вопросы управления обществом экономическим (финансовым) корпорациями и поддерживаемым ими духовным и медийным личностям. А это, в свою очередь, обнуляет любые проявления демократии и способствует формированию тоталитарных режимов (даже фашистского и экстремистского толка). Развиваемые в настоящее время глобальные сети ускоряют данный процесс, делая невозможным формирование глобального гражданского общества. Авторитарно управляемые ТНК жестко препятствуют любым попыткам контролировать на международном уровне отношения способные приносить доход и прибыль, будь это военные конфликты, агрессии против независимых государств, торговля наркотиками и оружием, проявления дискриминации и эксплуатации, попытки установления равноправного для всех народов нормативного регулирования в областях науки, технологий, торговле, прав собственности, условий труда.

Под разговоры о демократии в настоящее время реальная политическая власть осуществляется (скрыто или официально) в русле личных и коллективных интересов сравнительно малочисленных групп граждан через их представителей, то есть является по существу олигархией. Более того, такие группы объединяют наиболее богатых людей нашей планеты, знаменуя этим существование глубокого социального неравенства, то есть этот режим в реальности есть плутократия.

Решение и этой глобальной проблемы возможно лишь путем ее снятия.

1.3. Негативные последствия научно-технической революции. Радикально принципиальных обновлений (революций) и в истории техники, и в истории науки было достаточно много, а вот научно-техническая революция – была всего одна. Точнее она продолжает реализовываться и в наши дни. Это не просто научно обоснованное техническое совершенствование основ материального производства, а по сути дела превращение науки в определяющий фактор любого вида деятельности. НТР до такой степени ускоряет все социальные процессы, что их революционное обновление способно осуществляться многократно в течение жизни одного поколения.

Однако при этом научную среду начинают волюнтаристски подвергать довольно нестандартным деформациям. Термин наука энергично

ограничивается естествознанием и техникознанием, вплоть до их отождествления. Упорно насаждаются идеи о научной неполноте теоретических гуманитарных знаний. Среди социальных наук происходит своего рода селекция: одни бесспорно относятся к наукам (например, экономика), другие принимают роль обслуживающих знаний (например, социология и, игнорирующая свою социальную составляющую, психология), третьи попадают в разряд производных (например, политология и правоведение), а остальные просто не берутся в расчёт. Вообще гуманистическая составляющая глобальных проблем НТР проработана крайне недостаточно. По сути дела, она заменена вопросами выгода и пользы.

Резкое ускорение темпов экономического развития в настоящее время во многом было предопределено прогрессом в исследованиях связанных с информационными технологиями. В итоге сформировалось несколько лидирующих научных направлений, сориентированных на производство: электронизация, комплексная автоматизация, новые виды энергетики, технологии изготовления новых материалов, биотехнология. Именно на них направлено основное финансирование научных исследований, а также обеспечения подготовки научных работников и организации условий их труда. Восхваляемые в настоящее время сетевое и цифровое общество практически полностью сконцентрированы на технических приемах коммуникаций, мало что при этом принципиально совершенствуя в социальном плане. Их приоритеты прописываются с оглядкой, прежде всего, на экономику.

Однако не надо забывать, что научно-технический прогресс далеко не всегда совпадает с аналогичными тенденциями в других направлениях социального развития. Они, в свою очередь, могут быть стабильными или регрессивными, и эти состояния способны быть нарушены или ещё более усугубиться прогрессом в технике, технологии и технических науках. Прогресс в одних процессах и регресс в других могут быть одновременными. Кроме того, не надо забывать, что рост количественных показателей (больше, быстрее, объемнее, выше и т.п.) не является свидетельством бесспорного прогресса, не имея под собой никакой аргументационной базы.

Научно-технические достижения способны лишать людей работы, квалификации, чувства стабильности, перспектив, личностных позитивных характеристик, искажать их культурные идеалы. А если учесть тот факт, что провозглашенные в настоящее время социальные права человека никем не гарантируются, то технико-технологические достижения довольно часто провоцируют социальные взрывы деструктивного характера, к которым

общество не готово. Но при этом нередко все, кто скептически относится к достижениям НТР, определяются как ретрограды и враги прогресса.

Данная глобальная проблема может быть разрешена лишь в процессе её воспроизводства.

1.4. Угроза термоядерной войны. Эта глобальная проблема однозначно признана всеми. Степень её обострения в наши дни такова, что она чревата гибелью всей цивилизации и жизни на планете Земля. Чтобы было возможно её снятие необходимо обуздать гонку вооружений и ответственно заняться разоружением, запретить производство новых систем оружия массового уничтожения и распространение ядерного оружия, установить безъядерные зоны и определить меры доверия, не допускать решение каких-либо социальных проблем военными средствами. Важность поддержания всеобщего мира очевидна для всех.

Порочность войны как способа решения социальных проблем являлось и является очевидным для человечества на протяжении всей его истории. Лучшие мыслители пытались прописать мероприятия, позволяющие отказаться от вооруженных способов решения проблем. Однако предлагаемые рекомендации всегда были крайне невыгодны с экономической точки зрения правящим группировкам. А так как они влекли за собой серьезные финансовые убытки, их реализация тормозилась всеми силами. Как сказал еще в XVIII веке И. Кант в работе «К вечному миру»: «...тот, в чьих руках власть, не позволит, чтобы народ предписывал ей законы».⁴⁶

В наши дни характер войны, её масштабы и используемые виды вооружений превратят любую войну в самоубийство для всех. Более того, при достигнутом уровне использования информационных технологий, автоматизации и компьютеризации она может быть спровоцирована сбоем в системе, ошибкой, случайным стечением обстоятельств, а кроме того, субъективными или непрофессиональными властными распоряжениями.

2. Глобальные проблемы *социоприродного* характера являются наиболее проработанными в специальной литературе. При этом нередко все глобальные проблемы современности не только сосредотачиваются в основном на них, но и даже сводятся только к экологическим проблемам.

Действительно человек является частью природы. Он вышел из неё, не может без неё существовать и зависит от её состояния. Однако у

⁴⁶ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. К вечному миру. – Алматы: Адилет, 1999. – С. 116.

общества с природой сложились свои отношения и, по существу, среду своей жизни и деятельности в наши дни оно творит самостоятельно.

Практически все глобальные проблемы социоприродного плана решаются путем их воспроизводства.

2.1. Одной из самых серьезных по своим последствиям является глобальная проблема, связанная с прогнозированием, предупреждением и предотвращением стихийных бедствий. Их последствия нередко принимают катастрофическую форму, как по числу жертв среди населения, так и по нанесённому материальному ущербу.

По области своей локализации эти проблемы можно подразделить на геологические (землетрясения, вулканизм, расколы земной коры, сход снежных лавин, оползни, сели), гидрологические (штормы, наводнения, цунами), метеорологические (бури, ураганы, пурга, грозы, смерчи, засуха, гололед), биологические (эпидемии, эпифитотии, эпизоотии), природные пожары (степные, лесные, торфяные, пожары горючих ископаемых) и космические (ударные столкновения, излучения, солнечная радиация, астероиды, кометы). Практически все они могут породить последствия глобального масштаба.

Однако причины или повод для начала или усиления (ускорения) подобных процессов нередко носят либо смешанный природно-социальный, либо чисто антропогенный характер. В частности, этому способствуют опустынивание, осушение болот, засоление и истощение почв, эрозия земной поверхности, уничтожение лесов, истребление растительности на берегах рек и озер, безответственная политическая, хозяйственная и организационная деятельность. Всё это по своей сути связано с удовлетворением конкретных личных или коллективных эгоистических и экономических потребностей (аппетитов), не сопровождаясь или игнорируя выводы предварительной объективной всесторонней научной экспертизы по поводу возможных последствий.

2.2. Отдельно необходимо выделить глобальные проблемы экологического характера, то есть связанные с прямым вмешательством человека в природную среду, приводящим к её необратимым изменениям. Они, в свою очередь, способны негативно сказываться на здоровье человека, приводить к деградации флоры и фауны, вызывать разрушение экологических систем и нарушение состояния природного равновесия. Экологические проблемы касаются всех природных сред жизнедеятельности человечества.

Прежде всего, это состояние *суши*. Почвы на нашей планете подвергаются систематическому загрязнению (и даже заражению) жидкими и

твердыми отходами сельскохозяйственного и промышленного производства, бытовыми отходами, выбросами транспортных систем, продуктами жизнедеятельности городов и других населенных пунктов, промышленных объектов и их инфраструктур.

Второй ощутимый удар по состоянию земель наносится в ходе загрязнения их пестицидами и агрохимикатами.

Третий – это истощение и опустынивание. Освоение новых земель, принудительное сокращение сроков их естественного восстановления (или хотя бы отдыха) сопровождается исчезновением (рассеиванием, смыванием, сдуванием) наиболее плодородного их слоя. К настоящему времени на нашей планете исчезла почти 1/3 пахотных земель. Даже такая процедура как регулярный полив может привести к существенной гибели гумуса. Не случайно распахиwanie и освоение целинных и залежных земель для многих стран заканчивалось объявлением этих территорий зонами чрезвычайных бедствий и обсуждением вопроса о включении целого ряда чернозёмов в Красную книгу почв. Но и естественные пустыни, благодаря деятельности человека, энергично расширяются. На сегодняшний день они занимают 43% общей площади суши нашей планеты, наступая на города и даже целые государства.

Особую сферу представляет собой *воздушная среда*. Главными источниками загрязнения атмосферы являются промышленность, транспорт и котельные. Выделяемые ими вещества вступают в химические, физико-химические и фотохимические реакции с компонентами атмосферы и образуют крайне опасные загрязнители. Они могут представлять собой аэрозоли (пыль, туман) и смоги (ледяной, влажный, фотохимический). Серьезнейшие загрязнения атмосферы связаны с функционированием транспортных средств и, прежде всего, с автомобилями (75% выбросов). А кроме них есть еще авиационный (5% выбросов), железнодорожный и водный (2% выбросов), сельскохозяйственный (4% выбросов) транспорт.

Серьезную опасность для озонового слоя земли представляют функционирование авиационного транспорта и выбросы фреонов.

Одним из вреднейших и опаснейших загрязнителей атмосферы являются шумы (естественные, технические, культурные), губительно сказывающиеся не только на человеке, но и на флоре и фауне.

Нельзя забывать и о *водной среде*. Основные угрозы для неё, оказывающие серьезное воздействие на здоровье людей, приводящие к гибели птиц, животных, растений – это загрязнения воды нефтью и

нефтепродуктами, пестицидами, тяжелыми металлами, диоксинами, детергентами. Серьезную опасность для водной среды представляют тепловые загрязнения.

Ускоренное расселение жителей планеты, их стремление к комфортному существованию, промышленное и сельскохозяйственное освоение новых территорий оказывает сильнейшее давление на *биосферу*. По данным Международного союза охраны природы и природных ресурсов примерно 1-2 вида животных наша планета утрачивает ежегодно. Не менее энергичными темпами исчезают отдельные виды растений, что стимулирует, в свою очередь, вымирание ряда насекомых. Вообще этот процесс напоминает запущенную цепную реакцию и чреват утратой биоразнообразия и разрушением экосистем.

2.3. Отдельная глобальная проблема сформировалась в связи с решением вопроса оптимального использования необжитых, неосвоенных территорий (высокогорье, арктические и антарктические районы, засушливые регионы, территории с суровым и сложным климатом, пустыни и полупустыни, тайга). Она стала выходить на глобальный уровень сравнительно недавно. Пока эти пространства были неизвестны (не открыты, труднодоступны) и не изучены, внимание к ним было чисто теоретическим. Однако со временем они стали представлять политический, экономический, и даже военный интерес. Более того, они оказались удобными, перспективными и выгодными для включения их в предпринимательскую деятельность. Например, американская организация «Лунное посольство» уже около сорока лет тому назад смогла оформить право собственности на многие астрономические объекты в нашей солнечной системе, в том числе и на Луну (её участки выставлены на продажу). Несовершенства международного законодательства и особенности законодательства США позволили ей это сделать. Компания имеет представительства в 35 странах мира, в том числе и в России.

Включение в хозяйственную и политическую деятельность подобных уникальных территорий, несомненно, приведёт к сложно прогнозируемым последствиям, подготовиться к которым человечество не только не успевает, но и явно не стремится это делать.

2.4. К числу глобальных проблем социоприродной направленности необходимо отнести проблему рационального использования природно-сырьевых ресурсов (почва, пресная вода, полезные ископаемые, леса, растения и животные, пригодные для освоения территории). Проще говоря, всё то, что служит удовлетворению, прежде всего, материальных обыденных потребностей людей и повышению уровня и комфортности их жизни.

Рациональность использования предполагает взвешенное, продуманное, экономное и неэгоистическое их расходование, вторичное использование, поиск адекватных заменителей, увеличение степени безотходности производства. При этом важно помнить, что подобные ресурсы могут быть возобновляемыми и невозобновляемыми. Однако и возобновляемые ресурсы для своего воссоздания требуют соответствующих условий и времени, иногда протяженностью в несколько сотен и даже тысяч лет. В связи с этим возобновимые ресурсы могут успеть перейти в разряд полностью исчерпанных.

В целом на нашей планете использование природно-сырьевых ресурсов осуществлялось и осуществляется варварски. Идеология – «надо жить сегодняшним днем, ориентируясь на получение выгоды и удовлетворение личных интересов» – стимулирует усугубление данной глобальной проблемы (да и многих других). В частности, объёмы вырубки лесов в наши дни во много раз превышают объёмы его естественного и искусственного восстановления.

2.5. Продовольственная проблема связана с серьезным дефицитом не только сбалансированного питания, но и вообще возможности питаться у значительной части населения нашей планеты. Каждый её десятый житель недоедает, каждый третий из умерших, погибает от голода или недоедания. И это в малой степени связано с общей численностью населения Земли и общим количеством производимого продовольствия. В одних регионах для основной части населения состояние голода является нормой, а в других – избавляются от излишков продуктов и борются с последствиями переизбытка.

У этой проблемы есть свои особенности. Производство качественного продовольствия дело сложное и дорогое. Оно требует согласованности и учёта различных климатических, географических, этнических, медико-биологических условий. Кроме того, сырьё для производства продуктов питания должно проходить предварительную обработку и подготовку к употреблению. Важен учёт условий обеспечения его хранения, транспортировки, переработки. Продукты питания для наиболее уязвимых слоёв населения на нашей планете (нередко являющихся главными адресатами гуманитарной помощи) довольно часто представляют собой либо стопроцентно «синтетическую» продукцию, либо продовольствие, которое уже невозможно выпустить в торговую сеть цивилизованных стран.

Для решения продовольственной проблемы необходимы увеличение пахотных земель, снабжение водой и элитным посевным материалом,

ответственная селекционная работа, серьезные капиталовложения. Однако все эти мероприятия провоцируют экологические кризисные ситуации, способствуют уничтожению значительных участков дикой природы. Данный дисбаланс усугубляется растущей неравномерностью уровней экономического благосостояния населения различных регионов нашей планеты. Крупным и богатым организациям, например, таким как Международному банку реконструкции и развития, специальному фонду Организации стран экспортеров нефти, гораздо выгоднее финансировать проекты по оказанию продовольственной и гуманитарной помощи странам, находящимся в кризисной продовольственной ситуации, чем способствовать их развитию до уровня, позволяющего им подобной помощью более не пользоваться. Неоднократные попытки осуществить «зеленую революцию» в этих регионах по своей сути представляют собой продолжение процесса поддержания нищеты в странах «третьего мира», усугубляя попутно экологическую остановку.

2.6. Энергетическая проблема в настоящее время уже давно вышла на глобальный уровень и достигла кризисного состояния. Запасы легкодоступных источников энергии (горючие органические и минеральные ископаемые) либо приближаются к своему исчерпанию, либо недостаточны (энергия рек). Добыча энергосырья в труднодоступных и удаленных районах значительно удорожает стоимость энергии. При современных объемах энергопотребления органического топлива на нашей планете должно хватить не более чем на 150 лет (нефти – на 35 лет, газа – на 50 лет, угля – на 425 лет).

Однако при этом необходимо помнить, что основные постоянно растущие расходы энергии связаны с деятельностью крупных энергоёмких промышленных предприятий. Это, в свою очередь создает угрозу чрезвычайных по своим последствиям техногенных катастроф (Чернобыль, Фукусима). Большие надежды возлагаются на переход энергетики к источникам практически неисчерпаемым (солнечная, ядерная, энергия ветра, тепла, приливов) и развитие энергосберегающих технологий.

2.7. На нашей планете наблюдается интенсивное глобальное потепление – рост средней температуры воздуха у поверхности суши и океана. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) в своём пятом докладе (1993 г.) делает следующий вывод: «Большая часть глобального потепления с середины XX века объясняется антропогенными факторами (в основном обогащением атмосферы парниковыми газами в ходе

хозяйственной деятельности)»⁴⁷. Последствия глобального потепления крайне серьезны. Климатические изменения будут происходить в связи с таянием арктических льдов, перераспределением осадков и температур, сокращением периода «благоприятной» погода, влиянием на теплые океанические течения, закислением океана, деградацией вечной мерзлоты. Биологические изменения будут сопровождаться резким сокращением значительного числа видов растений и животных. В социальном плане потепление вызовет массовое переселение народов и изменение в укладах их жизни (в связи с затоплением мест традиционного проживания), отрицательно скажется на урожайности и состоянии общественного здоровья, проявится в сокращении экономического потенциала.

2.8. Человечество не может существовать без чистой пресной воды (в том числе и питьевой). Объемы её потребления растут необыкновенно быстрыми темпами и не меньшими темпами растут объемы её загрязнения. «Ожидается, что изменение климата в XXI веке приведет к существенному сокращению возобновляемых ресурсов поверхностных вод и подземных вод в большинстве регионов сухих субтропиков, что усилит конкуренцию за воду между секторами. Большая часть наземных и пресноводных видов будут подвержены возрастающему риску исчезновения...»⁴⁸. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) жителям более половины стран мира её не хватает или они страдают от болезней, вызванных веществами, растворившимися в воде. Загрязняется вода бытовыми, сельскохозяйственными и промышленными стоками, теплом. В любом районе мира водные источники могут истощиться из-за нерационального водопользования или загрязнения. Потепление климата вызывает интенсивное таяние ледников (главного сосредоточия запасов пресной воды на Земле) и серьёзно влияет на уровень многих рек. Уже сегодня из-за чрезвычайно высокого расхода воды одна из крупнейших рек Китая Хуанхэ периодически не всегда доносит свои воды до моря.

Хотя запасы пресной воды на Земле потенциально велики, человечество для решения своих проблем должно изменить стратегию водопользования, отделив и изолировав социально ориентированный водный цикл от природного, сделав его замкнутым и малоотходным.

⁴⁷ Пятый оценочный доклад МГЭИК (2013) «Воздействия, адаптация, уязвимость». – С. 24. http://meteorf.ru/upload/pdf_download/2-Semenov-Sergey.pdf

⁴⁸ Там же. – С. 14.

При этом надо учитывать, что из всех запасов воды на планете Земля 97,5% составляет вода солёная.

2.9. Одной из важнейших глобальных проблем является охрана Мирового океана. Начиная с последней трети XX века, как минимум 90 % энергии потепления аккумулируется в океане. «Вследствие подъема уровня моря, ожидаемого на протяжении всего XXI века и далее, прибрежные системы и низко расположенные области будут в возрастающей степени подвергаться таким неблагоприятным воздействиям, как подтопление, прибрежные наводнения и эрозия берегов. Вследствие ожидаемого изменения климата к середине XXI века и далее глобальное перераспределение морских видов и сокращение морского биоразнообразия в чувствительных регионах составит проблему для поддержания производительности рыболовства и других экосистемных услуг»⁴⁹.

Мировой океан испытывает крайнее давление из-за загрязнения (прежде всего, вредными и токсичными веществами), хищнического вылова рыбы и морепродуктов, разрушения нерестилищ рыбы, ухудшения состояния берегов. Наиболее тяжелые отравления связаны с нефтью и нефтепродуктами. Серьезную тревогу вызывают радиоактивное загрязнение океана и изобилие пластмассового мусора, время разложения которого колеблется от 100 до 1000 лет.

Кроме того, воды Мирового океана в растворах и расплава содержат колоссальное количество полезных ископаемых, добыча которых представляет серьезный экономический интерес и сопровождается соответствующими этому процессу рисками и угрозами.

2.10. Серьёзные глобальные проблемы социоприродного характера связаны с существованием и функционированием заповедников, заказников, национальных парков, памятников природы. Особая, специальная, чрезвычайно важная и своевременная их задача – это сохранение представительства природной уникальности, охрана конкретных видов животных и растений, проведение научных исследований в живой природе. Все они призваны обеспечивать безопасность естественного развития существующих на её территориях (акваториях) видов животных и растений. При этом в заповедниках максимально полно исключается хозяйственная и туристическая деятельность, в национальных парках они допускаются в ограниченной и организованной формах. Заказники же сосредоточены на охране не всего

⁴⁹ Пятый оценочный доклад МГЭИК (2013) «Воздействия, адаптация, уязвимость». – С. 15. http://meteorf.ru/upload/pdf_download/2-Semenov-Sergey.pdf

природного комплекса, а лишь некоторых его фрагментов (растений или животных, отдельных их видов, определенных геологических объектов т.п.). Особое отношение, в связи с их уникальностью, должно оказываться памятникам природы, ибо они невосполнимы ни в научном, ни в культурном, ни в эстетическом, ни в экологическом планах.

Необходимо учитывать, что содержание таких природных объектов является крайне трудоёмким и дорогим делом. Многим странам, на территориях которых они находятся (могут и должны находиться) это просто не под силу. Наибольшие угрозы в отношении охраняемых природных объектов связаны с отсутствием:

- строгого, в том числе и международного, законодательства в отношении этих объектов,
- контроля выполнения принятых законов и их обеспечения,
- необходимого уровня профессионализма и моральных принципов людей, формирующих данное законодательство или им руководствующихся.

При этом ни для кого не секрет, что любое непрофессиональное вмешательство в функционирование заповедников, заказников, национальных парков и памятников природы способно привести к их расстройству и даже гибели.

2.11. Довольно быстро, фактически на наших глазах, сформировалась проблема глобального характера связанная с космосом. Главные угрозы рассматриваемой направленности – это нарушение озонового слоя Земли, происходящее в связи с запуском ракет и спутников, и космический мусор. Последнее обстоятельство не только способно наносить физический ущерб искусственным аппаратам, но и представлять собой угрозу жизни космонавтов. Если эту задачу не решить в ближайшее время, то околоземное пространство станет совершенно непригодным для полетов в космос.

3. Глобальные проблемы *социокультурного* характера практически до настоящего времени либо вообще не признавались, либо их включали в качестве «побочного эффекта» других проблем, либо бессистемно рассеивали в общем списке. При этом в основном они не выходили за рамки социполитических и социоприродных.

Проблемы такого рода разрешаются как путём снятия, так и путём воспроизводства.

3.1. Как показывает социальная практика призывы к борьбе против эксплуатации и нищеты активизируются обычно тогда, когда само состояние усугубляется до крайности. В целом экономически обусловленное

расслоение современного общества реально поддерживается тремя обстоятельствами. Во-первых, это стабильно заниженный уровень денежных доходов людей. Несмотря на то, что информация о росте заработных плат и их заменителей постоянно тиражируется, ни для кого не секрет, что это увеличение мгновенно (а иногда и досрочно) «съедается» инфляцией и ростом цен на всё. Во-вторых, недостаточный уровень социальных гарантий (даже в своём минимальном проявлении). Подавляющая часть населения нашей планеты живет за счет вознаграждения за свой труд, как правило, наёмный. А в связи с этим должны существовать государственные обязательства в сфере занятости и оплаты труда. Устанавливаемый уровень минимальной оплаты нередко не дотягивает до реального прожиточного минимума. В-третьих, колоссальная разница в распределении доходов, защищенная законами отдельных государств и международным правом.

Разрабатываются методики расчёта уровня бедности (отдельно для развитых и развивающихся стран), устанавливаются и регулярно обновляются показатели минимального уровня жизни и «минимальной продуктовой корзины» (всегда находящейся ниже прожиточного минимума), организуется гуманитарная помощь, принимаются декларации и программы, но неизменными остаются причины существования бедности и нищеты. Именно они должны быть в центре внимания, именно они должны быть изжиты или учтены особым образом.

К ним необходимо отнести:

А) *Природно-региональные* причины: условия функционирования районов с однонаправленным промышленным и сельскохозяйственным вектором, дефицитом собственной сырьевой базы, сложными географическими и климатическими условиями.

Б) *Экономические причины*: искусственно поддерживаемое падение доходов одной части населения по сравнению с другой, пристрастный дисбаланс вклада в общественное богатство и величины получаемых вознаграждений, занижение размеров заработной платы, безработица.

В) *Демографические причины*: несправедливые условия существования представителей наиболее уязвимых слоёв общества (инвалидов, больных, пенсионеров, стариков, сирот, иждивенцев) и особых социальных коллективов (неполные и многодетные семьи, молодежь, женщины, дети).

Г) *Политические причины*: целенаправленный развал отдельных государств, провокации вооруженных конфликтов, насильственное вмешательство во внутренние системно-структурные отношения конкретных народов, стимулирование вынужденных миграционных процессов.

3.2. В глобальную проблему выросла задача обеспечения всего населения нашей планеты элементарными средствами существования. К ним относятся жильё, питание, чистая вода, здоровая среда, безопасность, доступность учреждений здравоохранения, образования и культуры. Главным препятствием на пути решения данной проблемы является их всё возрастающая коммерциализация. В целях снижения накала социального протеста предлагаются и внедряются суррогатные варианты выхода из положения, которые в определенном смысле его усугубляют. Например, вместо сбалансированного питания – фастфуд, вместо предупреждающего профилактического здравоохранения – меценатствующие благотворительные фонды, вместо полноценного качественного общего образования – облегчённые информационные манипуляции, вместо безопасности – строгая подконтрольная изоляция людей друг от друга и так далее.

3.3. К разряду современных глобальных проблем необходимо отнести и урбанизацию. Города являются центрами сосредоточения квалифицированных и неквалифицированных специалистов и работников, научной и творческой интеллигенции, ценностей материального, культурного, исторического и научного характера. Сюда поступают огромные объёмы сырья и продукции. В них сосредоточено почти все промышленное производство.

В связи с этим города осуществляют колоссальные и разнообразные загрязняющие выбросы в атмосферу, в том числе и токсичные, особенно в зимний период. 75% современных жителей нашей планеты живёт в городах, 45% из них дышат воздухом, в которых значительно превышены нормы загрязнения атмосферы. Кроме того, города являются производителями твердых и концентрированных отходов (осадки, отстои, концентраты, утиль, мусор и т.д.). Мусор сжигается на городских свалках, сказываясь и на атмосфере, и на воде, и на почвах, и на здоровье горожан. Любой город имеет свою систему сточных вод, включая ливневые и талые воды. Все виды водных загрязнений касаются не только территорий конкретных городов и их жителей, но и распространяются на значительные пространства, расположенные ниже по течению, сказываясь и на качестве питьевой воды.

Растительный и животный мир городов имеет свою специфику, так как выводит его представителей за рамки чисто естественной среды. Кроме того, город насыщен окультуренными и одичавшими растениями, домашними и беспризорными животными.

Сама жизнедеятельность городских жителей, их стремление к комфортности провоцирует формирование значительного числа проблем

экологического, медико-санитарного, демографического, психолого-культурного характера,

3.4. Глобальной, без сомнения, является проблема искоренения антисанитарии, предупреждения инфекционных и эпидемиологических заболеваний и болезней цивилизации. Сложности её решения связаны с целым рядом факторов. Так вопросы санитарного уровня поддержания жизни и деятельности людей могут быть решены лишь общими усилиями каждого человека, каждого работника и каждого администратора, что в настоящее время осуществить практически невозможно. Кроме того, нарушение санитарных требований могут возникнуть не только по вине людей, но и в ходе функционирования природных и технических процессов.

Платная и страховая медицина нанесли колоссальный удар по здоровью людей в мире, способствуя тому, что правом на своевременную медицинскую помощь могут воспользоваться все меньше и меньше людей на планете. Фармакологическая промышленность перестала ставить во главу угла своей деятельности жизнь и здоровье человека. При этом занятия спортом и даже физической культурой всё более коммерциализируются, превращаясь в рыночную услугу. Спортивные клубы сосредотачиваются на организации зрелищ и торговле спортсменами.

Люди болели во все времена, но инфекционные и эпидемиологические заболевания в XXI веке должны находиться под строгим контролем, ведь локальная вспышка заболевания такого рода может стать угрозой для любого другого региона планеты. Человечество в середине XX века уже достигало заметных успехов в этом направлении, но сейчас положение заметно ухудшилось. Только натуральная оспа оказалась максимально локализованной, хотя угроза заболевания ею сохранилась, правда и в незначительной степени. При этом за прошедшее время было открыто множество новых инфекций (их число выросло с 1000 до 1200).

Значительное число ранее известных заболеваний перешло в разряд болезней цивилизации, требуя от специалистов-медиков иного к себе отношения. Причинами заболевания могут стать технические процессы, особенности места проживания, стиль жизни, характер работы, специфика взаимных контактов в коллективе, отношение к себе. Типичными для наших дней болезнями цивилизации стали болезни сердечнососудистые, психические, эндокринные, пищеварительной системы, алкоголизм, наркомания. Многие из них спровоцированы неправильным питанием, сидячим образом деятельности, тягой к экстремальному существованию и досугу, городскими условиями существования, переоценкой ценностей. Даже всем известный в

настоящее время СПИД превратился в «чуму XX века» во многом благодаря массовой либерализации сексуальных отношений.

3.5. Процессы урбанизации, внедрение достижений научно-технического прогресса, функционирование транснациональных образований, пропаганда социальной мобильности выдвинули проблему транспорта в разряд глобальных. Транспорт стал не только средством передвижения и связи, он постепенно превратился в способ консолидации человеческого сообщества. Это одна из глобальных проблем, которая при всей её сложности и противоречивости, опасности и неоднозначности, несет в себе значительный потенциал гуманистического содержания реального сплочения человечества.

3.6. Одна из самых больных, сложно решаемых и конфликтных глобальных проблем современности – это ликвидация неграмотности и развитие образования. Вообще это проблема состоит из трех составляющих, которые не всегда друг с другом согласуются. Первая из них – ликвидация неграмотности, представляет собой актуальное требование времени. Без её решения общество не в состоянии стабильно функционировать. Учитывая новые технико-технологические достижения и динамику их развития, неграмотный человек может представлять реальную угрозу для современного высокотехнологичного производства и функционирования информационного общества, к закреплению и распространению которых стремится нынешняя глобальная власть. Но для решения этой задачи в настоящее время в мире нет необходимых финансовых и организационных возможностей (волонтерам это не под силу).

А вот развитие образования (как общего, так и высшего) и его совершенствование для власти глобалистов крайне нежелательно. Ведь образованными людьми очень сложно управлять и практически невозможно манипулировать. В связи с этим все современные реформы образования, затеянные мировым сообществом, начиная с Болонского процесса, направлены на подавление функций обучения, изъятие из образования воспитательной составляющей и замену их суррогатами. Они, в свою очередь, должны позволить разрушить идею обязательного общего образования, предложив вместо неё специализированную одностороннюю модель «нужного и полезного» знания. Они должны содействовать созданию иллюзии, что способность быстро найти ответ на возникший вопрос и является знанием. С их помощью насаждается мнение о том, что творческий труд это захватывающая игра на интересную для человека тему. А для этого нужны не учителя, а менеджеры, которые являются универсальными управляющими, готовыми руководить

всеми и всем, владеющие «образовательными технологиями», и не несущие за последствия своей деятельности никакой ответственности. Всё это осуществляется под разговоры об «образовании для всех» и об «образовании на протяжении всей жизни». Для обыкновенного человека, по мнению современных глобалистов, главным должен стать досуг и потребление.

Третья составляющая проблемы образования – это подготовка тех, кто будет править миром. Вот для них должна продолжить функционировать сложно доступная и крайне дорогая высококачественная система элитарного образования без вживления чипов и принятия препаратов, стимулирующих интеллектуальную деятельность, насыщенная нелегким познавательным трудом и плодотворным общением с достойными квалифицированными педагогами-специалистами. Ради пополнения рядов избранных осуществляется программная работа по выявлению наиболее талантливых и одаренных представителей молодежи, то есть происходит своего рода интеллектуальная селекция.

В целом за последние годы, благодаря распространению образовательных технологий и реформированию образования в направлении «от обучения к оказанию услуг», уровень общего среднего и высшего образования заметно понизился абсолютно во всех странах, в том числе и в самых развитых.

3.7. Проблема культурной деградации населения нашей планеты, по сравнению со всеми другими уже перечисленными глобальными проблемами, довольно неожиданна. Ибо это состояние глобалисты не столько хотят исправить, сколько массово внедрить и закрепить. Проявляется она в целенаправленных попытках скомпрометировать художественный, интеллектуальный и культурный исторический опыт народов мира. Им для реализации своих основных целей необходим особый человек – «эффективный потребитель». Он, заинтересованный в стабильности общественного состояния, будет заботиться о качестве власти; сориентированный на новые товары и услуги, будет способствовать прогрессу в производстве (в том числе и в странах «третьего мира»); увеличивая свои потребительские запросы, будет больше трудиться, повышая свою квалификацию в ходе обучения; заботясь о личном благополучии, будет влиять на процесс снижения напряженности в обществе, смягчая предрассудки и демонстрируя терпимость. Таков замысел и его резоны.

Однако общество потребления делает человека зависимым и управляемым. То, что формирует в нем личностные качества, представляется второстепенным (ответственность за будущее человечества, инициатива в

общественно-полезных делах, забота о других людях, нравственность в поведении). Общество потребления способствует жёсткому расслоению людей на перспективных (обеспечивающих прогресс) и тех, кто их обслуживает. К ним предъявляются разные требования и им обеспечиваются разные гарантии. Целенаправленное понижение общего уровня культуры и образования второй (гораздо более многочисленной) группы жителей нашей планеты считается экономически оправданным. Для эффективного потребителя «шопинг» это одна из основных форм досуга, так как приобретение товара не связано с его необходимостью; обладание документом о высшем образовании это свидетельство не о личных склонностях, талантах и достижениях, а о престижности образовательной организации и стоимости обучения в ней; конкурентное потребительство это демонстрация своей «индивидуальности» и социального статуса. Для подобных индивидов характерны стандартизация внешнего вида с помощью «индустрии красоты» и демонстрация социальной состоятельности посредством оперативного следования моде.

Бизнес с помощью рекламы в состоянии влиять даже на такие элементы культуры как вкусы, интересы, желания и даже ценности.

3.8. К числу глобальных проблем в настоящее время относится регулирование численности населения и уровня его жизни. Равноправно (в аргументационном плане) сосуществуют две концепции в отношении роста населения – пессимистическая и оптимистическая. В рамках первой утверждается, что для растущего численно человечества не будет хватать пресной воды, продовольствия, работы, сырья, энергоресурсов, что данный процесс приведет к климатическим изменениям, мощным экологическим загрязнениям и непрекращающимся социальным конфликтам. Именно поэтому население необходимо сократить. Сторонники противоположной точки зрения оспаривают данные заключения и приводят свои расчёты и аргументы, свидетельствующие об их завышенности и недостоверности. В связи с этим они считают, что в данный процесс вмешиваться нет необходимости. Ресурсов нашей планеты хватит с избытком для решения всех социальных задач.

Однако при любой численности населения на Земле оно всё равно стремится к повышению уровня (качества) своей жизни. Предлагаемые для его определения индикаторы сводят данный параметр к уровню благосостояния, а, в последнее время, вообще к уровню потребления (санитарно-гигиенические условия жизни, качество продовольствия, жилищные условия,

возможности для образования, уровень занятости, баланс доходов и расходов, обеспеченность транспортом, возможности для отдыха). При этом стоит помнить, что разница в доходах разных групп населения является одним из основных провокаторов социальной напряженности в обществе. В настоящее время государства его снимают с помощью прогрессивных налогов и социальных выплат, но в условиях глобального функционирования общественного организма осуществлять подобное вряд ли будет возможно.

3.9. Проблема сохранности и развития национальных культур – это ещё одна из глобальных проблем. Пропагандируемое глобалистами кардинальное обновление сути функционирования социума не могло её проигнорировать. В известном докладе ЮНЕСКО проблему попытались смягчить: «Общества знания смогут избежать двух подводных камней культурной унификации... только лишь напоминанием о необходимости наличия *разделённых ценностей*, на базе которых становится возможным настоящий *плюрализм*,.. который должен происходить благодаря активной терпимости и самокритике... Такая программа требует комплекса разделённых ценностей, создание которого требует твердой политической воли»⁵⁰. То есть, по сути дела курс взят на волевое искоренение национальной идентичности, что можно наблюдать, в частности, в настоящее время, следя за процессом насильственного и агрессивного повсеместного насаждения английского языка. Уже сейчас это привело к ощутимым искажениям смыслов, игнорированию нюансов, стандартизации культур, то есть к заметной утрате разнообразия, без которого культура функционировать не в состоянии. В целом, варианты перспектив развития культуры на нашей планете представлены в трех различных сценариях: культурной поляризации, культурной гомогенизации и культурной гибридизации.

Отдельно, как особую составляющую данной проблемы, надо выделить обеспечение сохранности, доступности и массового осознания ценности культурных и культурно-исторических памятников. Решение этого вопроса должно быть не просто всеобщим, а общеобязательным.

3.10. Пожалуй, одна из бесспорно признанных глобальных проблем касается гарантии права человека. Количество принятых по этому поводу международных документов велико и разнообразно. Однако они имеют довольно низкий КПД. Почему же этот вопрос, при всей своей очевидности, оказался в разряде глобальных проблем? Во-первых, потому, что права, прописанные в них для всех людей или их конкретных групп, не сочетаются

⁵⁰ К обществам знаний. Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2005. – С. 176.

с обязанностями, налагаемыми на них же. Разнесение прав и обязанностей по разным субъектам приводит к конфликтам, произволу и, как это не странно звучит, к несправедливости. Во-вторых, подобный способ обеспечения и регулирования прав малоэффективен, ибо гарантии их выполнения отсутствуют. А это позволяет под рубрикой «защиты прав» одних людей вмешиваться в дела других, нарушая безответственно права обоих.

3.11. И, конечно же, одна из самых больных и серьезных глобальных проблем современности связана с компьютеризацией, информатизацией и цифровизацией общества. При всех прочих многочисленных позитивных моментах, обеспечиваемых данными технологиями, они способны привести к сложнейшим конфликтам в социальной среде. Формирование глобальных информационных сетей и мирового информационного пространства в состоянии обеспечить тотальное слежение (контроль) за каждым членом мирового сообщества, ограничение его собственной личной и интеллектуальной независимости, и в конечном итоге, свободы. Они предоставляют реальным владельцам этих сетей возможность манипулировать населением по собственному усмотрению и в соответствии с личными намерениями.

Эти процессы наносят довольно ощутимый удар по гуманитарно-научной составляющей цивилизации. Ведь значительное число объектов гуманитарной жизни общества не поддаются формализации и цифровизации, а значит они, будут заблокированы. Идеологов глобализации это вполне устраивает, так как область научного гуманитарного знания для них чрезвычайно опасна.

Таким образом, процесс глобализации связан с серьезным комплексом проблем, каждая из которых добавляет свой акцент в рост напряженности на нашей планете. Возможно, стоит прислушаться к мнению Сергея Петровича Капицы и принять ряд сформулированных им предложений⁵¹.

1. Приоритетом мирового развития в предвидимом будущем становятся здравоохранение и образование.

2. Неприятие избыточных надежд на рыночные механизмы в экономике, которые приговаривают значительные секторы населения мира к бедности, потере здоровья и безработице без должных социальных гарантий.

⁵¹ Капица С.П. Сколько людей жило, живёт и будет жить на земле.. – М.: Наука, 1999. – Гл.9. <http://malchish.org/lib/philosof/Kapitza/Kapitza.htm>

3. Приоритет прав женщин в вопросах стабилизации населения мира.

4. Необходимость введения налога на международные финансовые операции, который позволил бы осуществить предложенную программу.

Сложно также не согласиться с противниками тотального одобрения глобализации, заявившими, что энергичные попытки создания теории глобального общества появились в 90-е годы XX века как диагноз эпохи.

Глава 3. Виртуализация общества как проблема современной социальной философии: гражданское общество в информационную эпоху

Введение

Понятие «гражданское общество» характерно для западной философской традиции и входит в терминологический инструментарий анализа особенностей политической системы именно в рамках западной цивилизации – причем, в современной социально-гуманитарной науке это понятие должно быть переосмыслено. Одной из наиболее обоснованных нам представляется позиция, выраженная в работе «Гражданское общество и политическая теория» политолога Джин Коэн и социолога Эндрю Арато⁵². Авторы исследуют понятие гражданского общества, стремясь найти смыслы, применимые к анализу современности, указывая на недостаточную разработанность проблематики соответствия существующих концепций гражданского общества современной модели демократии. Они высказывают мысль, что новая, становящаяся и развивающаяся в современном мире форма существования гражданского общества должна опираться на новые принципы самоорганизации и самоконституирования, определять себя не в рамках противопоставления чему-то (государству) и в концепциях предшествующих эпох, а выстраивать новые принципы взаимодействия социальных групп и между собой, и с внешними акторами.

Говоря о пространстве становления и деятельности, необходимом гражданскому обществу – в любом варианте трактовки этого понятия, – и оказывающем особое влияние на структуру общественных отношений, используют понятие социального пространства. Это социальное пространство, которое на разных этапах формирования гражданского общества может осмысляться по-разному, но важнейшей его характеристикой является возможность коммуникации членов сообщества. И такое социальное пространство – это пространство города, в границах которого (и территориальных, и смысловых) появляются и потребности, и возможности для новых форм коммуникации. Город здесь – это и античный полис, и «Град Божий» Августина, и идеальные города утопистов и мыслителей эпохи

⁵² Коэн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Дж. Л. Коэн, Э. Арато; общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Весь Мир, 2003. – 784 с.

Просвещения, и пространство глобального города Саскии Сассен⁵³, и пространство «глобальной деревни» Маршалла Маклюэна⁵⁴.

Города в любой культуре в любую эпоху в первую очередь выполняли функцию воспроизводства социального потенциала населения. Роль городов в развитии и становлении любой сферы человеческой жизни и деятельности, взаимообусловленность трансформации городов и изменений систем культурных, экономических и политических отношений, постоянное переосмысление статуса горожанина обуславливают потребность изучения социального пространства города как фактора формирования идентичности.

Особенно важно в переосмыслении общества не упустить из вида особенности современной информационной цивилизации, которые, несомненно, изменяют условия формирования социальных связей внутри сообщества и, тем самым, изменяют и гражданское общество. Таким образом, нам нужно будет исследовать, как формировалось представление о гражданине и гражданском обществе и как оно меняется в информационную эпоху.

В качестве методологической базы мы использовали исследования по социологии интернет-сообществ: например, работы А. С. Аладышкиной, Л. А. Бершадской, А. С. Биккулова, Е. В. Болговой, С. В. Бондаренко, Е. И. Горошко, Г. В. Градосельской, А. А. Давыдова, И. Ф. Девятко, В. В. Зайонц, О. Иванова, О. Карлюковой, А. В. Чугунова, А. В. Якушева и др.

Урбанистическая проблематика в современной науке рассматривается в рамках очень многих дисциплин: культурология, антропология, история, социология и социозология, философия и т.д. В рамках нашего исследования мы ссылаемся на работы Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, П. А. Сорокина, Т. Парсонса, П. Штомпки, П. Бурдьё, Д. Белла, П. Бергера и Т. Лукмана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, М. Кастельса, М. Маклюэна, Э. Тоффлера, Ф. Уэбстера и других.

Феномен виртуального сообщества или общественных отношений в Интернете уже довольно хорошо изучен. В качестве теоретико-методологической базы нашего исследования можно рассматривать работы Д. Белла, П. Бергера и Т. Лукмана, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, М. Кастельса, М. Маклюэна, Э. Тоффлера, Ф. Уэбстера.

⁵³ Sassen, S. The global city: London, New York, Tokyo [Text] / S. Sassen. – Princeton: Princeton univ. press, 2001. – 447 p.

⁵⁴ Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры [Текст] / М. Маклюэн; пер. с англ. А. Юдина. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.

Далее мы коснемся различных форм и видов сетевых сообществ, особое внимание уделяя виртуальным сообществам, сферами интересов которых являются различные территориальные образования, а также социальные связи и отношения внутри этих образований – такое определение понятию «локальное интернет-сообщество» дает, например, А. Б. Скуратов, изучая виртуальные сообщества крупных российских городов⁵⁵.

3.1. Гражданское общество и факторы его формирования

3.1.1 Особенности смыслонаполнения понятия «гражданское общество» в классической философии

Понятие «гражданское общество» характерно для западной философской традиции и входит в терминологический инструментарий анализа особенностей политической системы именно в рамках западной цивилизации. Впервые оно появляется в сочинениях античных мыслителей. Аристотель, рассматривая в своей «Политике»⁵⁶ природу государства и общества, использует термин «πολιτική κοινωνία» (политическое общество), имея в виду общество полиса, государства. Но каким образом политическая сфера жизни общества перестала концентрироваться вокруг царских дворцов микенской эпохи?

В результате архаической революции VIII-VI вв. до н. э., сопровождавшейся резким ростом численности населения и аграрным перенаселением, у греков сформировалась новая, городская цивилизация. Города объединяли сельские общины, домохозяйства, большие семьи, ойкосы.⁵⁷ Такое объединение – как и процесс объединения – описывают термином синойкизм («союз очагов»). Современные исследования⁵⁸ показывают, что у таких объединений уже наличествовали все признаки государства (территория, границы, армия, денежная система, суд), хотя, конечно же, не было развитого бюрократического аппарата. И эта система организации совместной

⁵⁵ Скуратов, А.Б. Локальное интернет-сообщество: ризоморфность и сетевая концепция структуры [Текст] / А.Б.Скуратов // Вопросы управления. – 2008. – № 2(3).

⁵⁶ Аристотель. Сочинения [Текст] : В 4-х т. Т. 4 / Аристотель; пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.

⁵⁷ Фролов, Э.Д. Рождение греческого полиса [Текст] / Э.Д. Фролов. – СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004. – 266 с. – с.85

⁵⁸ Медведев, А.П. Был ли греческий полис государством? [Текст] / А.П. Медведев // Античный мир и археология. – Вып. 12. – Саратов, 2006. – с. 17-32.; Hansen, M.H. Was the Polis a State or a Stateless Society? [Text] / M.H. Hansen // Even More Studies in the Ancient Greek Polis Centre 6 [Historia: Einzelschriften. N. 162]. – Stuttgart, 2002. – S. 17-47.

жизни и хозяйствования действовала лишь для части населения территории такого города-государства, сообщества граждан.

Что же определяло гражданский статус членов такого сообщества? Чаще всего указывают на три критерия: гражданином мог быть 1) лично свободный 2) мужчина, 3) обладающий земельным наделом на территории полиса. Интересно, что земельные угодья на территории полиса были одновременно и коллективной собственностью всех граждан, и совокупностью наделов, находившихся в частной собственности отдельных граждан: полис, коллектив, гарантировал право собственности каждому из граждан, членов коллектива. С другой стороны, лишение гражданства влекло за собой и лишение собственности. Таким образом, гражданское состояние неразрывно связано здесь с имущественными привилегиями, которые возможны лишь как результат коллективного договора.

Интересно, что сообщества сограждан иногда могли сохранять, пусть и ненадолго, статус полисов, даже не будучи территориально закрепленными. То есть, гражданское состояние было, в некотором роде, все же первично. В пример здесь, чаще всего, приводят афинский флот на Самосе в 411 г. до н. э., не признавший олигархического переворота Четырехсот на родине, отказавшийся подчиняться новому правительству и на какое-то время конституировавшийся как своего рода отдельный независимый полис.

Таким образом, гражданское общество в архаической полисной системе существовало благодаря горизонтальным связям между гражданами, для которых государство было прежде всего инструментом организации совместной хозяйственной деятельности и распределения обязанностей. Общество и государство не противопоставлялись друг другу. Важно также отметить, что гражданское общество и государство здесь локализованы в пространстве полиса – не только географическом или экономическом (полис как городской центр), но и политическом, и социальном (полис как государство).

Эти особенности архаического гражданского общества задали рамки развития полисной системы в классический период, а затем повлияли и на становление римских республиканских порядков. Например, Цицерон, в своем диалоге «О государстве» описывая римское общество, указывает на характерную еще для греческих полисов подчиненность интересов

государства интересам коллектива граждан как на гарантию правильного развития государства.⁵⁹

Если в античной философской и политической мысли гражданское рассматривалось вместе с политическим (и даже прежде политического), то в средневековой философии вопрос социальной ответственности, долга человека перед сообществом практически не поднимается. Проблематику организации совместной деятельности на основании коллективной договоренности (или по умолчанию подразумеваемого коллективного согласия) можно найти, пожалуй, лишь в трудах Фомы Аквинского, опирающегося на аристотелевские тексты. Аквинат – так же, как Аристотель, – указывал на социальную природу человека и предполагал, что государство должно быть инструментом обеспечения общественного благосостояния, «всеобщего благоденствия».⁶⁰

Таким образом, мы видим, в эпоху средневековья происходит изменение представлений о роли государства: оно отделено от общества и, хоть и не противопоставлено ему, напрямую ему больше не подчиняется. Применять этот инструмент должен правитель, монарх – поскольку именно монархическую форму правления Фома Аквинский считает наиболее разумной.

В философии эпохи Возрождения необходимо указать на «Утопию» Томаса Мора⁶¹ и «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы⁶² как попытку описать максимально рационализированное, совершенное в своей справедливости государство «всеобщего благоденствия», в котором отсутствует, однако, само представление о гражданском обществе. Счастливая жизнь людей в утопических государствах обеспечивается разумными законами, но вопрос их разумности не выносится на обсуждение. По умолчанию предполагается, что все люди ведомы одинаковыми интересами и потребностями – и, следовательно, обсуждать нечего, нужно лишь соблюдать справедливый порядок. В «Государе» Никколо Макиавелли⁶³ описывается тот же принцип управления жизнью общества: оно признается неспособным действовать разумно, решения за него должен принимать государь.

⁵⁹ Цицерон, М. Т. О государстве. О законах [Текст] / Марк Туллий Цицерон / Пер. с лат. В.О. Горенштейна. – М.: Академический проект, 2016. – 248 с.

⁶⁰ Аквинский, Ф. О правлении государей [Текст] / Фома Аквинский // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. / под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. – Ленинград: Наука, 1990. – 248 с.

⁶¹ Мор, Т. Утопия [Текст] / Томас Мор. – М.: ЭКСМО, 2018. – 160 с.

⁶² Кампанелла, Т. Город Солнца [Текст] / Томмазо Кампанелла; пер. с итал. Ф.А. Петровского. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 226 с.

⁶³ Макиавелли, Н. Государь [Текст] / Никколо Макиавелли; пер. с итал. Г.Д. Муравьевой. – М.: АСТ, 2017. – 416 с.

В эпоху Нового времени различные мыслители в трудах, посвященных проблемам государственного устройства, прямо указывают на оппозицию общество-государство. К такому переосмыслению отношения человека и власти привели изменения в социально-экономической и социально-политической сферах жизни общества.

У теоретиков общественного договора, Гуго Гроция⁶⁴, Томаса Гоббса⁶⁵ и Джона Локка⁶⁶, противопоставление общества и государства опирается на различия между эпохой естественного состояния и эпохой существования государственности. Общество, придя к необходимости установления принципов организации совместной жизни, передает свои естественные права и свободы аппарату управления в обмен на гарантии безопасности.

Интересно, что у Гроция смысловой акцент трактовки гражданской власти сделан на противопоставлении ее договорной природы концепции богоданности власти: то есть, гражданское общество видится результатом постепенной рационализации человеческой жизни и реализации потребности в общении, а не заданным свыше порядком. У Гоббса государство также объединено и отождествлено с гражданским обществом, и причина его возникновения – результат намерения человека защитить свои достижения от разрушения в ходе непрекращающейся в естественном состоянии «войны всех против всех». В отличие от предшественников, Джон Локк в своей трактовке общественного договора указывает, что абсолютизация власти и государственное насилие (то есть, насильственное упорядочение общественной жизни) приводят к отрицанию гражданского общества. Государство создается как гарант естественных прав и свобод, когда люди понимают, что собственных сил каждого гражданина недостаточно для их гарантии. Но, отказавшись от права гарантировать права и свободы человека, общество создает систему, которая, вместе с обеспечением гарантий гражданских свобод, разрушает основы гражданского общества: ведь абсолютная власть уже просто по своей природе не может гарантировать естественные свободы.

⁶⁴ Гроций, Г. О праве войны и мира [Текст] / Гуго Гроций; под общ. ред. С.Б. Крылова. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

⁶⁵ Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного или гражданского [Текст] / Томас Гоббс. – М., 2001. – 480 с.

⁶⁶ Локк, Дж. Два трактата о правлении [Текст] / Джон Локк; пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. – М.: Социум, 2014. – 484 с.

Именно поэтому у Шарля-Луи Монтескье⁶⁷ гарантии прав и свобод рассматриваются уже не в рамках вопроса противостояния человека и природы, или человека и человека, а гражданского общества и государства, законов частной собственности и политической сферы. У него человек существует в пространстве между гражданским обществом и государством: оба они являются гарантами безопасности человека и его прав, исчезновение одной из противоборствующих сил влечет за собой переход либо к анархии, либо к тоталитарному государству.

Иммануил Кант говорит о гражданском обществе как, скорее, о системе взаимодействия сфер индивидуальной свободы граждан друг с другом и основной формой достижения равновесия называет гражданское согласие. Его категорический императив, положенный в основу общего согласия, возвращает нас к античному полису на другом уровне осмысления основ и гарантий гражданского общества.⁶⁸ Ценность и значимость человека определяются у него уже просто природой человечности, и, следовательно, существуют прежде государственного.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель, напротив, указывал, что появление и развитие гражданского общества возможно только в рамках государства, хотя и должно быть отделено от него: отдельные индивиды, социальные группы и институты гражданского общества должны взаимодействовать, руководствуясь гражданским правом, но гарантом права является государство.⁶⁹

Проведенный нами в этом разделе краткий обзор философских концепций гражданского общества позволяет сделать промежуточные выводы о том, как на разных этапах развития западной цивилизации понимается его природа и основные принципы его взаимодействия с государством, властью.

Зародившись в античности, в рамках представления о полисе, понятие «гражданское общество» изначально трактовалось как коллектив, занимающийся хозяйственной деятельностью на определенной территории, и гарантирующий членам коллектива возможность этой деятельности в обмен на исполнение некоторых обязательств перед коллективом. Здесь

⁶⁷ Монтескье, Ш.-Л. О духе законов [Текст] / Шарль-Луи Монтескье; пер. А.В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.

⁶⁸ Кант, И. Основы метафизики нравственности [Текст] / Иммануил Кант // Сочинения в шести томах. – М.: «Мысль», 1965. – Т. 4. Ч. I. – 544 с. – С. 211-310.

⁶⁹ Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

гражданское общество и государство еще не разделены, понимаются как единый комплекс условий существования человека в обществе.

В средние века представление о роли государства меняется (по объективным причинам): оно противопоставляется обществу, начинает рассматриваться как гарант общественного благосостояния, и потому в эпоху Возрождения и в Новое время одной из основных задач политической философии и философии права становится осмысление взаимодействия общества и государства. Некоторые из мыслителей этих эпох противопоставляют два основных этапа развития человечества, естественный и общественный, указывая, что лишь государство может гарантировать человеку соблюдение прав и свобод, другие же, напротив, полагают государство и абсолютную власть основанием невозможности гражданских свобод.

Эти концепции находят развитие в трудах Канта и Гегеля, на которые, в свою очередь, опирается понимание гражданского общества и принципиальных основ его сосуществования с государством в неклассической социально-философской мысли.

Кроме того, нужно заметить, что на всех рассмотренных нами этапах своего развития понятие гражданского общества тесно связано с представлением о пространстве деятельности и коммуникации этого общества, которое далеко не всегда является территорией – в прямом, географическом смысле слова. В дальнейшем мы укажем на характерные особенности такого пространства.

3.1.2 Понятие гражданского общества в современной философии

Для начала нам следует кратко охарактеризовать современное состояние дискуссии о смыслонаполнении понятия «гражданское общество». Если до второй половины XIX века разными мыслителями в это понятие вкладывались, в общем, сходные значения, то в неклассическую эпоху споры вокруг этого концепта вновь актуализируются, и он подвергается критике на различных методологических и идеологических основаниях.

Одной из наиболее обоснованных нам представляется позиция, выраженная в работе «Гражданское общество и политическая теория» политолога Джин Коэн и социолога Эндрю Арато⁷⁰. Авторы исследуют понятие гражданского общества, стремясь найти смыслы, применимые к анализу современности, указывая на недостаточную разработанность проблематики соответствия существующих концепций гражданского общества

⁷⁰ Коэн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Дж. Л. Коэн, Э. Арато; общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Весь Мир, 2003. – 784 с.

современной модели демократии. Они высказывают мысль, что новая, становящаяся и развивающаяся в современном мире форма существования гражданского общества должна опираться на новые принципы самоорганизации и самоконституирования, определять себя не в рамках противопоставления чему-то (государству) и в концепциях предшествующих эпох, а выстраивать новые принципы взаимодействия социальных групп и между собой, и с внешними акторами.

Описывая многообразие акторов политического и социального поля, принимающих участие в формировании гражданских договоренностей, Эрнест Геллнер в книге «Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники»⁷¹ указывает на недостатки современного представления о демократическом устройстве общества, которые, по нашему мнению, берут начало еще в текстах утопистов эпохи Возрождения, где человек по умолчанию считается согласным с предложенной ему системой общественных отношений.

Геллнер пишет: «Когда мы говорим о “демократии”, то подразумеваем общество, создаваемое волей его участников...»⁷² – и указывает, что основания этого волеизъявления не проблематизируются. А ведь люди – это не только различные интересы, но и различные ценностные позиции, которые вложены в нас той культурой, что нас сформировала, и обычно критически нами не осмысляются, и, значит, наша воля сформирована тем смысловым полем, в котором мы находимся.

Гражданское общество кажется Геллнеру гораздо более реалистичным концептуальным основанием для современного общества, поскольку предусматривает определенные условия для появления общества такого типа. Гражданское общество должно быть основано, указывает он, на отделении политики от экономики и социальной сферы в сочетании с принципиальным невмешательством власти в социальную жизнь. Такое общество основано на идеологическом плюрализме, и единственной общей для всех ценностью в нем является свобода самоопределения.

Для анализа современных философских представлений о природе гражданского общества мы остановимся только на двух концепциях: на подходах Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса. Они выбраны нами потому, что, имея общее основание, приходят к противоположным, во многом, выводам,

⁷¹ Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники [Текст] / Э. Геллнер; пер. М.Б. Гнедовского. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 240 с. – с. 206-212

⁷² Там же, с. 206

как нельзя лучше характеризую проблематичность понятия «гражданское общество» в современной философской мысли.

Общей у Хабермаса и Фуко является критика навязывания сообществам в современном мультикультурном мире традиционного понимания гражданского общества, но каждый из них подходит к проблеме с собственной позиции.

Хабермаса⁷³ называют последователем Канта с его идеалистическим представлением о возможности достижения гражданского согласия по всем вопросам политической сферы. Критикуя в своей теории коммуникативного действия⁷⁴ классическое понятие сущностной рациональности (и предлагая вместо нее рациональность субъектно-центрическую и процедурную), он указывает на публичный диалог как основание политической жизни, на диалогичность (и полилогичность) публичного.

Исследуя в своем труде «Структурные изменения публичной сферы»⁷⁵ генезис понятия «общественное мнение», он говорит о пагубности опоры на безличные цифры, как будто сообщающие нам о мнении (волеизъявлении) большинства, а также на необходимые для существования публичной сферы (гражданского общества) условия: коммуникативную рациональность и эпистемическое равенство. Для гражданского общества нужны, по его мнению, два условия: написание конституций и развитие институтов⁷⁶. Говоря же о взаимодействии общества с государством, он трактует власть в рамках юридического дискурса (как утверждаемую законом и утверждающую закон).

Фуко не соглашается с Хабермасом в трактовке морали политической сферы и политического действия в форме, предложенной Кантом. Он опирается не на Канта, а на Ницше с его трактовкой отношений власти как конфликта⁷⁷. Фуко указывает, что кантианский категорический императив ведет к тоталитарной утопии, потому что обязательная и приемлемая для всех и каждого форма морали – это тоталитарная идеология.

Также он не соглашается с юридической моделью власти (оправдания власти), называя ее отвлекающим маневром, и призывает прямо

⁷³ Семенов А.В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса [Текст] / А.В. Семенов // Социум и власть. – 2009. – №4. – С. 9-13.

⁷⁴ Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия. Сводный реферат [Текст] / Ю. Хабермас // Современная западная теоретическая социология. – М., 1992. – Вып. 1. С. 57-101.

⁷⁵ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2016. – 344 с.

⁷⁶ Флишберг, Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества [Текст] / Б. Флишберг // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – с. 127-136.

⁷⁷ Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 2015. – 416 с.

анализировать отношения господства/подчинения в их реальных формах. Власть, по мнению Фуко, вездесуща, каждый индивид является узлом «целого пучка властных отношений»⁷⁸, а политическая или государственная власть – всего лишь одна из ряда форм власти.

Итак, в современной философии определение смыслонаполнения понятия «гражданское общество» еще более проблематично, чем в философии классической. С одной стороны, мы сталкиваемся с необходимостью обособить «гражданское» («социальное») от «политического» и «экономического», найти новые критерии определения. С другой стороны, мы должны понимать гражданское (или публичное) как диалогическое (или полилогическое), учитывая равноценность всех точек зрения. К тому же, в двух описанных нами концепциях полилогичность следует рассматривать – одновременно – в качестве характеристики разных феноменов смыслового пространства гражданского общества: сети властных отношений и сети коммуникаций.

3.1.3 Современное осмысление понятия гражданского общества вне западноевропейской политической и социальной практики

Понятие гражданского общества в XX и начале XXI века становится актуальным и в некоторых традиционно недемократических и нелиберальных системах. Активисты демократизации внутри таких систем зачастую считают гражданское общество важным инструментом перехода от авторитаризма к демократии.

Например, латиноамериканские мыслители полагают, что одним из ориентиров трансформации военно-бюрократических авторитарных систем должно быть установление принципа гражданства, основанного на, по крайней мере, «процедурном минимуме» участия сообщества граждан в принятии решений.⁷⁹

Коэн и Арато указывают, что в таких ситуациях общество зачастую ошибочно стремится к массовости участия, не понимая, что главной отличительной чертой гражданского является не массовость, а публичность дискуссий и появление гражданского самосознания у различных сообществ, являющихся элементами «большого» общества. Выше мы уже говорили о том, что дает становящемуся гражданскому обществу активное участие его членов в публичной коммуникации по мнению Хабермаса.

⁷⁸ Фуко, М. Власть и знание [Текст] / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избр. полит. статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с. – с. 289.

⁷⁹ Коэн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Дж. Л. Коэн, Э. Арато; общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Весь Мир, 2003. – 784 с. – с. 81

С другой стороны, не совсем понятно, как степень развитости гражданских институтов влияет на переход от авторитарного правления к демократическому и как сказывается на результатах этого перехода. Коэн и Арато указывают, что прочной связи здесь не выявлено, и указывают на многофакторность процесса перехода и неодинаковость исходных условий.

Ф. Э. Кардозо и Э. Фалетто подробно разбирают различные варианты перехода в различных странах Латинской Америки⁸⁰, указывая, что нет общей теоретической схемы, которая позволяла бы описать процесс перехода в любой латиноамериканской стране в терминах, работающих на материале Западной Европы.

Аналогичным образом рассматривает особенности гражданского общества в Японии А. А. Евтушенко⁸¹, тоже обращая внимание на невозможность полностью описать локальные особенности становления гражданского общества с помощью понятийного аппарата западной социальной науки. Исследовательница указывает, например, на то, что для обозначения традиционного и гражданского общества в современном японском языке используются разные понятия – и второе было заимствовано из западного лексикона. Гражданское общество чаще всего рассматривается как капиталистическое.

Некоторые исследователи особо выделяют экологические гражданские движения и отмечают прямую связь между некоммерческими организациями и демократическими переменами в стране, как, например, Юко Кавато и Р. Пекканен.

На рубеже XX-XXI веков внимание японских мыслителей направлено на проблемы взаимодействия и противостояния гражданского общества и государства. Политолог Цудзинака Ютака указывает на уникальность гражданских сообществ, обусловленную национальными чертами.

Если же говорить об особенностях становления и развития гражданского общества в странах Восточной Европы, то и здесь мы найдем невозможность описать эти особенности в рамках устоявшейся классической теории западноевропейского типа.

⁸⁰ Кардозо, Ф.Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации [Текст] / Ф.Э. Кардозо, Э. Фалетто. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002 г. – 130 с.

⁸¹ Евтушенко, А.А. Эволюция гражданского общества в Японии [Текст] / А. А. Евтушенко // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – с. 95-103.

Например, Б. Я. Бляхман⁸², описывая идею гражданского общества в Восточной Европе, сообщает, что местные теоретики зачастую увязывают ее с идеей рабочего самоуправления, и что восточноевропейское представление о гражданском обществе базируется не на понятии индивидуального предпринимателя, а на коллективных нравственных принципах.

Таким образом, даже не углубляясь в анализ локальных особенностей становления гражданского общества, мы можем видеть, что во многих случаях классическая западноевропейская концепция гражданского общества не может быть применена для анализа локальных особенностей взаимодействия гражданского общества и государства или гражданского и традиционного общества.

Итак, рассмотрев вопросы, поставленные нами в этой главе, мы можем сделать общий вывод: факторы формирования гражданского общества различны и для исторических эпох, и для локальных сообществ, а потому и особенности самоопределения и становления гражданского общества в них существенно отличаются от классического представления о путях развития гражданского общества, сформулированном в западноевропейской философской и социально-политической мысли.

Тем не менее, можно выделить и общий принцип определения гражданского общества: оно создается в пространстве коммуникации и конкуренции (конфликта) различных акторов, равнозначных и равноценных, выполняющих условие эпистемического равенства.

3.2. Гражданское общество в информационную эпоху

3.2.1 Пространство деятельности и взаимодействия гражданского общества и власти в виртуальной среде. Понятия социального пространства, локальной среды и локальной идентичности

Выше мы уже говорили о пространстве становления и деятельности, необходимом гражданскому обществу – в любом варианте трактовки этого понятия, – и оказывающем особое влияние на структуру общественных отношений. Это социальное пространство, которое на разных этапах формирования гражданского общества может осмысляться по-разному, но важнейшей его характеристикой является возможность коммуникации членов сообщества. И такое социальное пространство – это пространство города,

⁸² Бляхман, Б.Я. Проблема реализации идеи гражданского общества в Восточной Европе в конце XX века [Текст] / Б. Я. Бляхман // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – №4. – с. 147-152.

в границах которого (и территориальных, и смысловых) появляются и потребности, и возможности для новых форм коммуникации. Город здесь – это и античный полис, и «Град Божий» Августина, и идеальные города утопистов и мыслителей эпохи Просвещения, и пространство глобального города Саскии Сассен⁸³, и пространство «глобальной деревни» Маршалла Маклюэна⁸⁴.

Города в любой культуре в любую эпоху в первую очередь выполняли функцию воспроизводства социального потенциала населения. Роль городов в развитии и становлении любой сферы человеческой жизни и деятельности, взаимообусловленность трансформации городов и изменений систем культурных, экономических и политических отношений, постоянное переосмысление статуса горожанина обуславливают потребность изучения социального пространства города как фактора формирования территориальной идентичности. Для российской науки приоритетными направлениями исследований являются национальная и этническая идентичность, а иные (более локальные) виды пространственной идентичности остаются практически неизученными, хотя вопросы специфики и развития городов и территорий являются ключевыми в современной урбанистике.⁸⁵ Человека формирует пространство, в котором он живет, действует, общается – многослойное социальное пространство, которое, например, в исследованиях А. А. Дрегало и В. И. Ульяновского описывается посредством метафоры «среды-матрешки».

Говоря об исследовании пространства в рамках социального знания, обычно указывают на сложность фиксации социальных процессов и явлений только в физическом пространстве.

Например, при перемещении организации из одной локации в другую (из города в город, из здания в здание) она, покинув исходное место, естественно, не сразу начинает существовать в месте конечном. То есть, некоторое время она вовсе не существует? Или не существует лишь в физическом пространстве? Но в каком тогда пространстве она продолжает быть? В виртуальном?

С другой стороны, если говорить о пространстве виртуальном, вовсе недостаточно указать на местоположение серверов, обеспечивающих

⁸³ Sassen, S. The global city: London, New York, Tokyo [Text] / S. Sassen. – Princeton: Princeton univ. press, 2001. – 447 p.

⁸⁴ Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры [Текст] / М. Маклюэн; пер. с англ. А. Юдина. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.

⁸⁵ Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности [Текст] / Н. С. Дягилева // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – с. 54-59.

возможность функционирования тех или иных сайтов: виртуальный контент находится «нигде», если иметь в виду физические локации. Но и переезжающая организация, и сайт, и, к примеру, разъехавшаяся по разным регионам семья, при этом остающаяся семьей, могут быть локализованы в другом пространстве – социальном.

В первой главе мы сталкивались с указанием на то, что виртуальное социальное пространство города (полиса) было известно уже древним грекам, хотя они пользовались другой терминологией для его описания (мы упоминали не закрепленный территориально полис афинского флота на Самосе в 411 г. до н. э.). Тем более понятным такое представление о виртуальном социальном пространстве должно быть в эпоху информационной цивилизации.

Социальное пространство – многомерное пространство социальных процессов, социальных отношений, социальных практик, социальных позиций и социальных полей, функционально взаимосвязанных между собой. Философы и социологи под социальным пространством понимают логически мыслимый конструкт, особую среду, в которой осуществляются социальные отношения. Социальное пространство можно описать как совокупность полей, специфических однородных «подпространств» (например, поле политики, экономическое поле и т. п.), владение которыми означает обладание дефицитными благами – капиталом. Распределение различных видов капитала – экономического, политического, культурного, социального, символического и др. в социальном пространстве структурирует его.

В рамках различных подходов понятию социального пространства придают различные значения, рассматривая с разных методологических позиций. Натурализм в социологии наделяет социальное пространство свойствами тела, вещества (физической, химической, географической, органической реальности). Последователи активистского подхода рассматривают социальное пространство как пространство человеческой активности, динамического состояния общества, социальной процессуальности. Так, в рамках «полевой теории» социальное пространство анализируется через совокупность функционально взаимосвязанных силовых полей, формирующимися социальными практиками агентов. Субстанционалисты сводят социальное пространство к субстанциям – индивидам, их совокупностям, соединенным социальными связями. Представители реляционизма анализируют социальное пространство как наиндивидуальную реальность, представляющую собой систему структурированных социальных отношений.

Если же говорить о концепциях социальной философии и социологии, то следует указать: еще не используя термин «социальное пространство», его модели и этапы конструирования, по сути, уже описывали Карл Маркс, Макс Вебер, Эрик Олин Райт, Франк Паркин и другие.

В социологию категория «социальное пространство» была введена Фердинандом Теннисом, определившим общую социологию как науку о человеческой витальности, изучающую взаимоотношения людей друг с другом в пространстве и во времени.⁸⁶

Георг Зиммель, написавший отдельную работу «Социология пространства», характеризует социальное пространство как бездейственную форму, существующую лишь благодаря энергии деятельности субъектов⁸⁷: он говорит, например, о средневековом городе как о пространстве, в котором сосуществуют и соприкасаются различные общины, а также проводит различие пространства и места, указывая на многослойность смысла понятия «пространство».⁸⁸

Питирим Александрович Сорокин рассматривает социальное пространство в контексте теории социальной стратификации и социальной мобильности. Согласно Сорокину, «определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета”».⁸⁹

Толкотт Парсонс вводит понятия «территориальность» и «резидентное размещение»⁹⁰, описывая социальное действие – одновременно и надпространственное, и все же вложенное в среду. Парсонс неоднократно подчеркивал значение среды для корректного анализа социального действия.

Петр Штомпка, акцентируясь на деятельностной сущности социальных агентов, описывает модель «поля взаимоотношений», объединяющего четыре уровня: 1) идей, верований, дефиниций; 2) норм, предписаний; 3) интеракций; 4) возможностей, или ресурсов.⁹¹

⁸⁶ Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии [Текст] / Ф. Теннис. – СПб: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2002. – 456 с.

⁸⁷ Зиммель, Г. Социология пространства [Текст] // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. – М.: Юристъ, 1996. Т.2. – 607 с.

⁸⁸ Подробнее см. Филиппов, А.Ф. Социология пространства [Текст] / А.Ф. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008 г. – 290 с.

⁸⁹ Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

⁹⁰ Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.

⁹¹ Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

Говоря о структуре социального пространства, особое внимание нужно уделить концепции Пьера Бурдьё⁹²: в его представлении не существует абсолютного социального пространства, так как оно конструируется каждый раз заново, в каждом конкретном случае может быть и одномерным, и многомерным пространством с любым числом измерений, поскольку используется для описания взаимосвязей различного рода социологических величин, характеризующих социальные явления. Он представляет социальное пространство как рационально сконструированную диаграмму, поля властного взаимодействия, движения различных видов капитала (например, символического).

Описывая социальное пространство, Бурдьё понимает его «...как поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций»⁹³.

Итак, социальное пространство – это пространство и физическое, и смысловое, которое скреплено социальной структурой – совокупностью взаимосвязанных и взаимодействующих социальных общностей (демографических, национальных, территориальных, профессиональных и т. п.), иерархически упорядоченных между собой, что предполагает наличие «верхних», «средних» и «нижних» слоев, вертикальных и горизонтальных каналов социального перемещения и т. д. Посредством расчленения социального пространства на структурные элементы-позиции в конкретной точке пространства можно находить и оценивать различных социальных субъектов, их статусные позиции. Социальная структура подразумевает статические аспекты существования социальных форм, которые в социальном пространстве реализуются в динамике конкретных потоков человеческой активности, социальных процессов.

⁹² Бурдьё, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение [Текст] / П. Бурдьё; перевод с французского: Н. А. Шматко // Социология социального пространства. Сборник статей. – М., 2005. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3053>

⁹³ Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. Paris: Seuil, 1994; цит. по Бурдьё, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение [Текст] / П. Бурдьё; перевод с французского: Н. А. Шматко // Социология социального пространства. Сборник статей. – М., 2005. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3053>;

Социальный мир представляет собой, таким образом, многомерное пространство с множеством социальных полей, в каждом из которых индивиды и их группы занимают соответствующие позиции.

Если это социальное пространство, многомерное и всеохватывающее, рассматривать с точки зрения субъектов – которые являются узлами сети отношений, это пространство создающих – то можно говорить о существовании различных локальных сред жизни и деятельности этих субъектов (как отдельных людей, так и целых сообществ).

Понятие локальной среды в категориальном аппарате отечественной науки, в первую очередь, разрабатывается в менеджменте, где применяется для описания внешней среды предприятия или организации (конкретно – среды прямого воздействия)⁹⁴, тогда как в зарубежной науке понятие «local environment» используется в различных областях (от экологии до образования).

В отечественной социальной науке и, конкретно, социологии понятие локальной среды тесно связано с локальной (или территориальной) идентичностью⁹⁵, которая, в свою очередь, изучается на страновом, региональном, городском или сельском уровнях. Например, в 2015 году Исследовательская группа ЦИРКОН издала итоговый аналитический отчет «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ»⁹⁶, различные исследования посвящены региональной идентичности Сибири и Дальнего Востока, Калининградской области, национальных республик и пр.⁹⁷ Проблеме локальной идентичности населения северо-запада европейской части России – и, конкретно, Архангельской области – посвящены работы А. А. Дрегалю и В. И. Ульяновского⁹⁸. Авторы также уделяют особое внимание трактовке понятия локальной среды, критикуя устоявшиеся подходы: «содержание широко употребляемого понятия “окружающая

⁹⁴ Мескон, М. Основы менеджмента [Текст] / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Дело, 2002. – 704 с.

⁹⁵ Шматко, Н. А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования [Текст] / Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – с. 94-101.

⁹⁶ Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля [Текст] / Задорин И. В., Евстифеев Р. В., Крупкин П. Л., Лебедев С. Д., Шубина Л. В. – М., 2016. – 120 с.

⁹⁷ Например: Ачкасов, В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» [Текст] / В. А. Ачкасов // Политэкс. – 2005. – № 3; Суханов, В. М. Региональная идентичность в контексте глобализации: теоретический анализ [Текст] / В. М. Суханов // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 1. – с. 104-110; Крылов, М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России [Текст] / М. П. Крылов // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13-23.

⁹⁸ см. Дрегалю, А. А. Социокультурная динамика социального пространства Севера [Текст] / А. А. Дрегалю, В. И. Ульяновский. – Архангельск: Издательский дом им. В. Н. Булатова, 2017. – 253 с.

среда” обычно сводится к окружению некоторого нечто: климатических, ресурсных, социальных, бытовых и других условий существования. А понятие “среда” часто отождествляется с географическим пространством, где не остается места человеку, второй природе, обществу»⁹⁹. Исследователями предложена иная трактовка понятия, разработанная В. Н. Лексиним и Е. Н. Андреевой: «совокупность процессов и явлений личностного, общественного и природного характера, объединяемых временем и определенными пространственными границами»¹⁰⁰.

Локальную идентичность обычно рассматривают как один из уровней территориальной идентичности – переживаемого и/или осознаваемого чувства территориальной принадлежности человека, определенной субъективной социально-географической реальности. Локальная идентичность – идентификация человека с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания (города, района, поселка, микрорайона).¹⁰¹

Если говорить конкретно о понятии городской идентичности, то ее можно определить как «компонент социальной идентичности личности, социокультурный конструкт, формируемый в результате идентификации человека с конкретной городской общностью и определяемый усвоением и воспроизводством символического капитала города, социальных норм и стиля жизни, объединяющих жителей данного города»¹⁰².

С точки зрения социального, культурного и экономического потенциала городов такую территориальную идентичность населения можно рассматривать как фактор формирования символического капитала места, который может быть основанием и инструментом развития территории: через привлечение инвестиций, туристов, потенциальных жителей – то есть, через развитие коммуникативной сети.¹⁰³

Изучение города долгое время концентрировалось вокруг вопросов генезиса и дальнейшей истории его развития. Важными представлялись

⁹⁹ Дрегалю, А.А. Образ Севера: продуктивность визуальных моделей и реальность [Текст] / А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновский // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №2. – с. 44-50.

¹⁰⁰ Лексин, В.Н. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и новой методологии ее изучения [Текст] / В.Н. Лексин, Е.Н. Андреева. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – 160 с.

¹⁰¹ Морозова, Е. В., Локальная идентичность: формы актуализации и типы [Текст] / Е.В. Морозова, Е.В. Улько // ПОЛИТЭК. – 2008. – № 4. – С. 139-151

¹⁰² Дягилева, Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности [Текст] / Н. С. Дягилева // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург: УрФУ, 2013.– С. 54-59.

¹⁰³ Федотова, Н.Г. Городская идентичность как конкурентное преимущество территории [Текст] / Н.Г. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – с. 372-377

политические аспекты жизни города, его экономика и культура. В современной же науке урбанистические процессы вообще и характерные особенности пространства современного города рассматриваются в философской урбанистике и социологии города.

Философская урбанистика, скорее, опирается на методологический конструктивизм, который предполагает рассмотрение города как «среды жизни» (локальной среды), в которой определяющим является качество социальных взаимодействий, а конструирование и преобразование пространства города зависит от социальных практик. Город здесь трактуется как социально конструируемое пространство, границы которого определены не географическими или административными категориями, а чувством принадлежности, набором разделяемых норм и ценностей.¹⁰⁴

Говоря о методологии анализа социального пространства города в социологии, можно выделить два основных направления:

1. рассмотрение города как, прежде всего, сообщества, общины, исследование отличительных черт жизни людей в городе и социальных взаимодействий в городском пространстве;
2. понимание города как пространства,местилища, которое обладает своими качественными чертами и влияет на образ жизни людей в нем.

К сторонникам первого подхода можно отнести М. Вебера (его можно назвать основоположником), Ф. Тенниса, Г. Зиммеля, Д. Джейкобс. Второй подход разработан в исследованиях представителей Чикагской школы: Э. Берджеса, Р. Парка, Л. Вирта.¹⁰⁵

Говоря о создании, развитии и обустройстве городов, Анри Лефевр¹⁰⁶ указывает, что все элементы пространства города социально сконструированы, а Эдвард Сойа¹⁰⁷ заявляет, что они социально сконструированы «вдвойне»: социум не только создает городское пространство, но еще и интерпретирует его, удваивая вовлеченность территории в социальное.

Таким образом, в любой трактовке город предстает не как совокупность функций и объектов, а как особый порядок отношений между людьми и объектами.

¹⁰⁴ Акалелова, Т.А. Социальное пространство современного города [Текст] / Т.А. Акалелова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 9. – с.23-25

¹⁰⁵ Социальное пространство современного города [Текст] / под. ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 252 с.

¹⁰⁶ Лефевр А. Производство пространства [Текст] / А. Лефевр. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.

¹⁰⁷ Сойа Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? [Текст] / Э. Сойа // Логос. – 2008. – №3 (66). – с. 130-140.

С одной стороны, город – место социокультурного разнообразия: в нем возникают различные сообщества приезжих (чужаков, гостей, мигрантов). С другой стороны, жизнь и деятельность всех горожан определяется городской (территориальной, локальной) идентичностью. Это создает сложную систему социальных взаимодействий, обуславливает высокую интенсивность информационных потоков, культурное многообразие и пр.

Важным условием формирования социального пространства города является его территория, а также активность городского сообщества в освоении этой территории. Осваивая пространство, сообщество создает площадки (локации) взаимодействия горожан, которые постепенно наполняются субъективными смыслами и значениями и начинают выполнять коммуникативную функцию. Примерами таких площадок являются как крупные открытые территории (площади, скверы, проспекты), так и места, присвоенные различными группами горожан (велосипедисты, представители субкультур, пожилые женщины и пр.).¹⁰⁸

Вернемся к понятию символического капитала территории. Кевин Линч указывал, что в любом городе можно выявить несколько универсальных элементов: пути, границы, районы, узлы и ориентиры.¹⁰⁹ Кроме того, для каждого конкретного субъекта в любом городе (или другом поселении) существуют места памяти, наполненные субъективным смыслом. В этих пунктах воображаемой картины пространства города и «накапливается» символический капитал: индустриальный, административный, торговый, досуговый, природный, исторический, жилищный, человеческий.¹¹⁰

Итак, суммируем. Понятие социального пространства в применении к исследованию городского пространства можно конкретизировать в понятии локальной среды, а его, в свою очередь, соотнести с понятием локальной идентичности. Локальная среда и локальная идентичность в каждом конкретном случае взаимно обусловлены, а также способствуют формированию символического капитала территории, влияя на воспроизводство социального потенциала населения этой территории.

Но мы уже видели, что социальное пространство (и в исторической ретроспективе, и в современности) порождает возможность формирования локальной идентичности, не привязанной к конкретной территории, но

¹⁰⁸ Лебедева, Е.В. Город как социальное пространство: проблемы появления коммуникативных разрывов [Текст] / Е.В. Лебедева // Социология. – 2015. – №3. – с. 114-121.

¹⁰⁹ Линч, К. Образ города [Текст] / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

¹¹⁰ Вандышев, М.Н. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан [Текст] / М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова, Е.В. Прямикова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 3. – с. 101-111.

определяемой виртуальным социальным пространством. Социальное пространство города конструируется социумом и является не только территорией, но и особым порядком отношений людей и объектов, особым порядком коммуникации.

Д. В. Иванов пишет, что «виртуальность обязательно вовлекает в себя социальные институты и существует взаимное пересечение виртуального и реального пространств, которые в результате представляют единое социальное пространство»¹¹¹. Можно заключить, что сообществам, существующим в таком социальном пространстве, нужна особая локальность.

3.2.2 Сетевые инструменты организации деятельности сообществ.

Виртуальное социальное пространство и локальное сообщество

Говоря о сетевом обществе в информационную эпоху, исследователи в первую очередь отмечают, что главным отличием общества, активно использующего Интернет, является возможность децентрализации любой сферы деятельности и ризоморфность связей.

Существует множество способов понимания виртуальной реальности. Виртуальность исследуется не только в рамках теории познания и онтологии, но и в психологии, информатике и физике, существуют и технико-технологические способы ее представления.¹¹²

В современном мире и социальное пространство в общецивилизационном масштабе, и локальное пространство любого города не могут существовать вне виртуального измерения.¹¹³ Современные информационные технологии позволяют любым организациям, предприятиям и территориальным сообществам обзаводиться собственными страницами на виртуальных площадках, и они охотно пользуются этим инструментом продвижения, заодно выступая маркерами виртуального пространства той «виреальной» территории, на которой размещаются.

Для отдельных членов сообществ виртуальное социальное пространство тоже представляет интерес, например, с экономической точки зрения. Ф. И. Шарков отмечает¹¹⁴, что уже во второй половине XX века в различных сферах занятости населения развитых стран начали возникать

¹¹¹ Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0 [Текст] / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 224 с. – с. 96

¹¹² Леушкин, Р.В. Виртуальное социальное пространство: понятийная база исследования [Текст] / Р.В. Леушкин // Философская мысль. – 2017. - № 7. - С.54-63.

¹¹³ Буряк, В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции [Текст] / В. В. Буряк. – Симферополь: ДИАИПИ, 2011. – 150 с.

¹¹⁴ Шарков, Ф.И. Интерактивные электронные коммуникации (возникновение «Четвертой волны») [Текст] / Ф.И. Шарков. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. – 260 с. – с. 130.

«распределенные рабочие группы» – группы «телеработы», удаленной работы, работы на дому. Организация совместной деятельности в таких группах зачастую оказывалась слишком сложной для работников, «воспитанных» в системе традиционного менеджмента, потому далеко не все компании пользовались этой технологией. В современном мире задача организации удаленной работы на порядок упростилась с технической точки зрения, потому исследователи указывают, что, скорее всего, уже в ближайшем будущем возможность заниматься какой-либо профессиональной деятельностью вообще не будет зависеть от места проживания работника. То же самое справедливо для сообществ учащихся, исследователей, родителей и детей, потребителей – и других людей, объединенных другими общими увлечениями и потребностями.

Нужно помнить, что какими бы потенциально эффективными ни были инструменты организации, действительная эффективность их применения все равно зависит от знаний и умений людей, использующих эти инструменты. Потому очень важно как можно полнее изучить механизмы организации деятельности виртуальных сообществ и принципы взаимодействия людей внутри таких сообществ.

Но если мы говорим о ризоморфности и децентрализованности сетевого общества, то как же в этой среде возможен такой социальный феномен, как гражданское общество? Здесь следует указать, что любое сетевое виртуальное сообщество, во-первых, существует на созданной кем-то виртуальной площадке (на форуме, в группе и т.д.), а также постоянно модерировается (более или менее успешно) – то есть, в нем есть организатор или группа организаторов, активных членов сообщества. С другой стороны, сообщество не может существовать достаточно долго, если членов сообщества не объединяет какая-либо совместная активная деятельность – а поводы для этой деятельности, информационный обмен в сообществе по поводу этой деятельности и, в итоге, организацию действий тоже выполняют определенные люди или группы. Следовательно, мы вполне можем говорить о диалогическом или полилогическом сообществе применительно к виртуальным сообществам.

Выявив такую особенность виртуального социального пространства и локального сообщества, можем утверждать, что социальное пространство (в том числе, на уровне локальных сред) не просто воспроизводится в виртуальной среде, но даже получает дополнительные инструменты развития внутренних и внешних связей и отношений, а потому и социальное

пространство города невозможно в современном мире рассматривать без учета его «отражения» в виртуальном пространстве.

Ниже мы рассмотрим виртуальные сообщества, сферами интересов которых являются различные территориальные образования, а также социальные связи и отношения внутри этих образований – такое определение понятию «локальное интернет-сообщество» дает, например, А. Б. Скуратов, изучая виртуальные сообщества крупных российских городов¹¹⁵. Но для начала определим, ресурсы Интернет какого типа могут эффективно использоваться локальными интернет-сообществами: социальные сети или онлайн сообщества.

3.2.3 Виртуальные сообщества как социальные медиа: различия между виртуальными сообществами и социальными сетями

Понятие «социальные медиа» широко используется с 2008 года. Порой его отождествляют с социальными сетями (например, Facebook), порой думают, что социальные медиа – это блоги, микроблоги (например, Twitter), Flickr, Youtube или любые другие аналогичные сервисы Web 2.0, основанные на коллективном обмене информацией между пользователями. Указывают на разные типы социальных медиа, начиная с сервисов социального взаимодействия (таких, как Wikipedia, Delicious или Digg) и заканчивая онлайн-сообществами.

Это верно для классификации социальных медиа по функциональным признакам, но с точки зрения социальной антропологии существует всего два основных типа социальных медиа: социальные сети и онлайн сообщества.

1. В социальных сетях люди связаны между собой личными связями, которые образуют сетевую структуру: каждый участник является центром такой сети – и для него эта сеть единственная.
2. В онлайн-сообществах (виртуальных сообществах) общие интересы объединяют людей в большие группы. Межличностные связи здесь не обязательны, каждый может участвовать в нескольких сообществах одновременно, и эти сообщества могут пересекаться или объединяться (как группы со множеством подгрупп)¹¹⁶.

¹¹⁵ Скуратов, А.Б. Локальное интернет-сообщество: ризоморфность и сетевая концепция структуры [Текст] / А.Б. Скуратов // Вопросы управления. – 2008. – № 2(3).

¹¹⁶ Ву, М. Сообщество или социальная сеть? [Электронный ресурс] / М. Ву. – Электрон. дан. – Режим доступа: URL: <https://habrahabr.ru/company/darudar/blog/137825/>, свободный (дата обращения: 07.05.2018). – Загл. с экрана.

Можно подумать, что о гражданском обществе имеет смысл говорить только при рассмотрении виртуальных сообществ, а к анализу феномена социальной сети понятие гражданского общества неприменимо. Но здесь важно помнить, что виртуальные социальные сети всегда предоставляют пользователям возможность создания виртуальных сообществ, потому что иначе они не были бы популярны. По выражению Майкла Ву, без сообществ социальные сети превращаются в телефонные справочники, а это не то, что человек ищет в Интернете.

И социальные сети, и сообщества (онлайн или оффлайн) позволяют людям создавать и поддерживать слабые и сильные связи внутри социума, но для выстраивания сильных связей нужны именно сообщества, поскольку они объединяют своих участников общей деятельностью и общими интересами и позволяют им активнее взаимодействовать друг с другом. С другой стороны, сообщества без социальных сетей тоже не могут эффективно развиваться: социальные сети объединяют их, позволяют их участникам вовлекать своих знакомых или искать для себя другие сообщества по интересам.

Виртуальное сообщество существует в рамках тех же закономерностей, что и оффлайн-сообщества, но важно отметить, что виртуальные обладают очень важной особенностью: круг общения в них потенциально можно расширять до бесконечности, поддерживая контакты с людьми, которые находятся очень далеко от вас.

Существует множество каталогов социальных сетей, на базе которых формируются те или иные виртуальные сообщества.

Например, в списке «Социальные сети в России» на сайте «Новости социальных сетей Smonews.ru»¹¹⁷ перечислено более 160 социальных сетей только рунета (информация актуальна на 22.05.2018 г.).

Условно можно выделить, например:

- универсальные социальные сети (Facebook и т.п.),
- социальные сети знакомств и развлечений,
- социальные сети отдельных стран, регионов, городов,
- студенческие,
- туристические,
- медицинские,
- научные,
- педагогические,
- новостные,

¹¹⁷ Новости социальных сетей Smonews.ru. – URL: <http://smonews.ru/>

– конфессиональные и т.д.

Виртуальные сообщества могут возникать и развиваться как на базе этих социальных сетей (например, группы Вконтакте, сообщества Facebook и пр.), так и на собственных платформах.

Сайт «Сообщества.ру»¹¹⁸ предоставляет не только новости виртуальных сообществ и социальных сетей рунета, но и позволяет обмениваться информацией и навыками по управлению и продвижению сообществ.

Если говорить о тематике сообществ, то нужно признать: виртуальные сообщества могут организовываться по совершенно любому поводу. Чаще всего их разделяют на профессиональные, хобби-сообщества, игровые, территориальные и т.д.

Два приведенных нами типа классификаций сообществ зачастую пересекаются. Например, в социальную сеть педагогов могут быть включены сообщества преподавателей разных дисциплин, работников разных учебных заведений и жителей разных городов.

Или, если говорить о глобальных универсальных социальных сетях, то Facebook или LiveJournal, например, не только предоставляют площадки для любых сообществ, но и обеспечивают им возможность обмена информацией между собой (новостные каналы социальной сети или блогосферы; френдленты).

Важно помнить еще и о том, что сообщества взаимодействуют между собой не как цельные структуры, а посредством индивидуальных акторов, членов сообществ, которые участвуют в деятельности (или следят за деятельностью) сразу нескольких групп. Именно поэтому администрации сообществ тоже должны поддерживать связи между собой, чтобы не упускать актуальные для членов сообщества темы.

Можно заключить, что особенности каждого конкретного сообщества, несомненно, влияют и на особенности модерации в этих сообществах. И, что самое важное, виртуальное сообщество никогда не позволит постороннему человеку, не обладающему определенным социальным статусом в этом сообществе, быть эффективным организатором. Это – одна из характерных черт «глобальной деревни» Маршалла Маклюэна: администратору для эффективной организации жизни сообщества нужно быть для этого сообщества «своим» – иначе оно просто проигнорирует его и уйдет на другую площадку. Здесь мы видим очень интересную черту модерирования

¹¹⁸ Сообщества.ру. – URL: <http://www.soobshestva.ru/>

виртуального сообщества: организатор должен быть лидером – иначе он перестает быть организатором, ибо сообщество прекращает существовать.

Здесь мы подходим уже к понятиям сетевого города и интерактивного города, разработанным Мануэлем Кастельсом и Яном ван Дейком (для первого узлами сетевых общественных структур являются сообщества, для второго – индивиды), а также другими исследователями. Опираясь на их концепции, можно рассмотреть проблему городского пространства в теориях сетевого общества.

Например, Ван Дейк в своей книге «Сетевое общество» (The Network Society)¹¹⁹ развивает гипотезу о том, что сеть – наиболее органичный тип социальной связи, существовавший с момента появления общества как такового. Утрата людьми единого пространства привела к лавинообразному развитию массмедиа и бюрократии, а развитие и быстрое укоренение сетевых технологий стало ответом на потребность общества в возвращении ему «горизонтальных» коммуникаций.

Кастельс в своей «Галактике Интернет»¹²⁰ говорит о современном мире, переживающем – несмотря на виртуализацию связей и отношений – еще один виток урбанизации, и вводит понятие «двойного города»: этот дуализм возникает из противостояния пространства потоков (информационных, транспортных и др.) и пространства мест, которое способствует сегрегации сообществ. Интернет разрушает границы мест (и «мест») и позволяет сообществам устанавливать и поддерживать связи.

Здесь же следует упомянуть о феномене глобального города в работах С. Сассен и Е. Мандьеты¹²¹: за счет развития информационного общества (виртуализации), город постепенно обособливается от территории государства – то есть, проявляет в этом противостоянии свою природу гражданского, противопоставляющего себя государственному.

Итак, мы можем заключить, что социальное пространство (в том числе, на уровне локальных сред) не просто воспроизводится в виртуальной среде, но даже получает дополнительные инструменты развития внутренних и внешних связей и отношений, а потому и социальное пространство города

¹¹⁹ На русском не издавалась, цит. по Лапина-Кратасюк Е.Г. «Интерактивный город»: сетевое общество и публичные пространства мегаполиса [Текст] / Е.Г. Лапина-Кратасюк // Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с.: ил. – с. 300-315.

¹²⁰ Кастельс М. Галактика Интернет [Текст] / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.

¹²¹ Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярск) [Текст] / Копцева Н.П., Сертакова Е.А. – Красноярск: СФУ, 2015. – 128 с.

невозможно в современном мире рассматривать без учета его «отражения» в виртуальном пространстве. Мы видим, как общество использует тот инструментарий, который оказался в его распоряжении с наступлением эпохи Интернета. Если принимать выделенный нами в первой главе общий принцип определения гражданского общества (оно создается в пространстве коммуникации и конкуренции (конфликта) различных акторов), то можно заключить: сетевые инструменты организации деятельности сообществ действительно позволяют говорить о новом пространстве становления и развития гражданского общества в современном мире.

3.3. Сетевой инструментарий развития гражданского общества в современной России

3.3.1 Особенности развития гражданского общества в России

В российской политической и социальной мысли понятия «гражданин» и «гражданское общество» актуализируются в XVIII веке. В 1787 году Екатерина II издала свою работу «О должности человека и гражданина», в которой описывала гражданский долг перед государством, связывая государство с личностью государя, а не с обществом. В ответ А. Н. Радищев анонимно опубликовал «Беседу о том, что есть истинный сын отечества – гражданин», в которой описывал общество равных перед законом и свободных от рождения граждан.¹²² С тех пор в российской мысли государство и гражданское общество рассматриваются в оппозиции друг другу – как субъект и объект власти – не умея вступить в конструктивный диалог.

Исследователи общества современной России указывают, что гражданское общество в нашей стране пока что находится на стадии формирования.

Например, В. Г. Ледяев¹²³ считает, что дисбаланс в отношениях между государством и гражданским обществом даже позволяет поставить под сомнение существование гражданского общества в России.

Государство, поясняет он, не обеспечивает сохранение автономии гражданского общества, воспринимая его как угрозу стабильности, и даже подавляет эту автономию (с помощью финансового контроля за НКО и даже делегитимизации деятельности части НКО). К тому же, государство не

¹²² Колесникова, Н.А. Гражданское общество в современной России [Текст] / Н.А. Колесникова, Е.Л. Рябова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 266 с.

¹²³ Ледяев В. Г. Государство VS гражданское общество: скрытые практики власти и сопротивления [Текст] / В.Г. Ледяев // В поисках гражданского общества. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008. – 400 с.

стремится установить стабильные правила взаимодействия с обществом, что ограничивает возможности гражданского общества, а также с помощью государственного ресурса искусственно создает негосударственные организации и структуры.

Кроме того, Ледяев указывает на слабую мобилизованность тех элементов гражданского общества, которые все же сформированы. Это обусловлено, в том числе, постоянно сменяющимися правилами игры и скрытыми формами власти.

Мишель Фуко описывает подобные скрытые формы власти как неосознаваемые многообразные проявления господства, проникающие в те сферы жизни человека, которые изначально полагаются свободными от власти. Пьер Бурдьё тот же феномен определяет как «символическую власть», которая проявляется в особом характере структурирования социальной реальности на основе достижения консенсуса в определенном видении мира и легитимации соответствующего гносеологического порядка.

Интересно, что в подобной ситуации российское гражданское общество (формирующееся или развивающееся) находит для себя инструменты взаимодействия в виртуальном пространстве.

Согласно данным ВЦИОМ¹²⁴ на 3 июня 2018 года практически ежедневно пользуются Интернетом 63% опрошенных, доля таких пользователей с 2006 года постоянно возрастает. Данные, приведенные ФОМ¹²⁵, также свидетельствуют об этом. Кроме того, результаты опроса ФОМ демонстрируют, что прирост пользователей Интернета в последние годы выровнялся – как по различным федеральным округам, так и по населенным пунктам разного типа. На сайте Левада-центра¹²⁶ также показаны результаты опроса о предпочитаемых социальных сетях: самой популярной оказалась социальная сеть Вконтакте, немного (на два пункта) отстала от нее сеть Одноклассники. Интересно, что с июля 2014 года Вконтакте набирает популярность, а Одноклассники теряют пользователей. Мы не обладаем достаточной информацией для анализа причин, но тенденция действительно занимательная.

¹²⁴ Пользование Интернетом [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [офиц. сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/, свободный (дата обращения: 04.06.2018). – Загл. с экрана.

¹²⁵ Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017-2018 гг. [Электронный ресурс] // ФОМ: [офиц. сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13999/>, свободный (дата обращения: 04.06.2018). – Загл. с экрана.

¹²⁶ Пользование интернетом [Электронный ресурс] // Левада-центр: аналитический центр Юрия Левады: [офиц. сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/01/18/polzovanie-internetom/>, свободный (дата обращения: 04.06.2018). – Загл. с экрана.

В информационной среде «оцифрованное общество» попадает в непривычные условия неустранимости непрекращающейся коммуникации, постоянного информационного обмена, и постепенно приходит к необходимости рассматривать себя как сеть с распределенным информационным ресурсом. Так задается новый образ взаимодействия членов сообщества, практически исключающий иерархию.¹²⁷

3.3.2 Гражданское общество в рунете

Какие вопросы являются наиболее важными и значимыми для человека в пространстве развивающегося гражданского общества? Можно предположить, что важнее всего остального на этапе становления – поиск идентичности, определение и осознание самого себя в качестве гражданина, а также потребность в социальном принятии и одобрении.

Возможно, именно потребность чувствовать себя гражданином – осознавать и реализовать свою гражданскую ответственность, неотделимую от прав и свобод, – побуждает человека участвовать в деятельности гражданских сообществ.

На что же может быть направлена такая деятельность в нашем обществе?

Зачастую достаточно просто волонтерского сообщества, каким, например, является сайт Volonter.ru, проект Ассоциации некоммерческих организаций «Союз волонтерских организаций и движений». Это сообщество занимается организацией и распределением желающих трудиться на благо общества в те локации, где их труд нужен.

Появляются и специальные образовательные или информационные проекты, нацеленные на повышение квалификации гражданских активистов, или получение ими новых компетенций, или помощи компетентных специалистов. Например, «Теплица социальных технологий» специализируется на информировании сообществ активистов о том, какими IT-технологиями они могут воспользоваться для решения поставленных задач, – и, наоборот, на информировании IT-специалистов о том, как их работа может помочь решить те или иные общественные проблемы. Таким образом «Теплица» развивает культуру создания гражданских онлайн-приложений.

Одними из самых популярных гражданских онлайн-приложений являются краудфандинговые (для сетевой благотворительности) и

¹²⁷ Опенков М.Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний: Курс лекций для студентов философских факультетов [Текст] / М.Ю. Опенков. – М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 128 с. – с. 113.

краудсорсинговые (для чего угодно: от намерения делиться лишними продуктами питания, до помощи в научных исследованиях).

Порой такие гражданские сообщества являются экспертными – как, например, «Диссернет». Это сообщество описывает само себя так: «Вольное сетевое сообщество экспертов, исследователей и репортеров, посвящающих свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов» – то есть, оно берет на себя те функции системы объективной оценки значимости научного исследования, которые по какой-то причине не выполняют диссертационные советы.

Очень много сторонников привлекают различные сообщества экоактивистов. Общественные кампании по сбору подписей за или против проведения акций или мероприятий, направленных на какие угодно изменения в окружающей среде, находят отклик у большого количества граждан любой страны, Россия здесь не является исключением. Экологические организации чаще всего используют виртуальные площадки для информирования своих сторонников и просто неравнодушных о тех или иных решениях властных структур, которые являются потенциально опасными для здоровья членов общества или нарушают те или иные права и свободы граждан (например, о затраивании берегов водоемов и пр.). Такими информационными площадками являются газета «Зеленый мир. Экология: проблемы и программы» (ее материалы публикуются и онлайн, и оффлайн) и сайт «Экорепортер», ресурс для гражданских эко-журналистов и эко-блоггеров.

Важную роль играют «сообщества добровольцев чрезвычайного реагирования» – такие, как, например, «Пожар.Ру», размещенное на платформе LiveJournal, которое было создано для помощи пожарным дружинам и погорельцам летом 2010 года, но постепенно переструктурировало свою работу.¹²⁸

Много внимания привлекает деятельность «Фонда борьбы с коррупцией», некоммерческой организации, занимающейся расследованием коррупционных правонарушений.

МБОО (Межрегиональная Благотворительная Общественная Организация) «Справедливая помощь от Доктора Лизы», основанная Елизаветой Глинка, предлагает адресную помощь бездомным, тяжело больным, одиноким и инвалидам, лишенным средств к существованию.

¹²⁸ Кожемякина К. Н. Сетевое гражданское общество как фактор консолидации в условиях чрезвычайной ситуации [Текст] / К.Н. Кожемякина // Бизнес. Общество. Власть. – 2011. – № 8. – с. 114-117.

Все эти сообщества своей деятельностью подтверждают высказанное Мануэлем Кастельсом¹²⁹ убеждение в том, что новые технологии формируют культуру виртуальной реальности, перестраивая систему взаимоотношений власти и общества. Благодаря возможности личного участия в сообществах гражданской взаимопомощи и личной ответственности за результат общей деятельности люди действительно становятся гражданами. Интернет порождает новых политических акторов.

Подводя итоги рассмотрения различных сетевых инструментов, используемых российским гражданским обществом, можно заключить, что это общество постепенно становится «сетевым».

Понятие «сетевого общества» получило развитие в трудах уже упоминавшихся нами выше Юргена Хабермаса и Мануэля Кастельса, но важно остановиться и на предложенном Жилем Делезом и Феликсом Гваттари понятии ризомы (корневища)¹³⁰. В противоположность вертикальной иерархической структуре общественно-политических отношений, ризома представляет собой горизонтальную неиерархическую систему связей. У ризомы нет ни выраженного центра, ни единого кода. Ризоморфная среда никогда не останавливается, не прекращает меняться. Она представляет собой множественность – причем, множественность, порождаемую конфликтом потоков.

И здесь мы видим, что понятие ризомы объединяет предложенные Фуко и Хабермасом модели возникновения и развития гражданского общества.

Заключение

Изучив процесс формирования и развития гражданского общества в эпоху информационной цивилизации, а также рассмотрев историю формирования и спектр значений понятия «гражданское общество» в современной социально-философской мысли, мы попытались сформировать представление об условиях существования гражданского общества и изучить виртуальные инструменты организации деятельности сообщества – как уже разработанные и внедренные в мировую практику, так и пока находящиеся на стадии апробации, – а также выявить примеры использования этих инструментов в реалиях современной России.

¹²⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

¹³⁰ Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения [Текст] / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с. франц. Я.И. Свирского. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.

Проведенный нами краткий обзор философских концепций гражданского общества позволяет сделать выводы о том, как на разных этапах развития западной цивилизации понимается его природа и основные принципы его взаимодействия с государством, властью.

Зародившись в античности, в рамках представления о полисе, понятие «гражданское общество» изначально трактовалось как коллектив, занимающийся хозяйственной деятельностью на определенной территории, и гарантирующий членам коллектива возможность этой деятельности в обмен на исполнение некоторых обязательств перед коллективом. Здесь гражданское общество и государство еще не разделены, понимаются как единый комплекс условий существования человека в обществе.

В средние века представление о роли государства меняется (по объективным причинам): оно противопоставляется обществу, начинает рассматриваться как гарант общественного благосостояния, и потому в эпоху Возрождения и в Новое время одной из основных задач политической философии и философии права становится осмысление взаимодействия общества и государства. Некоторые из мыслителей этих эпох противопоставляют два основных этапа развития человечества, естественный и общественный, указывая, что лишь государство может гарантировать человеку соблюдение прав и свобод, другие же, напротив, полагают государство и абсолютную власть основанием невозможности гражданских свобод.

Эти концепции находят развитие в трудах Канта и Гегеля, на которые, в свою очередь, опирается понимание гражданского общества и принципиальных основ его сосуществования с государством в неклассической социально-философской мысли. Кроме того, нужно заметить, что на всех рассмотренных нами этапах своего развития понятие гражданского общества тесно связано с представлением о пространстве деятельности и коммуникации этого общества, которое далеко не всегда является территорией – в прямом, географическом смысле слова.

В современной философии определение смыслонаполнения понятия «гражданское общество» еще более проблематично, чем в философии классической. С одной стороны, мы сталкиваемся с необходимостью обособить «гражданское» («социальное») от «политического» и «экономического», найти новые критерии определения. С другой стороны, мы должны понимать гражданское (или публичное) как диалогическое (или полилогическое), учитывая равноценность всех точек зрения. К тому же, в двух описанных нами концепциях полилогичность следует рассматривать – одновременно – в

качестве характеристики разных феноменов смыслового пространства гражданского общества: сети властных отношений и сети коммуникаций.

Кратко проанализировав современное осмысление понятия гражданского общества вне западноевропейской политической и социальной практики, мы можем сделать общий вывод: факторы формирования гражданского общества различны и для исторических эпох, и для локальных сообществ, а потому и особенности самоопределения и становления гражданского общества в них существенно отличаются от классического представления о путях развития гражданского общества, сформулированном в западноевропейской философской и социально-политической мысли.

Тем не менее, можно выделить и общий принцип определения гражданского общества: оно создается в пространстве коммуникации и конкуренции (конфликта) различных акторов, равнозначных и равноценных, выполняющих условие эпистемического равенства.

Исследуя пространство деятельности и взаимодействия гражданского общества и власти в виртуальной среде, мы рассмотрели понятия социального пространства, локальной среды и локальной идентичности. Понятие социального пространства в применении к исследованию городского пространства можно конкретизировать в понятии локальной среды, а его, в свою очередь, соотнести с понятием локальной идентичности. Локальная среда и локальная идентичность в каждом конкретном случае взаимно обусловлены, а также способствуют формированию символического капитала территории, влияя на воспроизводство социального потенциала населения этой территории.

Но мы уже видели, что социальное пространство (и в исторической ретроспективе, и в современности) порождает возможность формирования локальной идентичности, не привязанной к конкретной территории, но определяемой виртуальным социальным пространством. Социальное пространство города конструируется социумом и является не только территорией, но и особым порядком отношений людей и объектов, особым порядком коммуникации.

Д. В. Иванов пишет, что «виртуальность обязательно вовлекает в себя социальные институты и существует взаимное пересечение виртуального и реального пространств, которые в результате представляют единое

социальное пространство»¹³¹. Можно заключить, что сообществам, существующим в таком социальном пространстве, нужна особая локальность.

Осмысляя сетевые инструменты организации деятельности сообществ, виртуальное социальное пространство и локальное сообщество, мы пришли к выводу, что нужно говорить о ризоморфности и децентрализованности сетевого общества как особых условиях формирования и существования гражданского общества. Здесь следует указать, что любое сетевое виртуальное сообщество, во-первых, существует на созданной кем-то виртуальной площадке (на форуме, в группе и т.д.), а также постоянно модерировается (более или менее успешно) – то есть, в нем есть организатор или группа организаторов, активных членов сообщества. С другой стороны, сообщество не может существовать достаточно долго, если членов сообщества не объединяет какая-либо совместная активная деятельность – а поводы для этой деятельности, информационный обмен в сообществе по поводу этой деятельности и, в итоге, организацию действий тоже выполняют определенные люди или группы. Следовательно, мы вполне можем говорить о диалогическом или полилогическом сообществе применительно к виртуальным сообществам.

Выявив такую особенность виртуального социального пространства и локального сообщества, можем утверждать, что социальное пространство (в том числе, на уровне локальных сред) не просто воспроизводится в виртуальной среде, но даже получает дополнительные инструменты развития внутренних и внешних связей и отношений, а потому и социальное пространство города невозможно в современном мире рассматривать без учета его «отражения» в виртуальном пространстве.

Исследовав виртуальные сообщества как социальные медиа и рассмотрев различия между виртуальными сообществами и социальными сетями, мы можем заключить, что социальное пространство (в том числе, на уровне локальных сред) не просто воспроизводится в виртуальной среде, но даже получает дополнительные инструменты развития внутренних и внешних связей и отношений, а потому и социальное пространство города невозможно в современном мире рассматривать без учета его «отражения» в виртуальном пространстве.

¹³¹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 224 с. – с. 96

Говоря о пространстве становления и развития гражданского общества в информационную эпоху, мы видим, как общество использует тот инструментарий, который оказался в его распоряжении с наступлением эпохи Интернета. Если принимать выделенный нами в первой главе общий принцип определения гражданского общества (оно создается в пространстве коммуникации и конкуренции (конфликта) различных акторов), то можно заключить: сетевые инструменты организации деятельности сообществ действительно позволяют говорить о новом пространстве становления и развития гражданского общества в современном мире.

Подводя итоги рассмотрения различных сетевых инструментов, используемых российским гражданским обществом, можно заключить, что это общество постепенно становится «сетевым».

Понятие «сетевого общества» получило развитие в трудах уже упоминавшихся нами выше Юргена Хабермаса и Мануэля Кастельса, но важно остановиться и на предложенном Жилем Делезом и Феликсом Гваттари понятии ризомы (корневища)¹³². В противоположность вертикальной иерархической структуре общественно-политических отношений, ризома представляет собой горизонтальную неиерархическую систему связей. У ризомы нет ни выраженного центра, ни единого кода. Ризоморфная среда никогда не останавливается, не прекращает меняться. Она представляет собой множественность – причем, множественность, порождаемую конфликтом потоков. И здесь мы видим, как понятие ризомы объединяет предложенные Фуко и Хабермасом модели возникновения и развития гражданского общества, по-своему описывая социальное пространство.

Подводя итог, мы можем отметить, что наше предположение о том, что виртуальный инструментарий изменяет сам способ формирования гражданского общества, нашло подтверждение в исследованных нами материалах.

¹³² Делез, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с. франц. Я.И. Свирского. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.

Глава 4. Воспитание подрастающего поколения в аспекте истории и современности

На современном этапе наша страна переживает сложный процесс перехода к новым социально-экономическим отношениям, к гражданскому обществу с правовым государством. В связи с этим, анализируя в историческом плане, можно отметить ряд существенных положений:

Во-первых, общественное воспитание понималось как политизация коммунистической идеологией подрастающего поколения с целью формирования их личности в духе убежденности и верности социалистическим идеалам.

Во-вторых, при старой системе воспитания важное значение придавалось количеству мероприятий по каждому из направлений коммунистического воспитания, нередко без учета их целесообразности для развивающейся личности. Таким образом, в центре прежней педагогической системы были не дети, а формы и направления, по которым человека приспособили к определенной системе воспитания, тогда как надо было саму систему приспособить к человеку, его нуждам и запросам.

В-третьих, понимание сущности воспитания как процесса воздействия учителя на ребенка привело нас к авторитарной школе. Воспитательная деятельность педагога фактически превратилась в нудное «нравоучение». При таком подходе ребенок рассматривался только как объект – «вещь» воздействия.

В-четвертых, в перестроечный период «смутного времени 90-х годов», т.е. в условиях кардинальных общественно-политических и социально-экономических преобразований наша страна пережила глубокий духовно-нравственный кризис. Развитие российского общества на новый лад предполагало острую необходимость разработки социально-философской основы Концепции воспитания подрастающего поколения в сложившейся политической, экономической и духовной обстановке¹³³.

В этом отношении в свое время экс-президент Российской академии образования, академик Н.Д. Никандров отметил следующее: «...На рубеже 1980-х – 1990-х годов была практически и сознательно разрушена система

¹³³ Гончаров И. Школа, отживающая и восходящая // Народное образование. 1993. № 6. С.36-40.

советского воспитания без адекватной ее замены. Понятно, что эта система имела целый ряд существенных недостатков (чрезмерная политизация, авторитарность, показуха и т.д.). В то же время вспоминаются слова Н.И. Лобачевского – не только великого математика, но и ректора Казанского университета, т.е. воспитателя юношества: «Чему должно нам учиться, чтобы достигнуть своего назначения? ... Мое мнение: ничего не уничтожать и все совершенствовать». Как полезно было бы это вспомнить, когда в нашей педагогике – да и в других областях нашей жизни – такое заметное место на первых этапах реформирования занимали слова «сломать», «разрушить». И вторая причина наших трудностей с воспитанием, прямо следующая из первой, но имеющая и более широкую социальную обусловленность – стало неясным, что же воспитывать, каким мы хотим видеть россиянина в наших специфических условиях переходного периода и в ближайшей перспективе»¹³⁴.

Как следствие, утверждение, что образование должно быть вне идеологии (в отличие от сверхидеологизированного образования в СССР), т.е. российское образование должно быть деидеологизировано, оказалось неверным по сути и непродуктивным по результатам. Неверным по сути, потому что в основе соответствующих рассуждений было понимание идеологии как примата политики над всеми другими составляющими идеологии, в то время как идеология есть принятый обществом, социальной группой или профессиональным сообществом набор объединяющих идей.

Непродуктивным по результатам, потому что воспитано целое поколение, не обремененное сколько-нибудь общественно ценными идеями («бездейное»). Идеи-ценности и должны составлять практическое содержание воспитания, а на самом высоком уровне обобщения и в кратком выражении – российскую национальную идею (православие, патриотизм, народность)¹³⁵.

Но важно то, что свидетельством постепенного признания приоритета воспитания являются формулировки самых первых строк в двух версиях Закона «Об образовании» - 1992 и 1996 гг. Сравним их: версия 1992 г. «Под образованием в настоящем Законе понимается целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданина (обучающимся) определенных государством образовательных уровней (образовательных

¹³⁴ Никандров Н.Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – с. 16.

¹³⁵ Никандров Н.Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – с. 205-206

цензов)». Версия 1996 г. «Под образованием в настоящем Законе понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданина (обучающимся) определенных государством образовательных уровней (образовательных цензов)». Как видно, в варианте 1992 г. на первом месте – обучение, а в варианте 1996 г. на первом месте – воспитание. Можно вспомнить слова Ш. Амонашвили, академика РАО: «Это очень опасно дать образование невоспитанному человеку», «Можно быть образованным, но безнравственным».

Между тем, следует отметить, что в нашей республике благодаря приоритетной образовательной политике Президента и Правительства, удалось сохранить стабильное, стратегически важное и перспективное развитие образования и науки. Мы ставим перед собой оптимистически реальную цель: Республика Саха (Якутия) должна стать одним из самых высокообразованных субъектов в Российской Федерации. В связи с этим модернизируется система образования по следующим направлениям: развитие новых типов и видов образовательно-воспитательных учреждений; обеспечение всех школ республики педагогическими кадрами с высшим профессиональным образованием, каждая сельская малокомплектная школа становится центром духовного преобразования села. Создание новой системы высшего образования позволит поднять республику на более высокий уровень образованности и инновационного развития.

Главным направлением воспитания должна стать идеология здорового образа жизни, которая определяет духовное возрождение народа. Духовность связана и с верованием. Например, бытовавшее в прошлом одухотворение природы будет востребовано временем, но на каком-то ином уровне. Нам всем надо еще поучиться у своих предков диалогу с природой, жизни в гармонии с природой. Понятие живой природы – это основа нравственности народа и его идеологии.

Одно из важнейших качеств, которое мы должны привить молодежи, возродить в самих себе – это патриотизм. Это направление совместной работы могло бы стать основной идеей воспитания. Во-первых, мы должны воспитать в ребенке «почтение к минувшему», поскольку личность вырастает на «плечах предыдущих поколений». Формировать бережное отношение к родному языку - хранителю исторического опыта нашего народа. Во-вторых, очень важно растить будущего хозяина в широком значении этого понятия – хозяина своего слова, поступка своего, времени своего, хозяина своего дома и республики в целом.

Когда мы говорим о воспитании и социализации в общественном развитии, красной нитью проходит идея о народности воспитания и образования подрастающего поколения. Этим мы во многом обязаны великому русскому педагогу К.Д. Ушинскому, который деятельно выдвинул и теоретически раскрыл идею народности воспитания. Он был активным противником искусственного насаждения в России зарубежной системы образования и воспитания. И неслучайно, что его идея о народности воспитания нашла живой отклик и массовую поддержку в национальных окраинах России в лице передовой интеллигенции.

В нашей республике в годы активного национального возрождения интенсивное развитие получила национально-региональная система образования в условиях нового педагогического мышления на основе реализации идей Концепции обновления и развития национальной школы (1992 г.). В этом прогрессивном общенародном движении вносят достойный вклад многочисленные директивные документы президента и Правительства РС(Я) в области развития образования и науки, творческая деятельность педагогических коллективов школ, новых типов воспитательно-образовательных учреждений, системы президентских школ и гимназий, педагогический институт, факультеты и институты педагогического профиля СВФУ имени М.К. Аммосова, НИИ национальных школ РС(Я), ассоциация народной педагогики и Докторский диссертационный совет по педагогическим наукам при СВФУ и другие соответствующие организации. В данное время мы имеем определенную теоретическую и практическую базу, научно-педагогические кадры для дальнейшего развития национально-региональной системы образования Республики Саха (Якутия) на основе этнопедагогической теории и практики народа Саха, что, в свою очередь, составляет самобытный источник народного воспитания в развитии фундаментальной педагогической науки.

Система объединяющих идей, национальная идея работают на сохранение и укрепление единого образовательного пространства. Вместе с тем нет сомнений в том, что это единое пространство не должно никак мешать разнообразию, дифференциации, вариативности, регионализации образования. В России реально складывается разнообразие региональных ситуаций в образовании, стало фактом жизни вариативность в его содержании. Важно лишь, чтобы была не забыта реальная диалектика общего и особенного, федерального и регионального, централизации и децентрализации.

В различных субъектах Российской Федерации региональная политика в образовании своеобразна по решению, но она должна обеспечить

сохранность единства российского образовательного пространства и развитие научно-образовательных комплексов в регионах.

Регионализация образования предполагает:

- активизацию самосознания растущего человека как представителя общепланетарного сообщества людей и конкретного этноса или россиянина вообще и жителя определенного региона, в частности;
- возрождение образовательных учреждений с национально-региональным уклоном как социального института, отражающего и развивающего культурное богатство не только доминантного, но и других народов, живущих в регионе; воспитывающего межнациональное братство людей на основе мультикультурного образования.

Кстати, следует подчеркнуть, что развитие национально-региональной политики в области образования имеет свои глубокие корни. Еще в 1918 году на Всероссийском съезде учителей первый нарком просвещения А.В. Луначарский сделал фундаментальный доклад о развитии национальной школы (доступность школы, обучение на родном языке, подготовка национальных учительских кадров, издание учебников на родном языке для национальных школ, сельская школа с решительным сельскохозяйственным уклоном и др.). И первые наркомы Якутской АССР С.Ф. Гоголев (1922 г.) и С.Н. Донской-II (1923-1931 гг.) провели большие организационно-педагогические мероприятия в этом направлении. Следует заметить, что многие идеи и положения о развитии национальной школы, которые мы сейчас подаем как новое и возрождаем, были изложены в этом докладе.

Наша республика известна как самая северная в составе Российской Федерации. Ее отличительными особенностями являются сложные экономико-географические и природно-климатические условия. В суровых условиях Севера каждый народ создал свой неповторимый уклад жизни, язык, самобытную культуру и пронес все это через века. Этим они внесли свой достойный вклад в мировую цивилизацию, накопили богатый своеобразный жизненный опыт, без чего жизнь в тайге и тундре была бы невозможной и сама тайга, и тундра остались бы на тысячелетия безлюдной.

В частности, большой стимул в утверждении своеобразной философии и этнопедагогических основ якутской сельской школы дает нам книга А.М. Лобок «Алмазная земля педагогики олонхо», где он глубоко профессионально анализирует определенный инновационный педагогический опыт ряда групп сельских школ Якутии, раскрывая нам некоторые уникальные стороны «педагогики олонхо». Нам хотелось бы привести некоторые моменты его взглядов и впечатлений:

- важнейшая характеристика жизни якутского села – это выраженное чувство собственного достоинства. Каждый якутский наслег, как бы он ни был мал и где бы он ни находился территориально, переживает себя как мир, как сообщество безусловно значимых друг для друга людей, гордящихся своим происхождением и тем культурным микромиром, который они на протяжении многих сотен лет сообща строят... И этим якутская сельская глубинка радикально отличается от российской сельской глубинки;

- многовековая привычка жить с опорой на собственные силы в условиях природного экстремума делает якутское село неизмеримо более жизнеспособным, нежели среднее общероссийское село;

- совершенно другой подход к качеству образования – это подход с позиций того, насколько оно обеспечивает то или иное качество жизни, насколько оно помогает людям построить пространство своей повседневной полноценной жизни. Речь идет об иной парадигме образования: не функциональной, а социальной;

- якутская школа – это школа, для которой высший смысл деятельности – не ЕГЭ, не подготовка к вузу, а способность выпускника школы обустроить свой дом в самом широком смысле этого слова. Обустроить мир своей души, мир своей семьи, мир своего наслега и через это – мир своей страны;

- абсолютно не понятно, когда предлагают различного рода проекты «ре-структуризации» малокомплектных сельских школ, исходя из соображений экономической выгоды... Любой проект укрупнения якутских малокомплектных школ можно сравнить разве что с известными социалистическими проектами укрупнения семейного быта в домах-коммунах...¹³⁶

Далее, демократизация и гуманизация общества являются проблемой, касающей главным образом такой организации общественной жизни и создания таких внешних условий, в которых человек осознает себя неповторимой и автономной личностью, органично вплетенной в систему национальной и общечеловеческой культуры. Разумно гуманизировать общество – значит экстраполировать понимание гуманизма в его национально-историческом и общечеловеческом измерении на все виды и формы общественной деятельности, чтобы тем самым сформировать условия и возможности для возвышения чести и достоинства человека на более высокий уровень по сравнению с предыдущим. И именно по этой причине, когда появляется

¹³⁶ Лобок А.М. Алмазная земля педагогики Олонхо: опыт педагогического эпоса. – Якутск: компания «Дани-АлмаС», 2007. – с. 19-22.

необходимость гуманизировать общество, внимание прогрессивных обществ в первую очередь обращается на систему образования и воспитания.

Чтобы эффективно действовала новая образовательная парадигма в современном российском обществе, прежде всего, нужна соответствующая философско-педагогическая концепция о природной сущности человека. От того, как понимается сущность человека, зависит эффективность учебно-воспитательного процесса.

Мы исходим из того, что социальная философия рассматривает воспитание с точки зрения человеческой сущности, когда человек является самоцелью собственного развития. Человек анализируется как активный и деятельный социальный субъект. Отношение человека к самому себе – необходимая сторона его специфического отношения к миру. Познавая и преобразовывая условия своей жизнедеятельности, человек одновременно познает и осознает, изменяет и развивает, выражает и утверждает, анализирует и контролирует и себя самого. Например, такие термины: саморазвитие, самосознание, самовоспитание, самопознание, самокритика, самоанализ, самооценка, самоконтроль, самодисциплина и т.д. отражают различные моменты отношения личности к себе самой.

По этому поводу необходимо подчеркнуть, что системный процесс становления человека как личности осуществляется тремя взаимосвязанными, взаимообуславливающими и взаимодействующими факторами:

- а) объективным социально-историческим процессом жизни общества;
- б) воспитанием;

в) самовоспитанием. При этом каждый фактор должен выполнить лишь свою роль, свою функцию, не заменяя и не подменяя роль и функцию остальных.

Роль самовоспитания в процессе становления личности нельзя заменить или «восполнить» никакими другими факторами. Оно появляется закономерно по мере активного вхождения человека в общественные связи и практические действия. «Самовоспитание, - писал В.А. Сухомлинский, - это не что-то вспомогательное в воспитании, а крепкий фундамент. Никто не сможет воспитать человека, если он сам себя не воспитает»¹³⁷. Поэтому недооценка, или тем более непризнание роли самовоспитания равнозначно игнорированию человеческой личности или лишению социального смысла всего процесса становления человека как личности, ибо «всякая попытка воспитателя – учителя «внести» в ребенка сознание и нравственные нормы,

¹³⁷ Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива. - М.: Молодая гвардия, 1975. – с.28-29.

минуя собственную деятельность ребенка по овладению ими, подрывает ... самые основы здорового умственного и нравственного развития ребенка, воспитания его личностных свойств и качеств»¹³⁸.

Основной урок из педагогического опыта советского периода о том, что ученик представляет собой весьма пластичную, податливую для управляющих воздействий среду остается опасной иллюзией, будто только учитель-воспитатель может выработать у ученика необходимые ему социальные качества. Нынче парадигма образования такова, что следует учесть соотношение воспитательных усилий учителя и собственных внутренних тенденций саморазвития учащегося в качестве социального субъекта. Становится очевидным, что учащимся как сложноорганизованным системам нельзя навязывать пути их развития. Скорее всего, необходимо понять, как способствовать раскрытию их собственных тенденций развития, как вывести их на путь самоорганизации, самовоспитания, саморазвития.

Организация самовоспитания учащихся в школе практически реализуется только при установлении субъектно-субъектных отношений между учителем-воспитателем и его учащимися на основе сотрудничества, т.е. в духе идей гуманистической педагогики. Такой подход к учащимся требует коренного изменения старого взгляда на сущность, формы и методы учебно-воспитательного процесса в целом. Каждый ученик имеет достаточный потенциал для успешного саморазвития. Этот потенциал уникален, неповторим и всегда устремлен к лучшему и успеху. Учитель как наставник со многими интеллектуальными возможностями и жизненным опытом выводит своего воспитанника на радость познания, на его индивидуальную траекторию развития с учетом личностных качеств, интересов и способностей.

Таким образом, в первооснове учебно-воспитательного процесса в обновленной школе должен быть принцип безусловной ценности ученика. И поэтому педагогическое мастерство учителя-воспитателя заключается в том, чтобы настраиваться на внутренний мир ученика, понимать его уникальность, помогать ему развиваться. Для этого он «должен поставить ученика как можно раньше на путь осознания своего предназначения и призвания, на путь строительства своей личности в течение всей жизни: человек сам разворачивает, строит себя»¹³⁹.

Самовоспитание – это свободная деятельность ученика, являющаяся средством его самореализации, самовыражения, совершаемая не по

¹³⁸ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. 2-е издание. - М.: Педагогика, 1976. – с.191.

¹³⁹ Караковский В. Общечеловеческие ценности – основа учебно-воспитательного процесса // Воспитание школьников. 1993. № 2. – с.38.

принуждению, а по собственному выбору, по осознанному решению. «К свободе относится не только то, чем я живу, но также и то, как я живу, не только тот факт, что я осуществляю свободу, но и тот факт, что я делаю это свободно»¹⁴⁰. Свобода – это способ и мера самоопределения личности, ее самостоятельности; активно-творческая, целенаправленная и избирательная деятельность социального субъекта в соответствии со своими потребностями, интересами, способностями, желаниями и стремлениями.

С этих позиций, свобода в школе – это, прежде всего ненасильственная педагогика, которая предполагает:

1. Предоставление ученику свободу выбора источников духовного развития и саморазвития. Речь идет о добровольном творческом освоении программных знаний, умений и навыков (с выбором профильных предметов) на уровне федеральных госстандартов и духовных ценностей жизни, что исключает единое навязанное для всех изучение учебных дисциплин согласно учебному плану. Добровольность, основанная на демократизацию и гуманизацию воспитания и обучения, способствует интенсивному духовному росту учащихся. Творческое освоение невозможно без свободного и индивидуального выбора, что само по себе при оптимальном уровне организации учебно-воспитательного процесса не допускает таких негативных явлений, как вседозволенность, безответственность, формализм, самообман и т.п. Отсюда выбор типов и видов школ (гимназии, колледжи, лицеи, авторские, адаптивные и др.) учащимися, где им предоставляется широкий круг профильного обучения, дополнительных занятий по интересам. Речь идет о конкурентоспособности школ по предоставлению образовательных услуг соответственно желаниям и потребностям как родителей, так и учащихся.

2. Общая федеральная программа государственных образовательных стандартов (ФГОС нового поколения) по учебным дисциплинам сочетается с программой индивидуальной траектории развития ученика с учетом его собственных познавательных потребностей и интересов в рамках национально-регионального компонента (те или иные предметы республиканского и местного

¹⁴⁰ Маркс К. Дебюты шестого Рейнского Ландтага // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е издание. - Т. 1. - с.68.

школьного выбора), составленной совместно с учителями-предметниками.

3. Много свобод обретает и учитель. В частности, он сам определяет объем и вариативность изучения учебного материала в системе уроков согласно учебному плану по госстандарту. Этим объясняется отсутствие в программах и учебниках почасовой и поурочной разбивки учебного материала по предметам. Продолжительность работы над темой зависит от интереса учащихся к ней.

В целом, можно согласиться со следующим пониманием сущности воспитания: «...Воспитание есть педагогическое управление процессом развития личности. Следует уточнить: мы стремимся управлять не личностью, а процессом ее развития. Следовательно, в работе приоритет отдается приемам опосредованного педагогического воздействия. Отказ от лобовых методов, от лозунгов и призывов, излишнего дидактизма, назидательности выдвигают на первый план диалогические методы общения, совместный поиск истины, развитие через создание воспитывающих ситуаций, разнообразной творческой деятельности». Ученик развивается в процессе обучения, в ходе социализации, которая происходит под влиянием всего миропорядка, через общественные институты, экономику, политику, средства массовой коммуникации, через семью, среду молодежного общения и т.д. В этом безбрежном море влияний есть часть, происходящая целенаправленно, под педагогическим управлением. Это и есть воспитание, оно-то и призвано помочь личности не быть поглощенной этим морем, найти в нем свое лицо, свое отношение с миром, людьми и самим собой»¹⁴¹.

При таком понимании сущности воспитания, оно призвано помогать ученику устанавливать собственные отношения, контакты с обществом родного этноса, его историей, культурой, в которых он станет субъектом собственного развития, создает сам себя в условиях окружающего социума, т.е. речь идет о социализации личности учащегося. В этом отношении академик РАО Н.Д. Никандров утверждает положение о том, что «...социализация, окружающая действительность оказывают во многих отношениях более сильное формирующее воздействие, нежели образование. Иными словами, школа жизни сильнее собственно школы – понимаемой, конечно, широко, -

¹⁴¹ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. - Пермь, 1974. – с.4.

и, если их влияния разнонаправлены или просто не скоординированы, возникает целая система рисков для человека и общества¹⁴².

Таким образом, как уже приведено выше, учебно-воспитательный процесс в школе основывается на субъектно-субъектных отношениях учителя-воспитателя и учащегося, которые осуществляются посредством их диалогического общения. Диалогическая форма общения учителя-воспитателя с учащимся как метод гуманной педагогики существенно отличается от монолога как метода авторитарной педагогики. Диалог предполагает уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу; различие и оригинальность их точек зрения; ориентацию каждого на понимание и на активную интерпретацию его точки зрения партнером; ожидание ответа и его предвосхищение в собственном высказывании; взаимную дополнительность позиций участников общения, соотнесение которых и является целью диалога¹⁴³.

С этой точки зрения, учащийся как субъект общения в диалоге с учителем характеризуется следующим образом:

1. Равенство учащегося с учителем в его диалоговом взаимодействии. Здесь под равенством учащегося понимается его право требовать к себе уважительного отношения со стороны учителя, право высказывать замечания и несогласие с учителем без страха осуждения и наказания.
2. Диалог немыслим без реализации права учащегося высказать любую точку зрения по обсуждаемой проблеме, какой бы вздорной учителю она ни показалась.
3. Диалог изначально допускает различные позиции в общении.

Безусловно то, что диалогическая форма общения имеет ряд преимуществ перед монологичной речью учителя. Эта форма общения, являясь важным средством формирования диалектического мышления, позволяет учащемуся быть не просто потребителем знаний, но и активным соучастником их добывания.

Неоспоримым достоинством диалога является и то, что он побуждает учащихся отстаивать свою точку зрения на обсуждаемую проблему,

¹⁴² Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. - М.: Изд-во Акад. Пед. Наук РСФСР. - 1961. - с.197-198.

¹⁴³ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. 2-е издание. - М.: Педагогика, 1976. - с.152.

приучает их к уважительному, терпимому отношению к позиции других участников диалога.

Далее, диалог задевает и эмоциональную сферу учащегося. Он переживает, негодует, когда его убеждают в неправоте, в ошибочности его позиции в споре, и, наоборот, радуется, когда прав. Поэтому эмоциональное отношение к содержанию диалога и к его участникам является важным условием выработки оценочных суждений и эмоционального воспитания учащихся.

В целом можно утверждать, что диалогическая форма воспитывающего обучения как процесс субъектно-субъектного взаимодействия выступает как важное средство развития личности учащегося и качественного обновления учебно-воспитательного процесса в школах.

По этому поводу, считаем необходимым привести весьма ценные и актуальные в условиях гуманизации образования и воспитания мысли знаменитого педагога-гуманиста П.П. Блонского. Так, еще до 1917 года, он справедливо утверждал, что «будущая школа должна быть ярко гуманитарной школой, школой человечности в полном смысле этого слова... Ее основа – деятельность самого ребенка, постепенное саморазвитие его при помощи дающего материал для этого саморазвития учителя»¹⁴⁴, «...учитель – лишь сотрудник, помощник и руководитель ребенка в собственной работе ребенка»¹⁴⁵. Он выдвигал идею нравственно-автономной личности – носителя творческих качеств, инициативы и самостоятельности человека, способного к самоопределению. Но такую личность может воспитать только новая школа. А новая школа – это и новый учитель. И последнюю главу своей работы «Задачи и методы новой народной школы» П.П. Блонский называет весьма примечательно: «Учитель, стань человеком!». Заключительные строки этой главы звучат так, как будто они были написаны сегодня: «В школе должно быть, возможно, больше простора для личного творчества учителя: точно регламентированная программа, учебник и вопросно-ответная форма обучения обезличивают учителя. Превратим же уроки в совместную жизнь учителя с детьми, пусть урок будет или совместной работой над новой задачей, или задушевной общей беседой ...»¹⁴⁶. И еще одна очень важная мысль П.П. Блонского: «Для нас должно быть аксиомой, что

¹⁴⁴ Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. - М.: Изд-во Акад. Пед. Наук РСФСР. - 1961. - с.42

¹⁴⁵ Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. - М.: Изд-во Акад. Пед. Наук РСФСР. - 1961. - с.104

¹⁴⁶ Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. - М.: Изд-во Акад. Пед. Наук РСФСР. - 1961. - с.144

воспитание должно быть не обработкой, не отшлифованием, но внутренним стимулированием развития ребенка. Всякое иное воспитание будет только уродованием ребенка и организованным насилием над ним»¹⁴⁷.

В настоящее время широко известны исследования Г.Н. Волкова об этнопедагогике как науке о национальном образовании, воспитании национального человека, формировании этнокультурной личности; В.В. Кумарина о научной, природосообразной педагогике классиков зарубежной и отечественной педагогики и реформе школы; А.М. Цирульниковой об этнорегиональной проблематике сельской школы, педагогике кочевья, проблеме педагогических инноваций и др.

В частности, академик РАО Г.Н. Волков утверждает положение о том, что «Этнопедагогика исключает воспитание людей без рода, без племени. Она может функционировать, естественно, только в условиях конструктивных межэтнических диалогов, учитывающих также своеобразие межконфессиональных и даже, может быть, межпрофессиональных диалогов, исключая при этом всякого рода духовно-нравственные, интеллектуальные и другие возможные конфликты»¹⁴⁸.

Доктор педагогических наук, профессор В.В. Кумарин в своей книге «Педагогика природосообразности и реформа школы» пишет следующее: «За все годы существования СССР его школа никогда не занималась выявлением, раскрытием, возвращением и реализацией врожденных способностей детей. ...Спасение школы, всего народного образования, радикальное решение проблемы подготовки конкурентоспособных кадров для промышленности и сельского хозяйства – целиком в руках научной, природосообразной педагогики Я.А. Коменского, Джона Локка, И. Песталоцци, А. Дистервега, К.Д. Ушинского и А.С. Макаренко»¹⁴⁹.

Член-корреспондент РАО А.М. Цирульников, рассматривая проблемы развития образования в свете этнорегиональных и социокультурных реалий национальных регионов, приходит к следующему выводу: «унификация школ стала массовым явлением, которое имеет как прямые, так и обратные связи с унификацией социально-политической, хозяйственно-экономической и культурной жизни страны. Вместе с тем, она находится в острейшем противоречии с реальностью, многообразием как индивидуальной, субъектной

¹⁴⁷ Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. – М.: Изд-во Акад. Пед. Наук РСФСР. – 1961. – с.299

¹⁴⁸ Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. – М.: Изд-во Акад. Пед. Наук РСФСР. – 1961. – с.638

¹⁴⁹ Кумарин В.В. Педагогика природосообразности и реформа школы. – М.: Народное образование, 2004. – с.4

жизни людей, их культурных и образовательных запросов и интересов, так и объективным наличием разнообразных (природных, географических, территориальных, демографических, культурных, национальных и других) факторов и условий, определяющих специфику содержания и организации образования»¹⁵⁰.

С этих позиций современных научно-педагогических взглядов на воспитание и образование, Министерство образования и науки Республики Саха (Якутия) всегда находилось в активном инновационном движении. В частности, в настоящее время разработана воспитательная программа «Эркээйи-2», которая является кардинально обновленным вариантом ранней воспитательной программы «Эркээйи» в духе современных жизненных реалий. Она является результатом работы творческой группы авторов под руководством экс-министра, ныне депутата Государственного собрания (ИЛ ТҮМЭН) Республики Саха (Якутия) доктором педагогических наук Ф.В. Габышевой. Принципиально новым отличием воспитательной программы «Эркээйи-2» становится то, что понятие «Воспитание» заменено словом «Самовоспитание». Иными словами, меняется методологический концептуальный подход к учебно-воспитательному процессу. Цель воспитательной программы «Эркээйи-2» - целенаправленное комплексное взаимодействие дошкольных учреждений, общеобразовательных организаций, центров дополнительного образования, среднего и высшего профессионального образования, семьи, детских общественных организаций, общественность социума по организации жизни и деятельности воспитанников, создании всех необходимых условий, где каждый ребенок находит индивидуальную траекторию самовоспитания и саморазвития в соответствии со своими желаниями, интересами, возможностями, склонностями, способностями, талантами. Учитель-воспитатель, учитель специальной дисциплины меняются сами, овладевая функциональными обязанностями тьюторского сопровождения (организатор совместного поиска по пути познания, наставник, помощник, консультант, советник в жизненных планах и т.д.).

В дальнейшем развитии национально-региональной системы образования Республики Саха (Якутия) реализуется общая методологическая концептуальная модель формирования этнического самосознания подрастающего поколения на основе этнокультурного и этнопедагогического воспитания и образования с выходом в поликультурное пространство

¹⁵⁰ Цирульников А.М. Система образования в этнорегиональном и социокультурном измерениях. – СПб.: Агентство образовательного сотрудничества, 2007. – с.32-33.

общероссийской гражданской идентичности. Данная модель представляет собой следующее структурное содержание: обучающиеся, представители этноса; этнопедагогизация учебно-воспитательного процесса; этническое самосознание воспитанников, как носителей языка и культуры родного народа; интеграция, взаимодействие, диалог культур как фактор формирования личности межкультурной коммуникации; выход воспитанников, как представителей этноса, того или иного народа в поликультурное пространство общероссийской гражданской идентичности, т.е. воспитание личности гражданина России. Основная цель реализуемой Концепции - создание благоприятных условий для воспитания саморазвивающейся гармоничной личности, осознающей себя гражданином Российской Федерации, носителем уникальной культуры своего народа на основе использования этнокультурных образовательных технологий в процессе целостной образовательно-воспитательной деятельности.

На основе данного основополагающего теоретико-методологического положения в рамках лаборатории этнокультурного образования Педагогического института СВФУ имени М.К. Аммосова разработаны концептуальные основы использования этнокультурных технологий в учебно-воспитательной работе (авторы У.А. Винокурова, А.Д. Слепцова), которые корнями уходят в народную педагогику, и тем самым имеют большое воспитательное значение. В Педагогическом институте за многие годы сложилась и активно действует по настоящее время собственная этнопедагогическая научная школа на основе первых фундаментальных трудов Г.Н. Волкова «Этнопедагогика» чувашского народа», В.Ф. Афанасьева «Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока» (1979), Д.А. Данилова «Народная педагогика и современная национальная школа» (1993), И.С. Портнягина «Этнопедагогика «кут-сюр» (1999), Н.Д. Неустроева «Этнопедагогика народов Севера» (1999), М.И.Баишевой, А.А.Григорьевой «Этнопедагогические воззрения народа саха: на материале Олонхо» (2008), А.Д. Семеновой «Этнопедагогизация целостного процесса воспитывающего обучения (на материале школ РС (Я))» (2003) и других, открывших в региональной науке новые направления, в русле которых сегодня трудятся многие ученые-педагоги, молодые исследователи, магистранты и студенты.

Большую научно-практическую ценность имеют в этом отношении деятельность «Музея народной педагогики» имени К.С. Чиряева и «Ассоциации народной педагогики Якутии» с ее улусными первичными организациями. Благодаря этому, в настоящее время мы имеем по республике огромный потенциал этнопедагогической теории и практики, как методологической

основы этнопедагогизации учебно-воспитательного процесса в национальных образовательно-воспитательных учреждениях.

В качестве конкретного примера, в педагогическом институте подготовка учителей начальных классов ведется на основе формирования этнокультурных и этнопедагогических компетенций. Так, в рабочих учебных планах подготовки бакалавров, кроме якутского языка и методики его преподавания, включены сегодня такие дисциплины, как «Этнопедагогика», «Музыкальная культура народов Якутии», «Национальные детские игры», «Традиционная культура народов Севера», «Сопоставительный анализ в языковом образовании», «Этнопедагогические и этнопсихологические особенности воспитания детей в якутской культуре», «Обеспечение учителем-тьютором социализации ребенка в традиционной культуре народа Саха», «Технология педагогики Олонхо: СЭДИП» и др. Особое место данные дисциплины занимают в виде модуля в подготовке будущих учителей, обучающихся по совмещенной образовательной программе бакалавриата «Начальное образование и тьюторство в основной малокомплектной и кочевой школе Севера». В образовательной программе подготовки магистров «Педагогическое сопровождение детства в условиях Севера» также включены такие предметы, как «Этнопедагогика и этнопсихология народов Севера и Арктики», «Этнокультурные традиции воспитания детей у народов Севера» и другие. Включены в содержание подготовки учителя и дисциплины, направленные на формирование готовности к работе с детьми в полиэтнической среде. В целом, в процессе профессиональной подготовки учителя в системе начального общего образования уделяется большое внимание развитию компетенций по этнопедагогизации образовательно-воспитательного процесса.

В современной ситуации исторически значимых изменений общества четко проявляются реальные изменения современного ребенка, которые в свою очередь обуславливают актуализацию психолого-педагогических проблем развития образования. Об этом академик РАО Д.И. Фельдштейн приводит следующие фрагментарные данные:

- в минимально короткий пятилетний период резко снизилось когнитивное развитие детей дошкольного возраста. Если в 2006-2007 годах линейное визуальное мышление у дошкольников было развито как «среднее», то в 2009 г. – уже как «крайне слабое». Развитие дивергентного мышления (креативности) снизилось с «хорошего» до «слабого»;

- снизилась энергичность детей, их желание активно действовать;
- отмечается сужение уровня развития сюжетно-ролевой игры дошкольников, т.е. недоразвитие мотивационно-потребностной сферы ребенка;

- фиксируется сниженный уровень детской любознательности и воображения. Детям оказывается недоступным то, с чем легко справлялись их ровесники два десятилетия назад;
- неразвитость тонкой моторики рук старших дошкольников, дефицит произвольности как в умственной, так и в двигательной сфере является одним из тревожных факторов;
- отмечается недостаточная социальная компетентность 25% детей младшего школьного возраста, их беспомощность в отношениях со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты;
- у каждого десятого ребенка-дошкольника все свободное время проходит у телевизора. Дети теряют способность и желание чем-нибудь занять себя. Им уже не интересно общаться друг с другом;
- идет возрастание нервно-психических заболеваний, которые являются причиной 70% инвалидности; у 20% детей наблюдаются минимальные мозговые дисфункции;
- отмечаются серьезные изменения ценностных ориентаций детей, подростков, юношества, где чуткость, терпимость, сопереживание занимают последние места в иерархии ценностей и другие¹⁵¹.

В основе всех этих требующих научной проработки задач и проблем лежит необходимость четкого понимания особенностей современного детства, его дифференцированной характеристики, специфики функционирования в современной исторической ситуации.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к следующим основным выводам:

На рубеже 1980-х – 1990-х годов была практически и сознательно разрушена система советского воспитания без адекватной ее замены. Как следствие, утверждение, что Российское образование должно быть деидеологизировано, оказалось неверным по сути и непродуктивным по результатам.

В Республике Саха (Якутия) благодаря приоритетной образовательной политике Президента и Правительства, удалось сохранить стабильное, стратегически важное и перспективное развитие образования и науки. На основе «Закона об образовании» 1996 г. был утвержден приоритет воспитания.

¹⁵¹ Научные основы развития образования в XXI веке. Сост., ред. А.С. Запесоцкий., О.Е. Лебедев. – СПб.: СПбГУП, 2011. – с.644-651.

Главным направлением воспитания должна стать идеология здорового образа жизни, которая определяет духовное возрождение народа. Духовность связана и с верованием. В частности, бытовавшее в прошлом одухотворение природы будет востребовано временем, как нравственное начало. Одно из важнейших качеств, которое мы должны привить молодежи, возродить в самих себе – это патриотизм. Когда мы говорим о воспитании и социализации в общественном развитии, красной нитью проходит идея о народности воспитания и образования подрастающего поколения.

В России реально складывается разнообразие региональных ситуаций в образовании, стало фактом жизни вариативность в его содержании, речь идет о реальной диалектике общего и особенного, федерального и регионального, централизации и децентрализации.

В суровых условиях Севера каждый народ нашей республики создал свой неповторимый уклад жизни, язык, самобытную культуру и внесли этим самым достойный вклад в мировую цивилизацию. Накопили богатый своеобразный жизненный опыт, без чего жизнь в тайге и тундре была бы невозможной.

Демократизация и гуманизация общества являются проблемой, касающейся главным образом такой организации общественной жизни и создания таких внешних условий, в которых человек осознает себя неповторимой личностью, органично вплетенной в систему национальной и общечеловеческой культуры.

Чтобы эффективно действовала новая образовательная парадигма в современном российском обществе, прежде всего, нужна соответствующая философско-педагогическая концепция о природной сущности человека. При этом отношение человека к самому себе – необходимая сторона его отношения к миру. Познавая и преобразовывая условия своей жизнедеятельности, человек одновременно познает и осознает, изменяет и развивает, выражает и утверждает, анализирует и контролирует и себя самого.

Роль самовоспитания в процессе становления личности нельзя заменить никакими другими факторами. Оно появляется закономерно по мере активного вхождения человека в общественные связи и практические действия. Организация самовоспитания учащихся в школе практически реализуется только при установлении уважительных отношений между учителем-воспитателем и его учащимися на основе сотрудничества, т.е. в духе идей гуманистической педагогики. Такой подход к учащимся требует коренного изменения старого взгляда на сущность, формы и методы учебно-воспитательного процесса в целом. Учитель должен использовать только

ненасильственное управление и гуманистические методы воспитания. Гуманизация воспитания означает создание социально-благоприятных, человеческих, демократических, стимулирующих условий для свободного, самостоятельного развития личности учащегося, и, прежде всего, интеллектуально-нравственного, эстетического в соответствии с его способностями и интересами.

Общая федеральная программа государственных образовательных стандартов (ФГОС нового поколения) по учебным дисциплинам сочетается с программой индивидуальной траектории развития учащегося с учетом его собственных познавательных потребностей и интересов в рамках национально-регионального компонента (те или иные предметы республиканского и местного школьного выбора), составленной совместно с учителями-предметниками.

Учащийся развивается в процессе воспитания, образования и социализации, которые происходят под влиянием всего миропорядка при педагогическом управлении через общественные институты, экономику, политику, средства массовой коммуникации, через семью, среду молодежного общения и т.д. Это и есть воспитание, оно-то и призвано помочь личности не быть поглощенной морем разнообразных жизненных ситуаций, найти в нем свое лицо, свое отношение с миром, людьми и самим собой.

Принципиально новым отличием обновленной воспитательной программы «Эркээйи-2» Республики Саха (Якутия) становится то, что понятие «Воспитание» заменено словом «Самовоспитание», т.е. кардинально меняется методологический концептуальный подход к учебно-воспитательному процессу с позиции обеспечения свободного творческого саморазвития учащегося.

В современной ситуации исторически значимых изменений общества четко и быстро проявляются реальные изменения личности ребенка, как субъекта воспитания, которые в свою очередь обуславливают актуализацию психолого-педагогических проблем развития системы образования, нового качества учителя-воспитателя.

Заключение

Монография «Общество, познание и современность: научные исследования» разработана на основе результатов научных исследований авторов.

Результаты выполненных исследований показали актуальность и своевременность для общества рассматриваемых вопросов в области информатизации, глобализации, новых тенденций образования, воспитания и социального развития.

В работе значительное внимание уделено вопросам, связанным с понятиями современности, постсовременности, глобальных проблем современности, виртуализации общества, воспитания подрастающего поколения в аспекте истории и современности.

В целом, работа отражает научные взгляды на современное развитие общества. Она представляет интерес как для специалистов в области проведения научных исследований, так и специалистов-практиков.

Библиографический список

1. Акалелова, Т.А. Социальное пространство современного города [Текст] / Т.А. Акалелова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 9. – с.23-25.
2. Аквинский, Ф. О правлении государей [Текст] / Фома Аквинский // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. / под ред. В.И. Рутенбурга, И.П. Медведева. – Ленинград: Наука, 1990. – 248 с.
3. Аристотель. Сочинения [Текст] : В 4-х т. Т. 4 / Аристотель; пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
4. Ачкасов, В. А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» [Текст] / В.А. Ачкасов // Политэкс. – 2005. – № 3.
5. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1995. 956 с.
8. Бернхэм Дж. Революция директоров. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1954. 161 с.
9. Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. – М.: Изд-во Акад. Пед. Наук РСФСР. – 1961. – 695 с.
10. Бляхман, Б.Я. Проблема реализации идеи гражданского общества в Восточной Европе в конце XX века [Текст] / Б. Я. Бляхман // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2008. – №4. – с. 147-152.
11. Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А. Практика глобализации. Игры и правила новой эпохи. – М.: Инфра-М, 2000. – 344 с.
12. Бурдье, П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение [Текст] / П. Бурдье; перевод с французского: Н. А. Шматко // Социология социального пространства. Сборник статей. – М., 2005. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3053>.
13. Буряк, В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции [Текст] / В. В. Буряк. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 150 с.
14. Бутенко Е.В. Эволюция теорий информационного общества. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Томск, 2004. 145 с.

15. Вандышев, М.Н. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан [Текст] / М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова, Е.В. Прямикова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 3. – с. 101–111.
16. Ву, М. Сообщество или социальная сеть? [Электронный ресурс] / М. Ву. – Электрон. дан. – Режим доступа: URL: <https://habrahabr.ru/company/darudar/blog/137825/>, свободный (дата обращения: 07.05.2018). – Загл. с экрана.
17. Гегель, Г.В.Ф. Философия права [Текст] / Г.В.Ф. Гегель; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
18. Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники [Текст] / Э. Геллнер; пер. М.Б. Гнедовского. – М.: Московская школа политических исследований, 2004. – 240 с.
19. Глобализация: контуры XXI века. Рефер. сб. Ч. 1. М.: РАН ИНИОН, 2002. 264 с.
20. Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – 1328 с.
21. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного или гражданского [Текст] / Томас Гоббс. – М., 2001. – 480 с.
22. Гончаров И. Школа, отживающая и восходящая // Народное образование. 1993. № 6. С.36-40.
23. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
24. Гроций, Г. О праве войны и мира [Текст] / Гуго Гроций; под общ. ред. С.Б. Крылова. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
25. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Транзиткнига, 2004. 602 с.
26. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения [Текст] / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с. франц. Я.И. Свирского. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.
27. Дрегалю, А.А. Социокультурная динамика социального пространства Севера [Текст] / А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновский. – Архангельск: Издательский дом им. В.Н. Булатова, 2017. – 253 с.
28. Дрегалю, А.А. Образ Севера: продуктивность визуальных моделей и реальность [Текст] / А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновский // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – №2. – с. 44-50.

29. Дягилева, Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности [Текст] / Н. С. Дягилева // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. – Екатеринбург: УрФУ, 2013.
30. Евтушенко, А.А. Эволюция гражданского общества в Японии [Текст] / А. А. Евтушенко // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – с. 95-103.
31. Жаде З.А. Политика конструирования идентичности // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2014. № 5. С. 178-182.
32. Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальные аспекты. – М.: Международные отношения, 1981. – 238 с.
33. Зиммель, Г. Социология пространства [Текст] // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. – М.: Юрист, 1996. Т.2. – 607 с.
34. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0 [Текст] / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 224 с. – с. 96.
35. Ингледарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 245-260.
36. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-44
37. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017-2018 гг. [Электронный ресурс] // ФОМ: [офиц. сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13999/>, свободный (дата обращения: 04.06.2018). – Загл. с экрана.
38. Ишмаев Г.Ш. Концепции «информационного общества» и «общества знаний»: опыт сравнительного анализа. Дис. ... канд. филос.: 09.00.11. Челябинск, 2010. 155 с.
39. Кампанелла, Т. Город Солнца [Текст] / Томмазо Кампанелла; пер. с итал. Ф.А. Петровского. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 226 с.
40. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. К вечному миру. Алматы: Адилет, 1999. 156 с.
41. Кант, И. Основы метафизики нравственности [Текст] / Иммануил Кант // Сочинения в шести томах. – М.: «Мысль», 1965. – Т. 4. Ч. I. – 544 с.
42. Капица С.П. Сколько людей жило, живёт и будет жить на земле.. М.: Наука, 1999. 136 с.
43. Караковский В. Общечеловеческие ценности – основа учебно-воспитательного процесса // Воспитание школьников. 1993. № 2. С. 3-12.

- 44.
45. Кардозо, Ф.Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации [Текст] / Ф.Э. Кардозо, Э. Фалетто. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002 г. – 130 с.
46. Карпов В.Э., Карпова И.П., Кулинич А.А. Социальные сообщества роботов. М.: ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
47. Кастельс М. Галактика Интернет [Текст] / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с.
48. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
49. К обществам знаний. Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж: ЮНЕСКО, 2005. – 231 с.
50. Кожемякина К. Н. Сетевое гражданское общество как фактор консолидации в условиях чрезвычайной ситуации [Текст] / К.Н. Кожемякина // Бизнес. Общество. Власть. – 2011. – № 8. – с. 114-117.
51. Колесникова, Н.А. Гражданское общество в современной России [Текст] / Н.А. Колесникова, Е.Л. Рябова. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 266 с.
52. Корсунцев И.Г. Философия виртуальной реальности // Виртуальная реальность: Философские и психологические аспекты. М., Ин-т человека РАН, 1997. С. 138-158.
53. Коэн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Дж. Л. Коэн, Э. Арато; общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Весь Мир, 2003. – 784 с.
54. Крылов, М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России [Текст] / М. П. Крылов // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13-23.
55. Кумарин В.В. Педагогика природосообразности и реформа школы. – М.: Народное образование, 2004. – 624 с.
56. Лапина-Кратасюк Е.Г. «Интерактивный город»: сетевое общество и публичные пространства мегаполиса [Текст] / Е.Г. Лапина-Кратасюк // Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с.: ил. – с. 300-315.
57. Лебедева, Е.В. Город как социальное пространство: проблемы появления коммуникативных разрывов [Текст] / Е.В. Лебедева // Социология. – 2015. – №3. – с. 114-121.

58. Ледяев В. Г. Государство VS гражданское общество: скрытые практики власти и сопротивления [Текст] / В.Г. Ледяев // В поисках гражданского общества. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2008. – 400 с.
59. Лексин, В.Н. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и новой методологии ее изучения [Текст] / В.Н. Лексин, Е.Н. Андреева. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – 160 с.
60. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. – М.: Политическая литература, 1969. – С. 299-426.
61. Лефевр А. Производство пространства [Текст] / А. Лефевр. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
62. Леушкин, Р.В. Виртуальное социальное пространство: понятийная база исследования [Текст] / Р.В.Леушкин // Философская мысль. – 2017. - № 7. - С.54-63.
63. Линч, К. Образ города [Текст] / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
64. Лобок А.М. Алмазная земля педагогики Олонхо: опыт педагогического эпоса. – Якутск: компания «Дани-АлмаС», 2007. -176 с.
65. Локк, Дж. Два трактата о правлении [Текст] / Джон Локк; пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. – М.: Социум, 2014. – 484 с.
66. Луман Н. Решения в «информационном обществе» [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/594232/> (дата обращения: 10.01.2019).
67. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Т. 2. – М.: Республика, 1992. – 400 с.
68. Макиавелли, Н. Государь [Текст] / Никколо Макиавелли; пер. с итал. Г.Д. Муравьевой. – М.: АСТ, 2017. – 416 с.
69. МакКоннелл, Б. Эпидемия контента: маркетинг в социальных сетях и блогосфере [Текст] / Бен МакКоннелл, Джеки Хуба; пер. с англ. А.В. Болдышевой. – М.; СПб.: Вершина, 2008. – 185 с.
70. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры [Текст] / М. Маклюэн; пер. с англ. А. Юдина. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
71. Маркс К. Дебюты шестого Рейнского Ландтага // Маркс К., Энгельс Ф. - Соч., 2-е издание. - Т. 1. - С. 30-84.

72. Медведев, А.П. Был ли греческий полис государством? [Текст] / А.П. Медведев // Античный мир и археология. – Вып. 12. – Саратов, 2006. – с. 17-32.
73. Монтескье, Ш.-Л. О духе законов [Текст] / Шарль-Луи Монтескье; пер. А.В. Матешук. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
74. Мор, Т. Утопия [Текст] / Томас Мор. – М.: ЭКСМО, 2018. – 160 с.
75. Морозова, Е. В., Локальная идентичность: формы актуализации и типы [Текст] / Е.В. Морозова, Е.В. Улько // ПОЛИТЭКС. – 2008. – № 4. – С. 139–151.
76. Научные основы развития образования в XXI веке. Сост., ред. А.С. Запесоцкий., О.Е. Лебедев. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 672 с.
77. Никандров Н.Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. – М.: Гелиос АРВ, 2000. – 229 с.
78. Опенков М.Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний: Курс лекций для студентов философских факультетов [Текст] / М.Ю. Опенков. – М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 128 с.
79. Орлов В.В. Материя, развитие, человек. – Пермь, 1974. – 397 с.
80. Парсонс, Т. О структуре социального действия [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
81. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
82. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
83. Пользование Интернетом [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [офиц. сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/, свободный (дата обращения: 04.06.2018). – Загл. с экрана.
84. Пользование интернетом [Электронный ресурс] // Левада-центр: аналитический центр Юрия Левады: [офиц. сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/01/18/polzovanie-internetom/>, свободный (дата обращения: 04.06.2018). – Загл. с экрана.
85. Пономарев М.В. История стран Европы и Америки в Новейшее время. М.: Проспект, 2008. 408 с.
86. Пономарев М.В. «Человек играющий» в социокультурном пространстве «общества спектакля» // Clio-Science: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сборник научных трудов / Отв. ред. С.Ю. Рафалюк. М.: МПГУ, 2014. С. 8-17.

87. Потоцкая Т.И. Изучение транснациональной деятельности компаний как элемент отраслевого анализа (на примере алмазно-бриллиантового комплекса) // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 6. – С. 39-47.
88. Пятый оценочный доклад (2013) Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) «Воздействия, адаптация, уязвимость». 25 с. http://meteorf.ru/upload/pdf_download/2-Semenov-Sergey.pdf
89. Ришар Ж.-Ф. На переломе. Двадцать глобальных проблем двадцать лет на их решение. – М.: Ладомир, 2006. – 240 с.
90. Ролз Дж. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010. – 536 с.
91. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. 2-е издание. – М.: Педагогика, 1976. – 416 с.
92. Румянцев А.Г. Современное государство и вызовы постиндустриального общества. – 2001. – 67 с. – <http://www.law.net.ru>
93. Семенов А.В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса [Текст] / А.В. Семенов // Социум и власть. – 2009. – №4. – С. 9-13.
94. Скуратов, А.Б. Локальное интернет-сообщество: ризоморфность и сетевая концепция структуры [Текст] / А.Б. Скуратов // Вопросы управления. – 2008. – № 2(3).
95. Сойа Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? [Текст] / Э. Сойа // Логос. – 2008. – №3 (66). – с. 130-140.
96. Сол Дж.Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. – М.: АСТ, 2007. – 896 с.
97. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
98. Социальное пространство современного города [Текст] / под ред. Г. Б. Кораблевой, А. В. Меренкова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 252 с.
99. Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярск) [Текст] / Копцева Н.П., Сертакова Е.А. – Красноярск: СФУ, 2015. – 128 с.
100. Суханов, В. М. Региональная идентичность в контексте глобализации: теоретический анализ [Текст] / В. М. Суханов // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 1. – с. 104-110.

101. Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива. - М.: Молодая гвардия, 1975. - 239 с.
102. Теннис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии [Текст] / Ф. Теннис. – СПб: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2002. – 456 с.
103. Токвиль, А. Демократия в Америке [Текст] / А. Токвиль; пер. В. Олейник и др. – М.: Весь Мир, 2001. – 560 с.
104. Тоффлер О. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 448-491.
105. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999. С. 695.
106. Трубицын О.К. Формирование теории сетевого общества // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2011 № 2. С. 45-52.
107. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С.35-45.
108. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
109. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3-27.
110. Федотова, Н.Г. Городская идентичность как конкурентное преимущество территории [Текст] / Н.Г. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – с. 372-377.
111. Филиппов, А.Ф. Социология пространства [Текст] / А.Ф. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008 г. – 290 с.
112. Фливберг, Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества [Текст] / Б. Фливберг // Социологические исследования. – 2000. – № 2. – с. 127-136.
113. Фролов, Э.Д. Рождение греческого полиса [Текст] / Э.Д. Фролов. – СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004. – 266 с.
114. Фуко, М. Власть и знание [Текст] / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избр. полит. статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М.: Практикс, 2002. – 384 с.
115. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 2015. – 416 с.

116. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия. Сводный реферат [Текст] / Ю. Хабермас // Современная западная теоретическая социология. – М., 1992. – Вып. 1. С. 57-101.
117. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества [Текст] / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2016. – 344 с.
118. Хабермас Ю. Философский дискурс о современности. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
119. Цирульников А.М. Система образования в этнорегиональном и социокультурном измерениях. – СПб.: Агенство образовательного сотрудничества, 2007. – 288 с.
120. Цицерон, М. Т. О государстве. О законах [Текст] / Марк Туллий Цицерон / Пер. с лат. В.О. Горенштейна. – М.: Академический проект, 2016. – 248 с.
121. Чаликова В.А. Утопия и свобода. Эссе разных лет. – М.: Весть, 1994. – 183 с.
122. Шарков, Ф.И. Интерактивные электронные коммуникации (возникновение «Четвертой волны») [Текст] / Ф.И. Шарков. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2010. – 260 с. – с. 130.
123. Шваб К. Четвертая промышленная революция «Эксмо», 2016. 138 с.
124. Штайн О.А. Маска как форма идентичности. Введение в философию образа. СПб.: РХГА, 2012. 160 с.
125. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
126. Hansen, M.H. Was the Polis a State or a Stateless Society? [Text] / M.H. Hansen // Even More Studies in the Ancient Greek Polis Centre 6 [Historia: Einzelschriften. N. 162]. – Stuttgart, 2002. – S. 17-47.
127. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992. 224 p.
128. Sassen, S. The global city: London, New York, Tokyo [Text] / S. Sassen. – Princeton: Princeton univ. press, 2001. – 447 p.

Сведения об авторах

Мапельман Валентина Михайловна

доктор философских наук, профессор
Московского городского педагогического
университета

Неустроев Ариан Николаевич

кандидат педагогических наук, начальник
отдела ФГАОУ ВО "Северо-Восточный
федеральный университет
им. М.К.Аммосова"

Неустроев Николай Дмитриевич

доктор педагогических наук, профессор;
профессор кафедры начального образо-
вания ФГАОУ ВО "Северо-Восточный фе-
деральный университет
им. М.К.Аммосова"

Пономарев Михаил Викторович

кандидат исторических наук, профессор
кафедры новой и новейшей истории МПГУ

Саввин Афанасий Семенович

кандидат педагогических наук, доцент ка-
федры высшей математики ФГАОУ ВО
"Северо-Восточный федеральный универ-
ситет им. М.К.Аммосова"

Шубина Полина Владимировна

к.ф.н., доцент кафедры философии и со-
циологии САФУ им. М.В.Ломоносова

Шубина Татьяна Федоровна

к.ф.н., доцент кафедры философии и со-
циологии САФУ им. М.В.Ломоносова

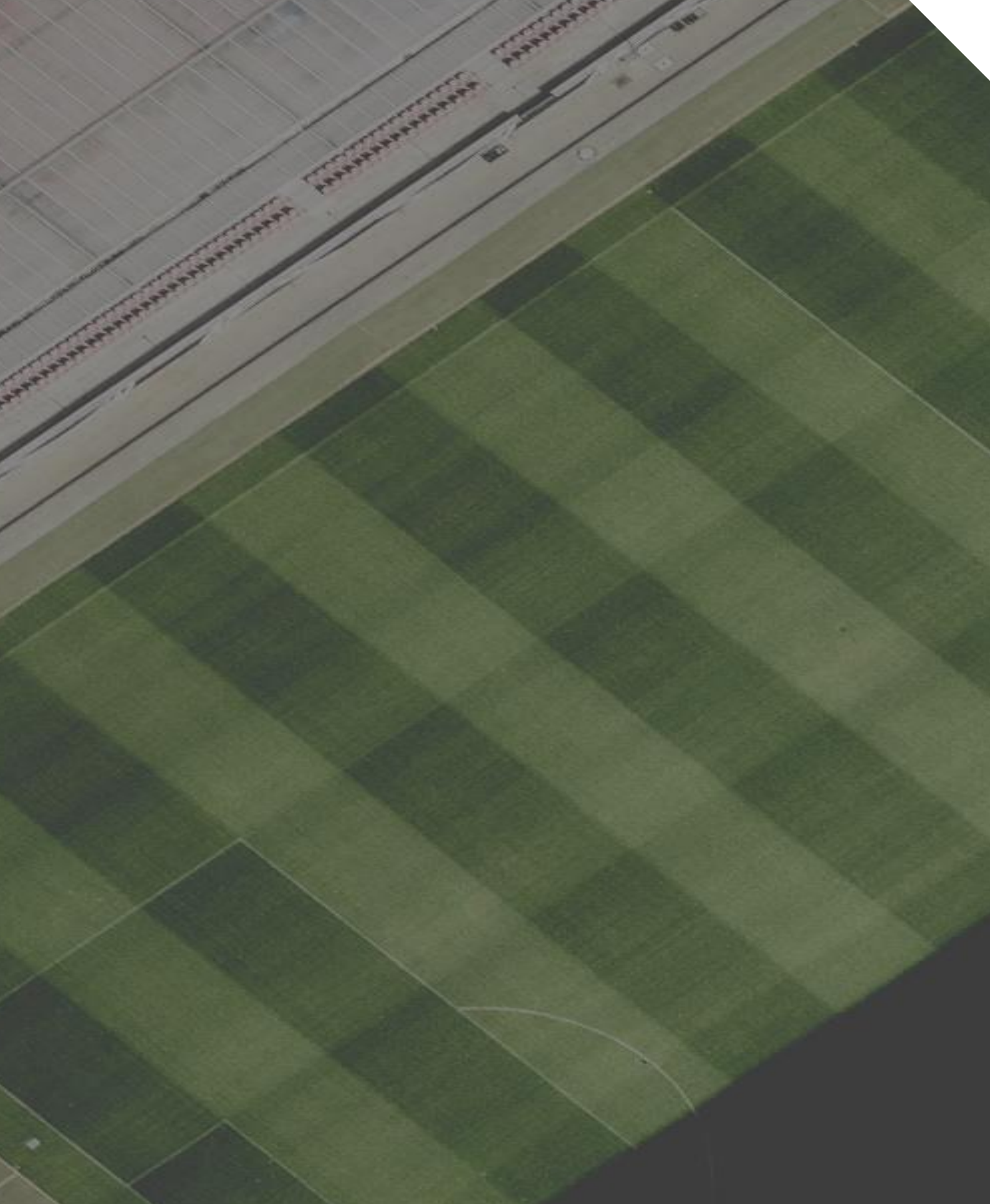
Электронное научное издание
сетевого распространения

Общество, познание и современность:
научные исследования

монография

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-5-907072-64-0

Усл. печ. л. 5,0.

Объем издания 6.9 МВ

Оформление электронного издания: НОО

Профессиональная наука, mail@scipro.ru

Дата размещения: 01.02.2019 г.

URL: <http://scipro.ru/conf/monographsociety.pdf>.